

И.Ю. Млодик

**ПСИХОТЕРАПИЯ
КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ
ОТ ИЛЛЮЗИЙ**

Москва

УДК 821.161.1.-31
ББК 84(2 Рос=Рус) 6-44
М727

Млодик, И. Ю.

«Кто я? Зачем живу?» — эти вопросы периодически задает себе каждый, они, в свою очередь, порождают множество других вопросов, и, именно с них, начинается путь к новой жизни. Этот путь тяжел и опасен, но он ведет к иным, неизведанным землям и к солнцу...

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1.-31
ББК 84(2 Рос=Рус) 6-44

Психотерапия как освобождение от иллюзий /
И. Ю. Млодик. — 3е изд., испр. и доп.

*Моя глубокая признательность всем тем,
кто был причастен к созданию этой книги.*

*В первую очередь моему психотерапевту Елене Б.
и всем моим клиентам, отважившимся на это путешествие.*

Процесс психотерапии невозможно описать во всей его полноте. Написанная мной история — одна из многочисленных попыток сделать это: описать неопишуемое. Практически невозможно в одном рассказе, романе полно и достоверно изобразить счастье, страдание, искания или любовь. Не получится. Столько книг про это написано, и все же каждая история, каждый автор вносят что-то новое в то, что уже рассказано ранее кем-то другим. Вот вам и моя капля в этом море. Почти не выдуманная история и статья в одной книге об одном и том же удивительном процессе. Психотерапия в жизни современной девушки и метафоричная жизнь героя, проживающего этот путь в легенде, сказке или, может быть, в чьем-то сне. Для того, кто еще не решился отправиться в этот путь, и для тех, кто уже там — на пути к своей новой жизни.

Ирина Млодик

Там,

где тебя

еще

нет...

Никто не мог ему рассказать, когда и где он родился. Да и много лет этот вопрос его нимало не волновал. Его вообще мало волновали вопросы. Там, где он жил, у всех вокруг была одна задача — уцелеть, а задумываться о том, кто и при каких обстоятельствах дал тебе жизнь, было не принято или чревато откровением, за которое, возможно, пришлось бы дорого заплатить.

Сейчас середина промозглой зимы, и тусклый свет растворяет темноту лишь на несколько часов, и еще туман... Всегда туман. Старожилы рассказывали, что когда-то, на заре времен, бывали дни, когда привычная пелена неожиданно рассеивалась в той части острова, где Город спускается к самому морю, и тогда можно было увидеть солнце и там, далеко на горизонте, — неведомые земли. Мир без тумана? В это верилось с трудом даже тем, кто обладал богатым воображением.

Сколько он жил, ему никогда не удавалось по-настоящему увидеть солнце, всего лишь особенный, чуть желтоватый свет сквозь туман. Лишь строжайший запрет Правления на обсуждение идей существования других земель, солнца, иной жизни вызывал в нем смутное чувство, что, может быть, то, о чем говорят смельчаки, — правда. И их остров вовсе не остров, а часть материка. И если идти много-много дней на восток, то можно дойти до огромной Горы, которую, правда, еще никто не мог одолеть или же

обойти. И что солнце — круглое и ровное, как тарелка, и что оно меняет цвет, становясь почти красным незадолго до того, как наступит полная темнота.

Его не волновали другие земли, недоступная Гора или то, насколько бесконечно море, но за возможность хоть краешком глаза увидеть настоящее солнце он бы отдал многое. Впрочем, многое отдать все равно бы не получилось, так как он не обладал ничем большим, чем любой другой житель острова. Это приносило успокоение. Если ты такой как все, то и жертвовать нечем. Поэтому он разделял мнение Правительства, вынесшего запрет на обсуждение этих нереалистичных идей. Будоражающие мысли о других землях только беспокоили, вносили смуту, рождали тревогу и желание что-то предпринять, а предпринимать-то было и нечего. Из ныне живущих никто не видел всего этого. Все сказки, домыслы, дурь.

Когда он не был одержим грезами о солнце, ему вполне нравился туман. Конечно, не такой, как сегодня: холодный, пронизывающий, делающий тебя мокрым изнутри, воняющий сырой землей и корой деревьев. А летний туман — легкий, пахнущий морем, водорослями, рыбой, пронизанный солнцем, которое хоть и не проникало сквозь эту завесу, но чувствовалось в каждой капле. В детстве он был уверен, что именно солнце пахло водорослями и морской водой, а не летний туман.

Весной и осенью туман становился просто декорацией к дождям, которые с грохотом стучали по крышам и водоотводам, откуда по специальным желобам вся вода потом уходила в море. Жители города в межсезонье всегда поминали добрым словом своих

предков, которые несколько столетий назад построили всю эту хитрую систему отвода воды. Потому что поздней осенью, темными ночами, когда начинал дуть безжалостный и неотвратимый северный ветер, особо чувствительным начинало казаться, что когда-нибудь очередной ливень просто смоев их всех в соленую бездну, беспощадно слизнет целый город.

Дождь и ветер он не любил, туман же был ему другом. Всего пять-семь шагов — и ты в безопасности. В этой белесой завесе так легко стать незаметным, исчезнуть, перестать существовать. В тумане растворяются краски, все становится силуэтным, нечетким, призрачным, звук же, наоборот, получается глубоким и ясным, как будто приобретает очертания, форму.

Он с детства узнавал всех соседей своего квартала по шагам, и пока окружающие всматривались в непроглядную муть, пытаюсь понять, что за человек приближается к дверям, он уже заранее знал, кто это: тучный мельник, живущий за углом, пышнотелая молочница, подарившая городу уже восемь таких же пухленьких, как она, детишек, или старый рыбак со своим сыном.

Вообще, рыбаки жили в Нижнем Городе возле лагуны, которая была утыкана их лодками, точно нарукавник булавами у молоденькой портнихи Берты, что жила на первом этаже единственного розового дома в их квартале. Старому же рыбаку приходилось каждый день в любую погоду, кроме зимних штормов, подниматься кривыми улочками в гору, таща с собой сети и часто весьма скудный улов.

Поговаривали, что раньше он был художником, но когда его жена стала чахнуть от какой-то неведомой местным докторам болезни, ему пришлось за-

няться переработкой рыбы в лагуне, чтобы заработать на лекарства. Там он простудил руки, от чего его пальцы распухли и скрючились. Воспаленные суставы причиняли нестерпимую боль, руки вскоре потеряли всякую чувствительность к кисти и углю. Полотна и краски были заброшены, тем более что картины на острове всегда раскупались плохо и больше из симпатии к художнику, чем из потребности в красоте. Кисти были убраны в сундуки, а жена умерла с наступлением летних туманов.

Соседи всем кварталом купили вдовцу лодку, и с тех пор он стал рыбаком и очень быстро состарился. Они с сыном со временем как будто смирились со своей рыбацкой судьбой, но перебираться в Нижний Город не хотели, не могли расстаться с дорогим их сердцу домом, где с портретов, развешанных по стенам, грустно улыбалась дорогая их сердцу женщина. Сын рыбака любил рассказывать ребятам, что из их окна можно было бы увидеть другие земли, если бы, конечно, не туман. Но никто в это не верил, даже легковверные мальчишки.

Квартал жил бедно, но дружно и открыто. Тайн не было, да их и не могло быть, во всяком случае, для него — Ганса. По голосам и звукам он мог воссоздать любую картину из соседской жизни у себя перед глазами, скрыть хоть что-то не могли ни дожди, ни стены. Туман создавал лишь видимость укрытости от чужих глаз, так же как крепостные стены города — ложное ощущение защищенности от невидимого врага, крыши — иллюзию защиты от межсезонных дождей. Лишь водосточные трубы в этом городе работали надежно, иначе Нижний Город уже давно бы затопило, да и Верхний Город, казалось, тоже мог бы

уйти под воду, если бы не эта вершина мастеровой мысли — городские водостоки.

Ему нравился его Город. Он гордился тем, что живет именно здесь, среди этих людей, что занимается очень важным делом — шьет сапоги. Кому, как не ему, узнавать своих соседей по шагам. Ведь по мостовой стучали, шаркали, подсакивали, прихрамывали его сапоги, ботинки, сандалии. Говорят, он был хорошим сапожником. У него шили обувь не только жители Верхнего, но и знатные люди из Главного Города, они, правда, укутывались в дорогие плащи и глубоко надвигали шляпы, пряча глаза, но мастеровых не обманешь, знатных господ видать за версту даже в тумане.

Еще несколько лет назад он придумал новый состав клея, который помогал обуви дольше оставаться сухой, не промокать в дождях и вечной мороси. Смола с корявых деревьев, что растут к западу от крепостных стен, показалась ему достаточно клейкой, к тому же он заметил, что вода на ней всегда собирается в капельки и кора под смолой всегда остается сухой. Новый клей отлично склеивал подошвы, пропитывал стыки, стежки, щелки. Ботинки получались почти непромокаемыми, по крайней мере, их хватало на одну долгую дождливую осень.

Ганс жил простой, почти счастливой жизнью. Его ценили как сапожника. Берта любила останавливаться перед его мастерской и пересказывать последние новости и сплетни. Соседи никогда не отказывались помочь, да и он сам всегда был рад прийти на помощь любому. Правительство заботилось о том, чтобы враг не проник в Город. Дожди обеспечивали Ганса работой, туман — укрытием.

Летом он часто пропадал за городом, где собирал драгоценную смолу, зимой — на ярмарке кож, весной спускался в лагуну помогать старому рыбаку конопатить и приводить в порядок разваливающуюся лодку. Осень всегда приносила много заказов, и он работал особенно усердно, часто не успевая хоть раз за день выйти на улицу, где туман из-за проливного дождя поднимался над землей чуть выше, чем обычно.

Он любил свой Город, делал, что следовало, чувствовал себя нужным и был доволен тем, что имеет. Только почему-то именно сегодня, в это промозглое зимнее утро, в его сердце поселилась какая-то смутная тоска, которая к обеду, изрядно побродив по его телу, оформилась наконец в тревожный вопрос: как и когда он родился?

У молочницы Марты вчера мальчишке, пятому по счету, исполнилось семь лет. Был праздник, пироги, угощение. А сегодня он впервые вдруг задал себе вопрос: когда же его день рождения? Вопросы поселили в нем настоящий ужас, переходящий в панику, потому что он вдруг понял, что не знает о себе очень важных вещей. Не знает, сколько ему лет, кто его родители, где они. Лавина вопросов, внезапно возникнув, чуть не погребла его под собой. Он выбежал на улицу из своей пропахшей клеем и кожей мастерской и стал метаться от двери к двери, задавая эти вопросы каждому, кого удавалось застать дома. Но никто из соседей почему-то не мог рассказать ему, как и когда он появился на свет.

Они говорили:

— Ты жил здесь всегда. Всегда, сколько мы себя помним.

— Ганс, зачем тебе это? Зачем тебе знать, как ты родился?

— У тебя не было родителей, с тобой всегда жила лишь старая добрая Жильберта, царствие ей небесное.

— Мы и правда никогда не праздновали твоего дня рождения. Значит, ты можешь выбрать себе любое число, любое, какое тебе понравится.

— Сколько тебе лет? Да... сколько же? Ну, наверное, примерно столько же, сколько сыну рыбака. А ему недавно исполнилось двадцать пять. Значит, и тебе двадцать пять, ну максимум — двадцать шесть. Марта, ты как считаешь, Гансу нашему есть уже двадцать шесть? Вот видишь, и Марта так считает...

Она не любила Москву, особенно ранней зимой, когда весь город становился серым: небо, дома, лица, грязь под ногами. Все теряло краски. Все лишалось смысла. Ей казалось, что если поместить камеру на самый высокий фонарь возле входа в метро, то картина на видео в ускоренной перемотке была бы удручающей в своей бессмысленности. Толпы серых людей обреченно и сонно серым зимним утром входят в мрачное подземелье. Оно полдня жадно пожирает их только затем, чтобы ближе к вечеру начать выплевывать такими же серыми и усталыми на грязную мостовую.

Ну и смысл?

Это был ее любимый вопрос. Точнее, ответ. Никто не мог убедить ее в том, что кто-то в этой серой толпе сегодня спас чью-то жизнь, а кто-то безумно

влюблен, а вон та девушка в белом берете улыбается, потому что пожилой врач наконец поздравил ее с долгожданной беременностью. Все неправда. И смысла нет. Потому что все равно любая, даже самая великая любовь рано или поздно заканчивается, дети, вырастая, оставляют родителей, самая любимая работа надоедает, ни один начальник не в состоянии оценить тебя по достоинству, денег всегда не хватает, в отпуск ехать не с кем, и в конце концов мы все умрем. Тогда зачем все это?

Предаваясь этим мрачным мыслям, она тем не менее чувствовала себя особенной, возвышенно-печальной и гордо одинокой. Ей казалось, что знание о бессмысленности существования выделяет ее среди этих простых людей, чья наивная вера в смысл жизни двигает их каждый день к дверям метро и обратно. Она — не они. Это самое главное. Она — другая. Ее зовут Анна.

Этим мыслям она обычно отдавалась по дороге на работу, сладостно упиваясь страданием. Меланхоличная тоска с легким привкусом философии позволяла ей хоть как-то пережить злобную тесноту в вагонах и унылые очереди на эскалатор, отвлекала от вида профессиональных нищих в переходах под стоящим в пробках проспектом, разрешала не присоединяться к этому утреннему московскому безумству, которое охватывало и ее, стоило только начать думать о работе.

Работа делала ее никем. Она была бухгалтером в небольшом банке, точнее, даже в филиале этого ну очень небольшого по московским меркам заведения. У нее экономическое образование и уже три года опыта работы. Но на самом деле она никто. Именно

с этим ощущением она день за днем привычно входила в неудобное помещение с одинаковыми серыми столами, искусственным освещением и вечно гудящими компьютерами.

Никчемность вползала в нее еще на входе, когда она автоматически махала вечно угрюмому охраннику своим отвратительно-серым пропуском и, на ходу снимая пальто, погружалась в эту серую дремоту, восьмичасовую медитацию — сон наяву.

Ее работу мог бы делать и примат, достаточно владеющий пальцами, чтобы тыкать в клавиатуру на ее компьютере времен покорения татарами Крыма. Примат к тому же значительно лучше нашел бы общий язык и с их главным бухгалтером, ибо особи одного вида без труда способны понимать друг друга. Феоктист Петрович (имя для примата, конечно, труднопроизносимое, зато очень главнобухгалтерское) был броваст, длиннорук, занудлив и незатейлив. Говорил много, но в основном междометиями. Любил тыкать своими длинными обезьяньими пальцами в ее бумаги и из длинных слов знал, казалось, только одно: «Переделайте!».

Она считала себя значительно умнее Феоктиста Петровича. Это была ее роковая ошибка, поскольку ее начальник примитивным чувством главного гиббона улавливал ее необоснованную заносчивость и, не замечая в ней радостного желания отреагировать повышением рабочего энтузиазма на его очень справедливые замечания, как правило, обреченно вздыхал и произносил единственную длинную фразу, на которую был способен:

— У вас нет будущего, Дерзкая, из вас никогда не получится главного бухгалтера.

Фраза должна была пригвоздить ее к полу, открыв ей ужасную правду о собственной бесперспективности, должна была включить амбиции, зажечь в ней неугасаемое желание стать лучшей работницей в отделе, чтобы потом, когда через двадцать лет старый гиббон загнетса над своими годовыми отчетами, это почетное место предложили именно ей. Желание не появлялось, но Петрович был странно упорен. А вдруг? Кстати, «дерзкая» — это вовсе не колкая, изящная метафора. Приматы не способны к образному мышлению. Дерзкая — это ее фамилия. Спасибо мамочке.

Самое кроткое и тихое в их сибирском городке существо, ее мать, носила эту фамилию и передала ее по наследству дочери, тоже не соответствующей этому красивому яркому слову. Бедная мамочка с безосновательным пафосом называла дочь «столичным банковским работником» и была убеждена, что жизнь в свибловской арендованной однокомнатной клетке, на оплату которой уходила основная часть заработка, — достойный восхищения этап на пути восхождения к карьерному и всему прочему счастью. Для мамочки, заслуженного библиотекаря, столичная жизнь Анны вполне соотносилась с их фамилией.

Мама не любила приезжать в гости, была в Москве лишь однажды и ни разу не вышла из дома без сопровождения.

Анна совсем не ощущала себя дерзкой. Ну разве что где-то очень-очень глубоко в душе. Значительно чаще она чувствовала себя никчемной, блеклой, потерянной... точнее, не найденной. Иногда в этом большом городе, где так много людей, что никому ни до кого нет никакого дела, она казалась самой

себе ребенком, оставленным родителями. Они, приехав по делам в этот огромный мегаполис, попросту забыли ее на вокзале, уезжая в какой-то свой тихий и волшебный город, где их ждут уютный дом, дружная большая семья, камин в гостиной и большая добрая собака во дворе. И потому ей надо просто жить и дожидаться того момента, когда они вспомнят об утерянной дочери, вернутся за ней со слезами и подарками и заберут ее в красивый дом, избавив от всех печалей, тревог и вездесущего серого цвета... На этом ее мечты обрывались. Она не представляла, чем бы занималась в этом красивом доме и волшебном городе после слезно-радостного воссоединения с родственниками. Думать про это было уже не интересно. Главное — найтись и попасть домой.

Через неделю ей стукнет двадцать семь, и сегодня она предпочитает пялиться в опостылевшие платежки или упиваться бессмысленностью существования, а не думать о том, что час «икс» приближается. Когда-то в свои смутно-депрессивные пятнадцать, после очередной несчастной и невзаимной любви, она дала себе зарок, что если к двадцати семи годам не станет счастливой, то и жить тогда незачем, потому что после двадцати семи шансы на счастье стремительно испаряются. Будучи по натуре пессимистичной и рациональной, она скрывала от самой себя, что ждала этой заветной цифры точно так же, как маленькие дети ждут Деда Мороза: с замиранием сердца, непоколебимой верой в чудо и едва уловимым страхом того, что волшебный старик по несправедливой случайности может обойти их дом стороной.

Она была почти уверена, что какая-то счастливая встреча, неожиданный случай, удивительное событие как-нибудь войдут в ее жизнь и перевернут все, озарив ее бытие ярким и бесконечным счастьем. И случится это непременно до того, как ей исполнится двадцать семь.

Но пока ей не хотелось оглядываться на свою, как ей казалось, долгую жизнь, в которой было несколько странных мужчин, больше претендующих на роль сыновей, сомнительно-удивительных событий из серии поступления в столичный вуз и малоперспективных явлений из разряда обретения работы под началом самого нудного и бровастого бухгалтера Москвы и Московской области.

Как справлять сие знаменательное событие — двадцатисемилетний рубеж, — Анна не имела никакого понятия. Студенческие подруги, обзаведясь мужьями и детьми, выпали из общения сами собой. В обсуждении памперсов, ипотек и проблем грудного вскармливания она была никудышным собеседником, ей самой тоже было совершенно не о чем поведать подругам, вопросы постижения бессмысленности их, скорее всего, не увлекали.

Из друзей у нее оставались Достоевский, Кафка, Бродский, Шопенгауэр, Воннегут и Стейнбек. Почетная, но не совсем подходящая для празднования дня рождения компания. Хотя... как бы она поступила, если б они и вправду пришли? О... это было бы ужасно! Такие люди не ходят к таким, как она. Она, конечно, потеряла бы дар речи в присутствии любого из них, немедленно ощутила бы себя мыльным пузырем и лопнула, оставив после себя лишь маленькую мыльную капельку на столе.

От созерцания самоуничжительных картин в своем воображении ее оторвал телефон, утробно заручавший в кармане пиджака.

— Привет, Нюсик. Не узнала?

— ...

— Ну давай, вспоминай улицу Ленина, карусель, ну?

Это был он. Нюсиком ее звали только в школе, бархатный голос, по которому все существа женского пола сходили с ума, мог принадлежать только Димочке — красавцу и сердцееду, с которым она один раз целовалась на карусели, пока, к великому ее огорчению, их не выгнала оттуда взашей какая-то разгневанная мамаша.

— Димочка, ты спас мне жизнь.

— Ну ты обалдела совсем! Вроде бы не успел еще. Узнала, стало быть.

— Сейчас своим звонком ты спас мне жизнь.

— Ты что, собиралась повеситься, что ли?

— Нет, конечно, я просто очень рада тебя слышать. Как ты узнал мой телефон?

Все оказалось просто и волшебным, как в ее мечтах. Он приехал на стажировку или учебу какую-то на три месяца, через девчонок нашел ее телефон, позвонил, предлагает встретиться, говорит, что всегда хотел найти, скучал, ждал встречи.

Она и верила, и не верила в это. Все случилось так быстро, его голос в телефоне был такой нежный, такой замечательный. Не может быть, чтобы он скучал. Скучал по ней... Невозможно. У него всегда была туча девочек, девушек, женщин, поклонниц, покровительниц. После того поцелуя он забыл о ней, точно она была призраком, ни разу больше не подошел

к ней, не танцевал с ней на выпускном, не обращал внимания. Ее сердце даже не было разбито, ей самой поцелуй на скрипучей карусели долгое время казался сном. Она, конечно, ждала, конечно, страдала, когда видела, как он излучает обаяние, растапливая любое женское сердце. Вряд ли он изменился... Но он помнит о поцелуе! Даже она давно вписала ту памятную встречу в список нечаянно приснившегося, в девичьи наваждения. А он помнит. Значит, она небезразлична ему. Значит, помнит, значит, скучал...

Ее сердце внезапно забыло, как поддерживать нужный ритм, легкие перестали дышать, а голова в момент распухла от количества одновременно решаемых задач: горьких воспоминаний, тревожных ожиданий, непростых решений (отпрашиваться пораньше и заезжать домой переодеться или так сойдет?). Она погрузилась в водоворот мыслей и еще три часа пялилась в экран, ничего не видя перед собой, не двигаясь и почти не дыша.

Почему он никогда не думал о своих родителях? Жильберта всегда звала его «сынок», добрая половина города называла его «нашим Гансом». Он никогда не чувствовал себя одиноко, всегда знал, что надо делать, каким будет его будущее. Жители Города день за днем рождались, вырастали, старели и умирали на его глазах. Жизнь была понятна, стабильна и предсказуема. Он знал, кто он такой и кем будет, когда состарится. Город был его колыбелью. Это каменное чрево его вырастило, вынянчило и теперь пожинало плоды, гордясь хорошим мастеровым и примерным гражданином.

Но почему именно сегодня возникли все эти вопросы? Он вдруг остро почувствовал, насколько на самом деле растерян. Чувство острейшего одиночества черной волной окатило его, оставшись где-то в животе сосущей болью. Жгучая тоска, обдав кипятком, зашипела о том, что отныне покой потерян навсегда. Теперь он не сможет жить, как раньше.

Если бы только он был волком! Он завыл бы так, что лопнули бы сердца, не в силах перенести боль, выраженную в звуке. Быть может, тогда ему удалось бы хоть ненадолго освободиться от тоски и ужаса, взявших в плен его тело. Но вместо этого он лишь сидел неподвижно в темнеющей мастерской, боясь пошевелиться, желая только одного — вернуться в счастливое вчера, в ту пору, когда страшные вопросы еще не разрушили все те представления, на которые он привык опираться в своей прошлой простой жизни. Он не сразу вышел из оцепенения даже тогда, когда в его мастерскую ввалились друзья, наполнив ее бодрими юношескими голосами, запахами молодых потных тел, прелой одежды и чуть прокисшего табака.

— Что хандрить, дружище? Давай вылезай из своей каморки. В «Тугом пузе» сегодня рыжий Эрик угощает всех пивом, Правление дало ему работу на новом строительстве, он теперь не кто-нибудь, а помощник главного плотника! — Вечно веселый Клаус стремительно сгреб его в охапку, замочив дождевиком, и поднял со скамьи, безвольного, точно мешок картошки. — Ну же, Ганс, поторопись, уже пора. Ты же знаешь, он всегда стремительно напиивается, перестает быть щедрым и быстро переходит к драке. Глупо ввязываться в драку, когда ты еще даже не пьян.

Петер со Стефаном уже рыскали в полутьме, хватая дождевик, шляпу, напяливая все это на безучастное тело Ганса. Второпях потушенная Клаусом свеча зашипела от мокрых пальцев и безропотно сдалась под напором внезапно наступившей темноты.

Ганс любил своих друзей, любил всех вместе и по отдельности. Кудрявый красавчик Клаус был заводилой в их компании, его фантазии на предмет развлечений и забав были неистощимы, он никогда не впадал в уныние даже самой дождливой и серой осенью, умел выкрутиться из любой ситуации, поскольку мог обаять любое живое существо независимо от пола, возраста и социальной принадлежности. Ганс в тайне от самого себя завидовал этому стройному красавцу с безупречным телом: его энергии, веселому нраву и легкому успеху у девушек. При этом он был искренне убежден, что если и есть где-то другие города, в которых бывает настоящее солнце, то населены они, конечно, такими лучезарными людьми, как их любимый Клаус.

Петер и Стефан были братьями-близнецами, внешне похожими друг на друга, как две дождевые капли, и столь же разными внутри, как та вода, что падает с неба и плещется в море. Случай позаботился о том, чтобы окружающие не мучились вечным вопросом, кто из них кто. Когда Стефану было шесть лет, его укусил паук, щека покраснела, вздулась, грозя изуродовать лицо миловидного голубоглазого мальчика. Старенький врач, с трудом спустившийся на негнущихся ногах из Верхнего Города, разрезал щеку, чем спас Петеру брата, навсегда оставив миру знак, как отличать одного голубоглазого мальчика от другого. С тех самых пор все несчастья и недораз-

умения всегда случались именно со Стефаном, а Петер спасал его из всех передряг.

О бесстрашности Петера ходили легенды, и хотя Стефан появился на свет раньше брата, все были уверены, что старший, конечно, Петер, — ловкий, быстрый, всегда готовый к любым неожиданностям. Он не переносил несправедливости, и обидчику всегда доставалось, от его правосудия было не укрыться. Другое дело, что суд Петера всегда был скорым, и он выносил свой приговор, не пытаясь даже разобраться в обстоятельствах дела.

Стефан же жалел и понимал всех, всегда причитал над жертвами расправы брата, смазывал их раны, утешал и тащил домой вне зависимости от того, где их настиг кулак «борца за справедливость». Это был не единственный пункт, по которому мнения братьев расходились, но жили они дружно, и один ради другого готов был сразиться с целым миром, а другой был готов дотащить брата хоть до самого рая, как бы далеко он ни находился.

«Тугое пузо» было набито мужчинами разного возраста, точно спелый кабачок семенами. Друзья с трудом протиснулись к столу Эрика, который, уже изрядно разогретый, затевал очередной спор. Петер быстро смекнул, что до начала драки остаются, скорее всего, считанные минуты, и не просчитался. Тяжелый стол был вскоре опрокинут, обдав всех пивными брызгами и остатками кислой капусты. В момент все смешалось: разящие кулаки, красные лица, глухие удары, грохот падающей мебели и запах пива, слившегося с запахом пота разгоряченных тел.

Гансу с трудом удалось вытащить из этой заварухи причитающего Стефана, которому уже крепко

досталось: из разбитой губы сочилась кровь, левое ухо алело от удара кем-то брошенной кружки. Они забрались под навес, драка в «Пузе» обычно больше нескольких минут не длилась. Ганс заботливо приложил к разбитой губе друга платок, а к уху — медную бляху, которую всегда носил с собой.

— Не понимаю, почему он так любит драться? Как ты думаешь? Это ведь больно! К тому же ты делаешь больно другому... Ну зачем ему обязательно надо подраться? — Стефан с трудом произносил слова.

— Я не знаю, Стефан. Почему мужчины дерутся? Наверное, им нравится чувствовать свою силу. Приятно ощущать, что твое тело повинуется тебе и помогает добиваться того, чего хочешь.

— А что ты хочешь? Приносить другим людям боль?

— Да нет же. Наверное, просто приятно чувствовать, что кто-то другой тебе покоряется, подчиняется твоей воле.

— Тогда почему ты почти никогда не дерешься?

— Не знаю. Не люблю покорять. Если кто-то лезет, то я себя в обиду не дам, а так, почесать кулаками, как Эрик или твой брат, не люблю. Всегда же можно договориться, если захотеть. Просто Эрику нравится лезть на рожон, без этого не разгорится драка. А Петеру зачем-то все время надо бороться с несправедливостью. Ну а Клаус, тот дерется, только если девушки смотрят... Слушай, Стефан, а как ты понимаешь, что ты — это ты? У тебя никогда не бывало ощущения, будто ты совсем не знаешь, кто этот человек в зеркале?

— Ну, это просто. Если шрам через всю щеку, то это я, — Стефан криво улыбнулся. — А сегодня меня

можно узнать еще и по разбитой губе и распухшему уху. Но ты уж, наверное, не об этом спрашиваешь?

— Да уж, не об этом, — Ганс усмехнулся скорее из солидарности. С какой-то неожиданной горечью он поймал себя на том, что завидует бедолаге Стефану. Действительно, если ты вечно бит, всегда в неприятностях и без конца утешаешь кого-то, кто тоже попал в переделку, то ты — Стефан. Потому что ты один такой. Тебя не спутаешь ни с кем. Твоя особенность очевидна. А вот что значит быть Гансом? Шить ботинки и сапоги? Узнавать соседей по шагам? Быть Гансом — знать бы, что это такое...

Они договорились встретиться на выходе из метро в половине седьмого, но она, сколько ни старалась слегка опоздать, как это положено для первого свидания, приехала раньше и нервно теребила сумочку, пытаясь изо всех сил надеть на лицо маску усталого безразличия. К тому времени, как его белокурая шевелюра мелькнула в потоке людей, ее одолевали уже совсем другие чувства. Он опоздал на полчаса, и ее захлестывала волна гнева, тревоги, возмущения. Впрочем, его широкая улыбка, по-прежнему убивающая наповал, и убежденность в собственной неотразимости в момент растопили ее ожесточившееся сердце, и она не смогла не улыбнуться ему в ответ.

В шумном прокуренном кафе, где они просидели часа три, вспоминая одноклассников и учителей, она поняла, что такое счастье: сидеть с ним рядом, слышать его голос, при этом совершенно не важно, о чем он говорит, видеть его сияющие глаза, ощущать его едва уловимый запах. О да, не прошло и пары часов,

как она ощутила себя однозначно и неизлечимо влюбленной... душой. Если бы в тот момент ей удалось разделить внутри себя, то какая-то другая ее часть изрекла бы три тонны самого едкого скепсиса, по тонне на каждый час. «Ты выглядишь полной идиоткой, неотрывно глядя в его глаза, глупо улыбаешься его совершенно дурацким шуткам, и вообще, ты даже не слышишь, какую околесицу он несет! Твое сердце замирает, когда в пылу разговора он прикасается к твоей руке. Безнадёжно влюбленная идиотка — вот кем ты всегда мечтала стать?!», — и так далее. Уж ей бы нашлось что сказать самой себе. Но к счастью, она была занята не этим. Ей просто было хорошо впервые за долгое время, и она чувствовала себя счастливой, оттого что он есть и что он рядом...

Вскоре его пиво и ее вино позволили без тени смущения перейти к идее посетить ее однокомнатный «очаг», чтобы показать те школьные фотографии, которые он еще не видел. Тот вечер и ночь она хотела бы запомнить поминутно, но, к сожалению, в голове задержались лишь небольшие смутные отрывки: вскоре уже не верилось — было или не было? А вот утро, как назло, врезалось ей в память очень отчетливо, хотя именно его она предпочла бы и не помнить вовсе.

Будильник, звеневший всегда некстати, в то утро показался ей убийственно неуместным. Это время суток всегда было для нее настоящим испытанием: звонок будильника дает начало утренней спринтерской гонке, в которой все рассчитано до минуты. Поднимая тяжелую голову от изрядно помятой подушки, в тот день она поняла, что жизнь ее переменялась. Потому что он лежит рядом, всклокочен-

ный, теплый, с легким запахом перегара, но пока ей этот запах роднее любого другого. Она пользуется тем, что он еще не открыл глаза, и выскальзывает в ванную, где тщательно приводит себя в порядок и зачем-то томно оборачивается полотенцем, вместо того чтобы просто надеть халат. Попутно она приняла вполне дерзкое решение — опоздать сегодня на работу. Когда она вышла из ванной, он был уже на кухне. Лицо мрачное.

— Я поставил чайник... Уже опаздываю. Сколько от тебя ехать до «Фрунзенской»?

— Час двадцать или полтора, как повезет с автобусом. Что ты будешь на завтрак?

— Крепкий чай и бутерброд какой-нибудь давай.

Его приказное «давай», мрачный вид и деловитость вмиг смывают ее надежды на утреннее романтическое продолжение. Они едят в полной тишине, и она так по-дурацки чувствует себя в этом розовом полотенце, но ей кажется, что идти и надевать халат — затея еще более глупая. «Что же дальше? — Мысли начинают нелепо толкаться в голове. — Как быть? Может, дать ему ключ, чтобы он смог в любой момент прийти после своих курсов вечером? Ну почему он такой мрачный? Может, ему не понравилось? Что ж сказать-то? Почему он молчит? А почему я молчу?» И потому, когда он, склонившись в ее темной и узкой прихожей, завязывая непослушные шнурки, вдруг тепло обращается к ней, до сих пор стоящей в дурацком розовом полотенце: «У меня к тебе большая просьба, Ань», — у нее вдруг что-то расслабляется внутри, и она чуть не бросается ему на шею.

— Конечно, Дим, все, что хочешь.

— Ты когда приходишь вечером после работы?

— После семи. — Ее сердце от радости уже пускается вскачь: «Он хочет прийти!!!» — Но мы можем опять встретиться в метро, если ты не помнишь, как ехать.

— Да нет, я не для себя. Понимаешь, тут есть девушка — коллега моя, она тоже на курсы приехала, но ей место в общежитии не выделили. Ей, вообще-то, ночевать негде. Ты ее не пристроишь хотя бы на пару недель? А потом мы какой-нибудь другой вариант найдем, чтобы тебя не стеснять долго. Лады? У тебя же есть диван на кухне. Она тебе и мешать-то не будет особо. Идет?

— Ну конечно... — Она совсем теряется, и, пока успеваешь хоть что-то сообразить, он уже справляется с замком и, сверкнув напоследок улыбкой, исчезает, аккуратно прикрыв дверь.

Ее вмиг начинает тошнить, ноги подкашиваются, и она с трудом добирается до своей кровати, скорее напоминающей развалины этого серого утра, чем романтику вчерашней ночи. В какой-то момент она принимает решение просто не думать, иначе тошнота и галдеж тревожных мыслей могут приковать ее к постели, смотреть на которую у нее нет никаких сил.

Она собирается на автопилоте и решает отдаться этому дню в надежде, что хоть что-то отвлечет ее от мыслей, из-за которых она ощущает себя как в детской сказке: царевной, внезапно превратившейся в лягушку — склизкую, болотную и вонючую, на которую не позарится ни один Иван-царевич.

Офис жил своей серой жизнью, и ее опоздание заметил лишь бровастый бухгалтер, который, как всегда не в тему, изрек очередную банальность, не

обращаясь ни к кому: «Точность — вежливость королей!». Да девицы в своем углу захихикали. Плевательное опоздание — позволительное хамство для лягушек, еще недавно бывших царевнами.

До шести вечера ей так и не удалось начать существовать. Голова отказывалась думать о чем-либо, кроме бесполезных попыток найти ответы на вопросы: «Кто ему эта девушка? Удастся ли еще его увидеть? Почему он решил поселить ее, а не поселился сам? Что мне делать с тем, что, когда его нет рядом, я перестаю думать и чувствовать хоть что-нибудь, кроме надежды увидеть его снова?».

В семь вечера она была уже дома, быстро убралась в квартире, в духовку отправила томиться курицу, купленную в ближайшем магазине. Заботливо приправленная чесноком и травами, птица постепенно наполняла кухню интригующими ароматами. Телефон и домофон тем временем предательски молчали, растягивая время до пределов, совершенно невыносимых для того, кто ждет.

Анна сидела, подперев щеки кулаками и уставившись в окно, безучастно наблюдая жизнь соседского дома. И потому, когда уже около десяти вечера на ее столе вдруг запрыгал от виброзвонка телефон, она подскочила от неожиданности, вырвавшей ее из комы ожидания, в которую она погрузилась, дабы перестать чувствовать тошноту и тревогу.

— Ань, у тебя какой номер квартиры? А то мы войти не можем.

«Он! — Сердце подскочило от счастья. — С ней!» — ухнуло в желудок.

Они явно уже где-то хорошо выпили, он обнимает ее за плечи. Она, не смущаясь, смотрит прямо

на Анну испытующим взглядом, который, впрочем, быстро сменяется снисходительным и даже слегка издевающимся.

— Леночка, это Аня — моя школьная подруга. Ань, — это Леночка, прошу любить и жаловать. Уверен, что вы подружитесь. А чем это у тебя пахнет?

— Пахнет? — Ее глаза сканируют Леночку, с досадой отмечая явное превосходство, Димкина рука на ее талии тоже не добавляет оптимизма. — Пахнет курицей, если она там еще жива...

— Отлично! Мы страшно голодны. Спасай друзей, подруга!

Пока они глодают изрядно иссушенную в бесконечном «духовном» томлении курицу, она смотрит на этих двоих и пытается понять, как получилось, что эти малознакомые люди оказались в ее квартире. Ее переполняло чувство жуткого стыда и своей невыразимой неуместности. Как она вновь оказалась в том положении, которого так стремилась избежать?

Эти двое, расправляясь с ужином, постоянно смеются, вспоминая о чем-то, что недавно пережили вместе. Его руки, тепло которых она еще так хорошо помнит, гладят чужие белокурые волосы, обнимают за плечи эту странную незнакомку, которая, похоже, в отличие от нее, Анны, как раз прекрасно и уместно чувствует себя везде, даже в чужой квартире. Очень скоро все это становится совершенно невыносимым.

— Слушай, Ань, нам завтра вставать рано, ты где нам постелешь? Я боюсь, что на этом диванчике мы с Леночкой никак не уместимся. Давай ты здесь, а мы в комнате. Идет?

— Идет, — тупо повторяет она, понимая, что ей отказывают все органы чувств, включая мозг. И ни едкий сарказм, ни логические построения, рациональные убеждения, чувство юмора и даже чувство самосохранения, никто из них, прежде таких верных друзей, не приходит ей на помощь.

Всю ночь она лежит без сна, под вздохи, доносящиеся из комнаты, и запахи курицы, которые ее организм уже не может выносить. Она не плачет, хотя чувствует, что если бы ей это удалось, то стало бы легче. Она не может плакать. Просто лежит, изучает в темноте потолок, пытаясь найти внутри себя хоть какую-то мысль, за которую можно было бы удержаться и выплыть. Перед ее глазами разворачиваются апокалиптические картины. Ее жизнь идет ко дну, как «Титаник», который медленно, но верно продвигался сквозь океанскую мощь к новым землям и потом по нелепой случайности натолкнулся на айсберг и пошел ко дну, унося с собой тысячи ни в чем не повинных жизней. Вот и ее жизнь тонет, унося с собой надежды на счастливое будущее, любовь, нежность, тепло и веру в людей.

Зима в тот год выдалась особенно холодной и мрачной. Туман превращался в изморозь и разве что не хрустел прямо в воздухе. Жизнь в Городе замирала, как будто каждый боялся отойти от очага, дающего свет и тепло, дальше чем на пару шагов. На улицах было сумрачно, пустынно и тихо. Спуститься в Нижний Город было почти невозможно: мостовая покрывалась тонкой коркой льда, и даже песок, щедро рассыпаемый мальчишками, часто не спасал —

крутые склоны в некоторых местах могли одолеть только молодые и ловкие. Для детворы, конечно, не было ничего невозможного, а вот пожилые горожане в ту зиму были надежно привязаны к своим домам коварным гололедом. И если у женщин всегда находилась работа по дому, то старики откровенно страдали, не зная, куда приложить свои силы.

Гансу тяжело давалась та зима. Его перестали увлекать прежние занятия, хотя обувь он делал по-прежнему отличную, заказов было полно и работа спорилась — руки делали свое дело, им почти не мешали тяжелые мысли, засевшие у него в голове. Думы делали Ганса мрачным и каким-то заторможенным, будто кто-то погрузил его глубоко под воду, а там, под водой, и мысли текут вязко, и двигаться тяжело. Как-то раз он удивился, вдруг осознав, что совсем не помнит, о чем же раньше он думал за работой, потому что теперь его мысли были заняты только одним: как понять, кто ты такой, как узнать, что было до тебя, для чего ты появился на свет и куда делись те, кто был причастен к твоему появлению на свет?.. Что-то мешало ему продолжать активно расспрашивать всех вокруг, как он делал месяц назад, когда ужасное осознание обрушилось на него.

Теперь он будто боялся сделать лишнее движение, почти перестал выходить из дома, общаться с друзьями и соседями. В какой-то момент он отчетливо понял, что ему просто страшно узнать правду. За всей этой историей о его рождении стояла какая-то тайна, и к ее разгадке даже приблизиться было как будто невыносимо. Сможет ли он справиться с тем, что откроется ему? Быть может, надо просто выбросить всю эту глупость из головы и жить как прежде,

просто работая и живя день за днем, как все добропорядочные граждане в этом городе? Вот только как начать жить как прежде? Как забыть то, что тебе так некстати открылось?

Временами он замерзал так, что сводило руки, и он совершенно не мог работать. Он набрасывал на себя все самое теплое, ложился поближе к огню, но и тогда не мог согреться: его трясло изнутри, скручивало, сводило будто судорогой. В какой-то момент он засыпал совершенно измученный. А пару часов спустя он уже снова мог работать, в голове прояснялось, хотя всегда после этих снов у него оставалось смутное чувство: он должен что-то вспомнить то ли из того, что ему снилось в эти пару часов, то ли из того, что он пережил когда-то, но почему-то забыл.

Сначала он пытался придерживаться традиционного распорядка дня — работать днем хоть и при скудном, но все же естественном свете, а спать ночью, когда город совсем затихает и слышны лишь зимние шторма, возмущенно отступающие год за годом перед скалами и стенами Города, да голодные крики чаек. Но вскоре все спуталось, и он стал засыпать каждый раз, когда не мог справиться с холодом, а работать — когда согревался и к телу возвращалось былое умение.

— Что-то творится с нашим Гансом.

— Хандрит. Зимой, конечно, всем тяжело. Но с ним, похоже, и вправду что-то неладное. — Соседи перешептывались, судачили, пытаясь решить, как им поступить с юношей, которого они привыкли видеть общительным, работающим, довольным, помогающим всем и каждому, кто ни попросит. А теперь он совсем перестал показываться в кварта-

ле, лишь у двери его мастерской люди регулярно оставляли свои истрепанные сапоги и ботинки, которые через какое-то время вновь появлялись у порога — залатанные, починенные, хорошо проклеенные и пропитанные специальным водоодежным составом. Ганс перестал выходить к людям, даже к тем, для кого чинил обувь. Они оставляли деньги в миске, стоящей там же у порога, и сами забирали свою обновленную обувь. Но для того, чтобы сшить новые сапоги, требовалась мерка, и тогда Гансу приходилось впускать кого-то в свою мастерскую. В мрачном молчании он снимал мерку с ноги и всегда пожимал плечами в ответ на вопрос «Когда будет готово?».

Если бы не его умение шить лучшую обувь в городе, то он своим молчанием и унынием распугал бы всех клиентов. К тому же его любили, наверное, поэтому терпели до весны: с ее теплыми дождями обычно смывались все зимние тревоги и печали. И в этот раз все уповали на весну, способную вернуть радость и надежду в любой замерзший дом. Ганс тоже ждал. Весны ли, новых ли надежд, ответов, озарений... Не мог сказать. Знал только, что надо ждать. Просто как-то жить, работать...

Однажды он очнулся со странным ощущением, что почти помнит сон, который ему только что приснился. Он был уверен, что этот сон он видел уже много раз, именно это снилось ему снова и снова, и, просыпаясь, он пытался ухватить хоть что-то: звук, запах, образ. Но сон каждый раз в момент растворялся, как только он пытался его вспомнить.

С какой-то растерянностью он, глубоко вздохнув, взялся было за порванный сапог старого мельника,

как вдруг что-то заставило его натянуть дождевик, нацепить специальные подошвы с крюками, чтобы можно было спускаться по крутым скользким улочкам, и выскочить в уже сгущающуюся вечернюю темноту. Под порывами ледяного ветра он бежал вниз, и впервые ему было почти жарко от возбуждения, которое торопило и гнало его туда, где ревело и рвалось одичавшее за зиму море.

Когда он спустился к скале, месту, которое он знал с самого детства, уже почти стемнело, и ему пришлось почти на ощупь продвигаться вдоль нее, цепляясь за влажные холодные камни. Пальцы хорошо помнили поверхность скалы, и, когда на уровне груди он нащупал выступ, осталось только подтянуться. Небольшой грот, куда он еще ребенком научился забираться и сидел там в гулкой тишине, отражал звуки моря и давал ни с чем не сравнимое ощущение защиты — за спиной громоздились скалы и возвышался город, с крепостными стенами, надежными водостоками и трудолюбивыми горожанами. Ему так нравилось ощущать это скалистое объятие и видеть, как внизу, совсем рядом бушует море — холодное и суровое, но неспособное его здесь достать.

Он долго смотрел на море, едва видимое в сгущающейся темноте, и ему казалось, что рядом с ним гигантское животное — шумно дышащее и солено пахнущее, укрощенное неприступностью скал, но не покоренное. Море было живым, это знал каждый житель города, и, как все живое, оно имело свой непредсказуемый характер. В какой-то момент оно как будто начало успокаиваться, стихать, и Ганс то ли задремал, то ли замечтался.

Дерево под ногами... Лодка? Плот? Рот, полный соленой воды... Лесная чащоба, ветки раздирают плечи, он бежит, и кто-то бежит за ним. Темно. Очень страшно. Даже не страшно. Жутко... Кто-то в опасности. Его нужно спасти. Это может сделать только он. Он готов отдать жизнь, чтобы только спасти! И не может. Кто-то умер! Он не смог ничего сделать. Кто-то умер! Темнота. Холод. Боль.... Нет смысла жить. Но он живет. Земля, везде земля, даже во рту. Ему не выбраться... Листья. Зеленые, яркие, светящиеся. Он не видел раньше таких листьев. И все, потому что... чуть выше — солнце! Яркое, ослепляющее, проникающее, такое острое, что на него больно смотреть! Солнце! Он видел солнце!

Ганс просыпается и в первый момент не понимает, где он. Вокруг темнота, шершавые камни, затекшие ноги и руки болят. Он в гроте. Моря почти не слышно. Ему трудно начать двигаться, пока он не вспоминает, что только что он видел солнце. Ему приснилось солнце! Именно этот сон снился ему каждый раз, когда он, замерзший и изможденный от внутреннего напряжения, засыпал перед очагом. Он видел солнце! Он знает, какое оно! Ему нужно снова увидеть солнце и всем рассказать об этом. Все непременно должны узнать. Это очень важно, потому что солнце делает все таким ясным, ярким и живым. Мир становится прозрачным и огромным, когда в нем нет тумана, видно каждую мелочь, каждую деталь, и при этом можно рассмотреть то, что вдалеке!!! Ганс был потрясен. Он не мог придумать солнце, он его точно видел и во что бы то ни стало намерен увидеть снова.

Сначала он хотел рассказать о солнце, которое он видел во сне, всему городу... или друзьям, или Клаусу

хотя бы. Уж Клаус-то понял бы, что это значит — видеть настоящее солнце. Но чем ближе он подходил к своему дому, взбираясь по крутым склонам, тем большие сомнения охватывали его. Что-то внутри сжималось то ли от страха, то ли из смутного желания сохранить все в тайне.

Она, конечно, не выдержала долго и через день уже послала их всех к черту. Вышла из комы, в которую ее вогнал этот странный поворот сюжета, нахлебалась стыда и ненависти к самой себе за идиотизм и овечью жертвенность, разозлилась и послала их к чертям собачьим. Ну да, сцена вышла некрасивая, она выглядела как последняя идиотка, которая сначала на все согласилась, а потом разоралась и сказала, что «здесь им нечего торчать вдвоем!.. Тут не гостиница и не общежитие»... И вообще, у нее «скоро мама приезжает». Это было совсем малоубедительной ложью, что все трое моментально поняли. В квартире повисла неловкая тишина.

Леночка все сразу поняла и с почему-то торжествующим видом начала собирать нехитрые пожитки, Димочка недоумевал, похоже, по-честному не соображая, почему же Нюсик так внезапно, без особых причин переменялась. Когда за сладкой парочкой закрылась дверь, она почувствовала себя отважным маленьким воином, изгнавшим коварных врагов, хитростью проникших в город. Она с бешено бьющимся сердцем, с трудом удерживаясь на ватных ногах, заварила себе чаю, заливая треугольный «Липтон» кипятком так, будто готовила триумфальный напиток.

Через полчаса на нее навалилась страшная усталость, ее перестало трясти, подкатили слезы, а за ними — пустота.

Такая, от которой не хочется жить.

Утро заставило ее двигаться, одеваться, ехать в метро, сидеть на работе, ехать обратно. До самой субботы ее спасала эта прежде так ненавидимая ею работа, в которой можно было быть просто роботом, выполняющим очень простые задачи: доехать, отсидеть, вернуться, заснуть. Последнее у нее получалось хуже всего: вот уже три ночи она совсем не могла спать. В голове непрестанно крутились вопросы: самоосуждающие, риторические, лишённые всякого смысла. Вопросы, ответы на которые ей были хорошо известны. Но принять их означало бы подписать безоговорочную капитуляцию. Вот только противник — кто? С кем война? И кому праздновать победу? Той, которая когда-то в пятнадцать дала себе зарок, что если к двадцати семи не станет счастливой, то и жить нет смысла? И перед кем ей так стыдно за проигрыш? Кто наблюдал за сражением и теперь готов презреть проигравшего? И как быть перед лицом того, кто слышал, как она дала себе этот страшный зарок?

Жизнь очевидно не удалась. У нее не получилось, совсем не получилось сделать не то чтобы великое, но хоть сколько-нибудь стоящее в своей бессмысленной серой жизни: ни работы, которой она могла бы гордиться, ни верных друзей, ни своего дома, ни любимого, ни вечно толкущихся под ногами детишек. НИЧЕГО. Она — полный ноль: круглый, очевидный и бессмысленный.

По ночам, под звуки никогда не выключаемого за стеной телевизора, когда постоянно ссорящиеся со-

седи пытались перекричать боль от разочарования друг в друге, ей становилось особенно тоскливо и одиноко, и тогда она плакала. Слезы смывали из головы вопросы, оставляя после себя гулкую пустоту, а опухшие глаза делали Анну похожей на водолаза. Все равно, как она выглядит. Теперь уже точно все равно.

Суббота окончательно выбила ее из колеи. Утро, как всегда в выходной, растянулось до полудня, минуты стремительно утекали и оставляли после себя лишь тяжелые ощущения. Непроглядное грязно-серое небо, которое бывает только в Москве и только зимой, не давало никаких надежд хоть на какой-нибудь намек на солнце. От этого в комнате было сумеречно, включенный свет не приносил уюта, а лишь тускло выделял всю бессмысленность дня, убогую бедность интерьера и бледность хозяйки в растянутой пижаме.

Она пробовала брать в руки книги. Надежные друзья, они прежде так часто спасали ее от скуки, печалей, неудовлетворенности. С их помощью так просто было отвернуться от жизни, полной разочарований, несправедливости, несовершенства, и очутиться в ином мире. В мире, где все происходит по законам умного и ироничного гения, его создавшего. Создатель же этого мира — зимней Москвы начала двадцать первого века, мира, — в котором ей, Анне, не самой уродливой и глупой женщине на Земле, не достается ничего, кроме тоски, слез, пустоты и серости, — совершенно был дисквалифицирован ею, снят с дистанции. Он, очевидно, никуда не годился. Жить там, где щедро одариваются жизненными благами всякие «Димочки» и «Леночки», она

отказывалась. Такая жизнь была наиглупейшим дамским романом, читать который она не стала бы ни за какие коврижки.

Но и прежние друзья — миры одобряемых ею гениев — сейчас, после полудня в субботу, не способны были ей помочь. Открывая книгу, она видела только буквы, которые никак не могли сложиться в слова, черные закорючки не желали создавать для нее другие миры. Ей пришлось закрыть книгу и остаться наедине с самой собой в угнетающей тишине квартиры с осознанием того, что жизнь ее окончательно разрушена.

Она была в тупике. Самоубийство, при очевидной легкости такого выхода, казалось ей малопригодным для финала. Оно пугало своей банальностью, делало ее смерть обычной, поэтому как выход совершенно не годилось. Похоже, что потеря уникальности была для нее страшнее смерти. Если уж умирать, то каким-то необыкновенным способом, делающим ее исключительной, не похожей ни на кого. Такого способа она не знала, и это загоняло ее в какой-то совершенно непреодолимый тупик.

Теперь ей трудно поверить, что в этом состоянии нескончаемых внутренних сумерек она провела почти три месяца. Три ужасных месяца, которые совершенно стерлись из ее памяти, за исключением одного стойкого ощущения: собственного небытия. Ты не можешь ни жить, ни умереть. Живой труп. Вне времени... Вне пространства... Вне себя... Невыносимо сложно даже просто поднять тело с кровати. Хотя ничегонеделание все равно не несет избавления. Потому что ты смертельно устала. Устала так, что невозможно отдохнуть, или ты забыла, как это делается...

Потом, много позже, ей рассказали, что это называется «депрессия», но тогда казалось, что ее просто поглотили сумерки, неспособные перейти в ночь, приносящую покой и сон. У нее даже не было сил ужасаться тому, что этот ад будет длиться вечно.

Все изменила неожиданная встреча. Она уже ничего ждала, вынеся за скобки тот небольшой мир, который ее окружал. Примирилась с презрением офисных девиц, которые обычно насмешливо рассматривали ее облезлый вид: волосы, понуро спадающие на унылые плечи и выглядящие грязными вне зависимости от частоты мытья, одежду, теперь всегда почему-то мешковато висящую, и взгляд зверя, смирившегося со своим капканом. Привыкла быть тенью, которой даже Феоктист Петрович, отчаявшись, перестал делать замечания. Она прекратила отзываться на свое имя, поэтому никак не отреагировала, когда Вера в первый раз обратилась прямо к ней:

— Анна! Можно вас спросить?.. Вы же Анна?

— Я? Вы мне? — Ее изумлению не было предела. Симпатичная девушка с короткими белыми волосами и яркими рыжими прядями, отчего ее голова похожа на небольшой факел, держит ее за локоть и смотрит прямо в глаза с большим сочувствием.

— Ну конечно, вам. Вы же Анна? — Протянутая прямо к ней узкая ладошка ждет ответного жеста. — Меня зовут Вера. Я бы хотела у вас кое-что спросить, если вы не торопитесь.

— Я не тороплюсь... — отвечает она заторможенно. Голова работает плохо, и она не понимает, куда ей можно было бы торопиться. Она так давно уже никуда не торопится.

Девушки подходят к подоконнику, Вера легко запрыгивает на него, небрежно бросив большую цветастую сумку прямо на пол. Анна медленно, далеко не так изящно и бодро, забирается туда же.

— Я тут недавно. Вообще-то, у меня командировка, и я здесь всего на две недели. У вас тут невыносимо скучно — вы не находите?

Анна кивает, не очень понимая, о чем, собственно, говорит ей эта девушка, такая колоритная, несмотря на бледность кожи. Живые карие глаза, удивительно подходящая ей прическа а-ля «творческий беспорядок», не по-офисному яркая и немного небрежная одежда, — все это создает потрясающе стильный образ: от кончиков рыжих прядей до мысков умопомрачительных ботинок цвета старого кирпича. Анна постепенно обнаруживает, что не столько слушает это удивительное создание, сколько рассматривает, любясь и почти утопая в тепле и свете, которые чудесная незнакомка так щедро изливает на нее, потухшую и заторможенную.

— ...А другие про вас говорят, что у вас был жених, и он умер перед самой свадьбой. Что вы втайне ото всех хотели расписаться, но он погиб в автостастрофе. Я даже и не знаю, кому верить. Я только вижу, что вы совсем не живете. Это ж так... неправильно.

— У меня? Жених? Почему умер? — До Анны начинает доходить, что девушка пересказывает ей офисные сплетни о ней самой, и впервые за несколько месяцев у нее появляется повод улыбнуться.

— Улыбаетесь? Глупости, да? — Вера улыбается в ответ, от чего в Анне впервые за несколько месяцев робко просыпается желание жить.

— Сейчас подъедет машина, и мне надо будет убежать. Но ведь мы можем встретиться вечером после работы? Вы мне все расскажете, если хотите, конечно.

— Хочу... конечно. — Анна отвечает с паузой не потому, что сомневается, а потому, что за время своего нежития она как будто почти разучилась говорить, да и соображает медленно.

— Я зайду за вами в шесть. Вы же до шести? — Вера уже соскочила с подоконника. Цветастая сумка сама взлетела на ее плечо, яркая куртка мелькнула возле охранника, который на миг приосанился и втянул живот, и исчезла — «то ли девушка, то ли видение»...

Анна еще какое-то время просидела на подоконнике, пытаюсь понять, не приснилось ли ей это. Девушка здесь уже давно. Ее не заметить просто невозможно — как она могла ее не заметить? Уж не привидение ли она на самом деле? Немного отойдя от наваждения, Анна неловко спрыгнула, слегка подвернув ногу, и захромала в свой офис. Бесцельно просидев перед экраном с полчаса, она все же решила подойти к Динке — наименее противной из девиц.

— Дин, ты видела тут когда-нибудь девушку такую, яркую, Верой зовут?

— Верочку из Питера? Ну конечно! Она же тут уже две недели. Ты чего, Ань? Она же такая клевая! Ты видела ее ботинки? Как тебе? Клевые, правда? Мы с девчонками уже пол-Москвы облазили — нет таких, представляешь! Ничего похожего! Девчонки теперь по зарубежным каталогам роют. А платок у нее видала? Это же — отпад! А сумка?

«Значит, не приснилась...» Анна ушла в свои размышления, быстро отключившись от бесконечных восторженных перечислений частей гардероба, так потрясших воображение бедной Диночки и, судя по всему, всех барышень отдела. Но окончательно поверить в существование Верочки Анна смогла только тогда, когда без пяти шесть та появилась на пороге и, виртуозно лавируя между серыми столами, просочилась к Аннинному месту и заговорщицки подмигнула ей:

— Заканчивай, пойдем, — легко перейдя на «ты».

Анна от неожиданности выключила компьютер, не сохранив то, что было на нем сделано. Взяла сумку и пальто и вышла за Верочкой под очарованным взглядом Феоктиста Петровича и завистливыми взглядами девиц.

Весна принесла теплые дожди, запах трав и земли, который особенно чувствовался, если спуститься вниз, где за чертой Города начинались луга и рощи. Ганса неудержимо влекло туда, и он пользовался любой возможностью погулять среди этой зелени. Он не сразу заметил, что все время смотрит на кроны деревьев в надежде увидеть тот неповторимый яркий зеленый цвет, которым горели листья, освещенные солнцем, в его сне. Но туман по-прежнему рассеивал свет, делая его мягким, пастельным, скрывая вершины деревьев.

Когда начала приближаться пора лова рыбы, Ганс стал спускаться со старым рыбаком в лагуну, где в полуразвалившемся сарае, пропахшем водорослями и прелыми тряпками, лежала лодка, такая же старая

и измученная работой, как и ее хозяйин. Согбенная спина, скрюченные болезнью пальцы, шапка, натянутая до самых бровей, и неухоженная седая борода делали рыбака стариком, хотя на самом деле ему было не так уж много лет.

В тот день, пропитывая лодку смолой, особый состав которой Ганс придумал еще прошлой весной, они разговорились. Это было странно, потому что рыбак за неделю мог не сказать ни слова, и голоса сапожника последнее время почти никто в городе не слышал.

— Вы же были когда-то художником. Скажите, как называется тот особый оттенок зеленого, которым загорается листва деревьев, когда на них падает прямой свет?

— Где ты это видел? — Рыбак от неожиданности закашлял, и унылые плечи заходили ходуном, а скрюченные руки прижались к груди. — О каком прямом свете ты говоришь?

— ...Я говорю о солнце, — смешавшись, как будто ненароком выдал какую-то важную тайну, выпалил Ганс.

— Где ты мог видеть солнце, сынок? — Старик присел на бревно и поднял на него потухшие глаза, и в них внезапно как будто что-то ожило, появился цвет. Ганс впервые заметил, что глаза у рыбака не бесцветные, как он давно привык думать, а серо-зеленые, как листва смолистых деревьев, если смотреть на них сквозь туман.

— Я видел его во сне. Оно... было прекрасным, и мир вокруг был таким ярким, таким светящимся, а листья загорались зеленым и освещали собой все во-

круг. И солнце было такое острое, что на него невозможно было смотреть.

Старик улыбался:

— Да, оно такое... Как точно ты его описал.

— Вы тоже?! Вы тоже видели солнце? Где? Как это случилось? — У Ганса подогнулись ноги, и он тоже сел на обрубок бревна, выронив просмоленную кожучу, которой он натирал лодку, из рук.

Старик долго молчал. Ганс понимал, что надо ждать. В конце концов, он и так долго жил в ожидании, несколько минут ничего не изменят.

— Сынок, ты должен понимать: то, что я могу тебе рассказать, навсегда изменит твою жизнь. Ты не сможешь жить так, будто нашего разговора никогда не было. Ты должен быть точно уверен в том, что ты готов к этому.

— Я и так не могу жить, как раньше, с самой зимы не могу. А теперь, когда я видел солнце, тем более.

— Хорошо. Ну, не знаю, будет ли это хорошо для тебя, Ганс, не знаю... Ты видел солнце во сне, потому... что ты не отсюда. Ты родился не здесь.

Ганс перестал дышать. Его сердце забилося и потребовало воздуха, но он не мог дышать, и сердце трепыхалось, как пойманная в платок птица.

— Мир не ограничивается этим городом, этими лугами, рощами, этой горой и даже этим морем. Там, далеко за водой, которая кажется тебе бескрайней, есть другие земли, другие горы и даже другие города. И нигде больше нет такого бесконечного тумана, как на этом проклятом острове. Там есть солнце, точнее, оно бывает, и довольно часто. Там есть рассветы и закаты, есть тени и яркий свет.

Много-много лет назад я был так же молод, как ты сейчас, или, пожалуй, даже еще моложе. Я жил в стране, где были не только рощи и луга, но и бескрайние поля, леса с деревьями до небес, дорогами, по которым можно было бы ехать месяцами и видеть, как меняется мир вокруг. Там солнце вставало по утрам, появлялось из-за горизонта неторопливо и величаво. Днем оно высушивало росу, нагревало землю, дома, лица людей. К вечеру оно становилось оранжевым, красно-желтым, иногда заходило за облака таких цветов, какие тебе никогда не доводилось видеть, а потом садилось за горизонт.

В этой стране родились твои родители и ты. Твой отец был отличным моряком, лучшим на нашем побережье, и именно потому его выбрали капитаном корабля, который мы строили всем нашим городком. Некоторые из нас видели корабли, стоящие в гаванях больших городов. Мы считали, что у нас обязательно должен быть свой корабль, тогда еще не знали зачем, но считали, что когда-нибудь он спасет кого-то из нас. Так и случилось.

Ну да, ты еще не знаешь, что такое корабль. Это такая большая-большая лодка, на ней могут отправиться в плавание много людей, очень много, и она управляется не веслами, а парусом. Это такой кусок ткани — он крепится на высоких мачтах и ловит ветер, который помогает кораблю двигаться по волнам. Управлять таким кораблем непросто — под силу только опытному моряку, который все знает о ветрах, парусах и течениях. Твой отец был таким — он чувствовал море, знал его капризы и повадки, уважал его мощь, ощущал его безграничность и всегда,

я думаю, втайне хотел подчинить этого всемогущего гиганта своей воле.

— А моя мать? — К Гансу вернулась способность дышать. Он так долго бродил в догадках, не знал вообще ничего и теперь хотел только одного: знать как можно больше, как можно подробнее. С одной стороны, он не мог вместить в себя весь тот новый мир, который открывал ему рассказ старика, с другой — боялся упустить любую малость. Каждое произнесенное слово как будто возвращало ему самого себя, по частичке, по крупице, по крошечке.

— Твоя мать была лучшей портнихой в нашем городке. С ее помощью мы сшили крепкий парус. Она была красавицей и мастерицей, ей была свойственна отвага, обычно не присущая женщинам. А еще она безмерно любила твоего отца. Десять лет назад я бы еще мог написать ее портрет, но сейчас уже, сам видишь, руки никуда не годятся, да и черты ее почти совсем стерлись у меня из памяти.

Ты родился за полгода до Большой Чумы. Эта гнусная тварь иногда посещала наши края, и те, кто постарше, хорошо помнили ее зловоние, запах погребальных костров и ужас, который она сеяла повсюду. Наши края она почти всегда обходила стороной, лишь слегка задевая своим черным крылом. Однако в тот год она надвигалась на нас, словно большая черная ворона, — стремительно и неотвратимо. Целые города пустели, превращаясь в сплошные погребальные костры. Люди, в последней надежде избежать мучительной смерти, покидали свои дома и направлялись к морю. Когда мы поняли, что дня через два первые беглецы уже достигнут нашего побережья, то некоторые из нас ре-

шили сесть на корабль и плыть к другим землям, о которых давно грезил твой отец. Землям, на которых не было Чумы.

Люди нашего города в то утро собрались на главной площади, и наш капитан горячо убеждал взволнованный народ в том, что отправиться в плавание — это единственный выход, единственный способ спастись. К моему удивлению, нас, храбрых или безумных, оказалось не так уж и много. Старики, помнившие Чуму, не сомневаясь, сели бы на корабль и отплыли, не медля, но у них уже не было сил, многие из них не перенесли бы тяжелого плавания, и все они предпочли остаться там, где прожили всю жизнь, готовые встретить любую судьбу. Молодые считали себя вечными и не боялись ничего, кроме зимних бурь. Они привыкли жить там, где живут, и делать то, что делают, и не хотели перемен. К тому же у них оставалась надежда, что Чума может обойти их стороной, а покидать привычную землю и отправляться в неизвестность многим казалось весьма рискованным. Потому в плавание отправились только те, кого влекли море, новые земли и возможность изменить свою жизнь, отдавшись стихии и доверившись смелому капитану. Среди них был и я. Косить сено, доить коров, резать свиней — это точно не было моим предназначением. Я хотел вырваться из этого крестьянского быта, чего бы мне это ни стоило. Мои безутешные родители, молясь, остались встречать Чуму, а мы — пятнадцать человек, включая тебя, малютку, — снялись с якоря и на рассвете покинули родные края, навсегда оставив землю, давшую нам жизнь.

Сарай незаметно заполнили сумерки. Ганс по-прежнему сидел не шелохнувшись, боясь пропустить даже вздох старика.

— Я устал, сынок. Нам пора возвращаться в Город, уже темнеет, да и похолодало — кости ломит. Себастьян нас уже, наверное, совсем потерял. Нам еще с тобой подниматься вверх, сам знаешь, для моих коленей — это настоящее испытание. По дороге меня ни о чем не спрашивай, нельзя, чтобы кто-то нас слышал. Приходи ближе к ночи, я расскажу тебе остальное.

Так они и поднимались в гору: Ганс в полном молчании, старик — кряхтя и потирая больные колени. Рыбак искоса поглядывал на бедного парня: каково узнать о себе правду, наверняка земля уходит из-под ног. Теперь он точно не сможет оставаться просто сапожником... Эх, стоит ли знать больше, чем уже знаешь? Как бы бедой не обернулось...

Ганс с трудом дождался полуночи, все валилось у него из рук, работать он не мог, поэтому убрался в мастерской впервые за много месяцев своего заточения. Ночью он направился к дому старика, изо всех сил стараясь ступать неслышно, но на гулкой мостовой его шаги не мог скрыть никакой туман. Со стариком и его сыном они прошли в самую дальнюю комнату, окна которой выходят к морю, зажгли свечи, и старый рыбак продолжил свой рассказ.

— Себастьян все знает, сынок. Он слышал эту историю уже много раз, а когда был ребенком, даже хвастался ею перед другими мальчишками, но, к счастью, ему никто не верил.

Так вот, на рассвете мы отправились в путь. Ты замечательно переносил плавание, твоя мать —

значительно хуже. Ее непрерывно мучила морская болезнь, и через две недели у нее совсем пропало молоко. Вот тогда тебе пришлось несладко: ты орал день и ночь, пока кто-то не придумал давать тебе сосать размоченный кусок сыра. По расчетам нашего капитана, мы должны были достичь новых земель со дня на день, но этот долгожданный день почему-то все не приходил. Становилось все холоднее, капитан все больше хмурился, запасы воды подходили к концу. И как-то вечером твой отец собрал команду и сказал:

— Друзья, мне трудно говорить об этом, но, похоже, я подвел вас. Вы доверились мне, а я подвел вас. В мои расчеты закралась ошибка. Я не мог знать, что здесь такое сильное течение, которое идет против нашего курса, нас сносит, и корабль не в силах противостоять ему. И самое страшное, что, похоже, я плохо понимаю, где мы находимся, небо уже несколько дней затянуто то тучами, то туманом, и я не знаю, когда мы сможем добраться до ближайшей земли. Я прошу вас до минимума сократить потребление воды и еды, поскольку неизвестно, когда нам удастся почувствовать землю под своими ногами... и удастся ли...

Команда ответила угрожающим молчанием, но твоя мать вышла вперед и громко сказала:

— Мы всегда в руках Бога, мой капитан. И если Богу будет угодно дать нам возможность еще раз спать на земле, то это непременно случится. Унывать нет никакого проку, давайте лучше споем! — И затянула грустную и величавую песню, которую обычно пели вечерами жены, ждущие своих рыбаков. Грустная мелодия смыла напряжение с суровых лиц муж-

чин, и они подсели ближе друг к другу, готовые принять участь, отмеренную им морем.

Ночью разыгрался шторм. Тебе трудно представить, что такое — шторм на корабле, мы здесь не выходим в море во время штормов, а если поднимается сильный ветер, всегда заходим в лагуну и вытаскиваем лодки на берег. Но когда ты в открытом море за много миль до ближайшей земли, то нет никакого спасения от ветра и волн, обрушивающихся прямо на тебя всей своей ледяной черной мощью. Шторм ночью — это страшно, сынок. Но еще страшнее, когда из темноты и тумана прямо перед тобой вдруг возникают острые скалы, преграждающие путь к долгожданной земле — и ты понимаешь, что корабль несет прямо на них.

Той ночью мы налетели на этот остров. Спаслись тогда только пятеро: твой отец чудом вытащил тебя вместе с твоей матерью на скалы, она была вся в крови, но дышала. Четвертым был я, а пятым — толстый Якоб. Мы пролежали на холодных камнях до утра вот здесь.

Старик с трудом поднялся и медленно подошел к окну, открыл его и кивнул в темноту.

— Вот с этих скал и началась моя, да и твоя жизнь на этом туманном острове.

Ганс тоже подошел к окну, но, кроме черноты ночи и тумана внизу, ничего не увидел, хотя, конечно, знал, что скалы под окном рыбака точно есть.

— Ты кричал всю ночь, твоей бедной, истекающей кровью матери нечем было тебя покормить и согреть. Но твои крики услышала Агнесс, моя будущая жена. Под ее окнами никогда еще не плакали младенцы и не стонали от боли женщины. В ту ночь она

собрала несколько теплых одеял, взяла воды и еще до рассвета отважно начала спускаться к скалам, подобраться к которым было совсем не просто. Этого ангела с теплыми одеялами мы и увидели, когда туман стал наполняться светом. Она помогла нам подняться в Верхний Город до того, как проснулись жители.

Тебя сразу отдали Жильберте, у которой недавно умер младенец, а молоко еще не успело пропасть. Твоей матери перевязали раны, но она металась в горячке, и ей срочно нужен был доктор. Мы с Агнесс отправились за ним, и я не обращал внимания на удивленные взгляды горожан. Я смотрел только на Агнесс.

Доктор, увидев нас, тут же вышел в другую комнату и о чем-то горячо и долго спорил с Агнесс. Они говорили на немного странном наречии, и я не всегда понимал их. Язык наших земель был похожим по звучанию, но все же немного другим. Агнесс вышла от него раздосадованной и расстроенной, взяла меня за руку и дала понять, что нам надо уходить. Только третий доктор согласился подняться с нами в Верхний Город, но когда мы добрались до дома, там уже никого не было. Напуганная Жильберта, тщательно укрывшая тебя от чужих глаз, сказала, что пришли люди из Правления и увели больную женщину и двоих мужчин.

— Зачем? Зачем Правлению понадобились мои родители? — у Ганса похолодело в животе, что-то подсказывало ему: то, что он услышит после своего вопроса, еще раз перевернет его мир с ног на голову.

— Сейчас, видимо, уже нет смысла спрашивать тебя, сынок, хочешь ли ты услышать продолжение этой истории. Но я все-таки спрошу: действительно

ли ты хочешь узнать правду, с которой, возможно, совсем не будешь знать, как жить дальше?

Ганс пришел в замешательство: у него есть выбор не знать?

— Отец, я же живу с этой правдой всю свою жизнь, и Ганс сможет. — Себастьян, который всегда смотрел на молодого сапожника с каким-то непонятным тому благоговением, придвинулся ближе, как будто желая выразить готовность разделить со старшим товарищем эту тяжелую правду.

Сколько они тогда проболтали, бог весть. Так Верочка вошла в ее жизнь — стремительно, ярко, спасительно. Она тогда, конечно, рассказала ей все, включая пораженческие размышления о возможном самоубийстве. Та слушала внимательно, иногда заливаясь звонким переливчатым смехом. Анна умела рассказывать с юмором, показывать в лицах, нечасто, правда, только тогда, когда ее так хорошо слушали.

Вера была чуть младше ее, занималась персоналом в питерском банке. К ним была послана с нечетко поставленной задачей — повысить мотивацию персонала, в чем ее считали докой.

— Они говорят, что мне удастся правильно замотивировать персонал, что люди лучше работают, когда я их правильно настраиваю. А я и не настраиваю вовсе. Просто разговариваю — и все. Я отчеты-то, конечно, умные пишу, методики там разные привожу. Но дело-то не в них, люди просто хотят быть услышанными. Разве нет?

Анна смотрела на нее и понимала, что все вокруг становятся лучше просто потому, что такая девуш-

ка сидит рядом, сверкает улыбкой, с интересом спрашивает, бренчит браслетами на запястье.

— Почему ты подошла именно ко мне?

— Ты странная, Ань. Я подходила ко всем. Ты же сидела все время такая замученная и закрытая, я думала, что у тебя что-то случилось и тебя лучше не беспокоить, пока ты не придешь в себя. А потом смотрю, ты все время такая: будто всего мира не существует. Я сначала девчонок порасспрашивала, но они, сама знаешь, чего наговорили. А потом к тебе подошла, поняла, что ждать бессмысленно, поскольку, похоже, без посторонней помощи ты не вынырнешь.

— И как ты теперь будешь повышать мою мотивацию? — Анне стало по-настоящему смешно. — Я боюсь, что это даже тебе будет не под силу. Я же терпеть не могу свою работу.

— А я и не собираюсь. Просто если у тебя настроение будет чуть лучше, чем сегодня утром, то и работать тебе будет веселей. Разве нет?

— Не знаю, наверное... А вдруг я снова влюблюсь, как дурочка, опять в какого-нибудь раздолбая — и поехала опять под откос вся моя рабочая мотивация?

— Вообще-то, влюбляться вполне полезно даже для рабочих нужд. Во время влюбленности, во всяком случае, ты работаешь значительно эффективнее, чем во время депрессии.

— Это исследования, что ли, такие проводились?

— Нет. Это мои профессиональные наблюдения. — Вера широко улыбнулась, не поверить ей было невозможно. — К тому же ты не влюбишься. Ну, во всяком случае, еще не скоро.

— Почему ты так думаешь? Ты что, еще и ясновидящая по совместительству?

— Нет, никакой мистики. Все просто. Душевные раны должны зарости, к тому же ты очень не доверяешь людям, тебе нужно будет много времени, чтобы суметь довериться кому-нибудь вновь.

Они расстались уже после одиннадцати, Вера поехала в гостиницу, Анна в свое Свиблово. Она ехала в пустеющем метро и с удивлением обнаруживала в себе откуда-то взявшиеся силы. Ей, привыкшей чувствовать бесконечную усталость, было странно ощущать себя такой бодрой и наполненной. Она поразилась тому, что впервые за долгие месяцы замечает что-то вокруг себя: пустую банку из-под пива, безвольно катающуюся по вагону, женщину, сидящую напротив, с печатью привычного недовольства на лице, молодую компанию неподалеку, шумно упражняющуюся в остроумии. В какой-то момент в темном стекле напротив она увидела улыбающуюся девушку и лишь спустя несколько секунд поняла, что это она сама. Улыбается. Надо же!

В ту неделю Вера куда ее только не водила. Поразительно, она — петербурженка, казалось, знала Москву значительно лучше Анны, которая прожила здесь уже почти десять лет. Анна неуютно ощущала себя на творческих тусовках, куда Вера приходила так уверенно, как будто проводила там большую часть своей жизни. Она не притворялась, изображая из себя раскрепощенную светскую барышню, она жила легко, просто, улыбаясь каждому. Жила так, словно мир создан для того, чтобы доставлять ей радость, и она с благодарностью и ответной радостью

принимала эти дары, отдавая столько света и доброты, что хватало каждому.

Та неделя потом вспоминалась Анне точно яркие картинки в детской игрушке — калейдоскопе. Чуть повернешь волшебную трубочку, и меняется узор. Люди. Много людей. «Это моя подруга Анна, а это...» Не запомнилось ни одного имени. Такие все разные. Музыка. Громко. Свет. Ярко. Кофе. Вкусно. Она не подозревала, что может быть так вкусно. Консерватория. Она может плакать, слушая музыку! Ленком. Потрясающий спектакль. Что ей мешало посмотреть его раньше, пока Янковский был жив? Мастерская какого-то художника. Неужели люди могут жить в таком хламе? И при этом так рисовать? О чем они теперь спорят? И почему ей кажется, что все, кроме нее, понимают, о чем говорят? Она точно знает, что им всем хорошо. Знает по их лицам. По тому, как они ненароком хлопают друг друга по руке или по коленке, когда увлеченно рассказывают о чем-то. По тому, как загораются их глаза, когда они обсуждают премьеру. Отчего-то и ей хорошо, хотя она все время молчит. А этот, как его? Не вспомнить. Совсем молодой парень. Божественно играл на гитаре. У них в Сибири никто так не играет. А какая необычная девушка была тогда в этой старой квартире на Большой Ордынке, вся в черном. Поэтесса. В Москве есть поэтессы, кто бы мог подумать! Такая странная! Но стихи хорошие, от них бросает в дрожь.

Насколько Анне было тепло и удивительно рядом с Верой, настолько ей было стыдно за собственную неполноценность, которая так явно проявлялась в присутствии этой солнечной девочки. Анну изумляло, как по-разному они устроены. Она в отличие от

Веры, скорее, не замечала окружающий мир. Ее мир был словно в тумане: все, что появлялось в нем, возникало для нее совершенно неожиданно, а значит — это тревожный мир, опасный, непредсказуемый, враждебный. Анна понятия не имела, как взаимодействовать с ним, и тогда она просто замыкалась в себе и объявляла все окружающее бессмысленным. Это ни от чего не спасало, зато как будто делало ее сильной и неуязвимой в своем коконе «мне от вас ничего не надо».

«В чем твой секрет?» — все время хотелось спросить эту невероятную Веру, сквозь яркий образ которой проступало трудноуловимое на первый взгляд ощущение какой-то драмы, о чем сдержанно живописала то ли невесть откуда взявшаяся морщинка на лбу, то ли слегка опущенные уголки глаз. «Что же произошло в твоей жизни? И как, несмотря на все это, тебе удалось стать такой яркой, солнечной и настоящей?» — хотелось узнать Анне, но она не решалась спросить, боялась услышать: «Да нет никакого секрета, это ж просто. Разве нет?».

Всего пара дней, и Анна начала оживать. Волосы, правда, пока не желали напоминать даже подобие прически, одежда по-прежнему скрывала вполне интересную фигурку, улыбка появлялась редко. Но окружающий мир все-таки начал существовать, и Анна с удивлением обнаруживала, что, вероятно из-за дружбы с Верой, на нее теперь смотрят окружающие: бровастый бухгалтер — тепло и заинтересованно, девчонки из отдела — с напускным участием и завистью. Она стала замечать неяркое весеннее солнце и влажный ветер, который все явственнее пах весной.

Правда, теперь бросались в глаза и ее старые, давно вышедшие из моды туфли, еще пять лет назад ставшее бесформенным пальто, мусор возле киосков у метро, опрокинутые урны возле остановок и собачий «урожай» на протаявших серо-черных газонах. Ей, как раньше, хотелось бы прикрыть все это прежней ширмой бессмысленности, только почему-то не получалось. Само существование Веры опровергло эту установку, прежде ее так спасавшую. Есть же люди, которые меняют этот мир. Есть Вера, которая за какие-то считанные дни изменила всех в их отделе, хотя Анне все они казались беспросветно серыми, никчемными и убогими, как она сама. С той лишь разницей, что она была убогой с осознанием собственного убожества, что, конечно, делало ее исключительной, выделяло из всех.

...А потом Вера уехала. Анна понимала, что, конечно, когда-нибудь это произойдет, даже сроки звучали: «В конце недели». Но когда бледная девчонка в оранжево-бордовом берете дождливым весенним вечером, чмокнув ее на прощание, просто села в такой же яркий оранжево-синий поезд и уехала, Анна сначала даже не осознала потери. Ей казалось: будет утро, а значит, будет и Вера, значит, будет Жизнь.

Но наступила суббота, а жизнь — нет. Жизнь никак не хотела наступать без Веры. И вот тут Анна испугалась по-настоящему. Ее опять бросили! Все повторяется! Как с этим придурком — Димкой. Пришел, оживил и свалил. И эта сделала точно так же. Что теперь? Делать-то что? Опять депрессия на несколько месяцев? Ей стало по-настоящему страшно...

Анна попыталась опять зацепиться за что-то простое. Встать. Умыться. Позавтракать. Встать

удалось, но заправить кровать не хватило сил. Позавтракать попыталась. Но еда почему-то не имела вкуса. Что это было? Йогурт? Творожок? Какая разница! В кружку она забыла положить чайный пакетик. Невкусно. Электронная почта. Пуста. Интернет. Было бы что искать... Надо начать думать.

Что можно предпринять? Написать ей «я жить без тебя не могу»? Да у нее друзей наверняка пол-Петербурга! Она забыла про нее, уже выйдя утром из поезда на Московском вокзале. Уехать в город на Неве? Кому она там нужна? Вере? Да у нее своя жизнь... Какая, кстати? Они говорили о многом, вот только с кем живет Вера, кто ее родители, есть ли братья, сестры, молодой человек — об этом речь как-то не заходила... В любом случае, такие, как она, наверняка окружены любящими людьми. Очевидно, что Вере будет не до нее.

И зачем только она доверилась этой «клевой Верочке», а до нее этому гребаному сердцееду Димочке? Жила бы себе в своем коконе! Она же знала: доверять никому нельзя. Вот, пожалуйста, жизнь преподносит ей подтверждения. И для особо одаренных повторяет по нескольку раз, чтобы надежнее закрепилось. НИКОМУ ДОВЕРЯТЬ НЕЛЬЗЯ. Нет никого, кто был бы с ней всегда. С ней, для нее, за нее. Всегда. Если нет такого человека, то нет смысла доверять остальным, которые могут уехать, могут предать, могут иметь других друзей и любимых. Злость почему-то возвращала ее к жизни.

К вечеру она смогла выйти на улицу и дойти до торгового центра. Люди с пресытившимся видом бродили по магазинам. Она попыталась вписаться в этот ленивый потребительский водоворот. Но яркий

свет раздражал. Звуки казались слишком резкими. Запахи — навязчивыми. Люди — лишними. Она поняла, что беспричинно ненавидит их всех. Просто за то, что им сейчас лучше, чем ей, и они знают, как жить. Или делают вид, что знают. Бесцельно пройдя все из конца в конец, зачем-то зайдя в хозяйственный отдел, она купила себе швабру, такую смешную, с длинной красной ручкой. Наутро она с изумлением обнаружила ее в углу коридора и долго не могла понять, каким образом в ее квартире появилось это красное чучело. У нее совершенно выпал из памяти момент покупки сего шедевра, но зато она отчетливо помнила, как сладостно-нелепо себя чувствовала, когда печально брела по вечернему городу с дурацкой шваброй в руках.

У нее ушло несколько дней на то, чтобы хоть как-то переварить очередное разрушение мира. За это время ее отдел — чемпион по серости — вернул себе это гордое звание: к главному бухгалтеру возвратились его нудность и вредность, девицы обсуждали только новинки сезона и болезни собственных детей, компьютеры зависали еще упорнее, сисадмины появлялись еще реже, усталое пренебрежение на их лицах сменилось почти брезгливостью. Особенно Анну возмущал их любимый вопрос: «Что нажимали?». Учítывая, что являлись они часто спустя несколько часов, а то и суток, помнить, «что нажимали», — нереально. Она иногда с трудом может вспомнить, как ее зовут, а уж что она нажимала на этой раздолбанной клавиатуре, она ни в жизнь помнить не будет, даже запоминать не собирается. Серость и бессмысленность опять укрыли ее с головой, и выныривать оттуда, тем более в одиночку, совсем не было сил.

В один из субботних дней, как всегда засасывающих своей вязкой пустотой (как же ненавидела она эти мучительные субботы!), Анна решила написать Вере письмо, тем более что адресами они обменялись и обещаниями писать тоже. Анна сначала колебалась: почему-то ей казалось, что Вера должна была написать первой, и если она не пишет, значит, не считает их дружбу значимой, а ее саму — хоть сколько-то важной и интересной. Ей и в голову не приходила мысль, что Вера, например, могла подумать точно так же.

Но, помучившись, все же решилась. Итак. Суббота, вечер. Промятый диван. Серые бесформенные штаны. Вытянутая черно-желтая майка с надписью «You are beautiful, no matter what they say...» Воронье гнездо из русых волос, заколотых вверх, открывающих незащитную тонкую шею. Трогательная узкая щиколотка, светящаяся между почти совсем сползшим линялым красным носком и краем серой штанины. В зубах обглоданная в долгих размышлениях пластиковая шариковая ручка с синим колпачком. Соседка за стеной, в очередной ссоре переходящая на ультразвук. Потные ладони. Запах чьей-то яичницы, нагло врывающийся в приоткрытую форточку. Остывающий чай. Ноутбук на коленях. Письмо.

«Привет. Вот решила написать тебе. Не знаю, конечно, нужны ли тебе мои письма... Но ты ведь можешь не читать, если не захочешь. Разве нет? ☺

Ты уехала. Все наши сразу как-то скисли. Феокист Петрович три дня гнобил меня за ошибку, допущенную в отчете. Я уж начала подумывать, что единственный путь искупить вину — это пу-

бличное самосожжение, но потом вспомнила, что жары не люблю. Диночка на бескрайних московских торговых просторах нашла жалкое подобие твоих ботинок. Приперлась в них на работу, вкупе с ее серой юбкой смотрелось уморительно, к тому же к обеду ее ноги, видимо, так сопрели, что она переделалась в офисные туфли, к злорадному удовольствию наших барышень. Охранник перестал улыбаться и втягивать живот. Видимо, для того, чтобы твой способ поддержания рабочей мотивации работал, нужно, чтобы ты все время была рядом 😊.

Без тебя я как будто не знаю, куда себя приложить. Мир опять стал серым, а жизнь гнусной. Еще я поняла, что совсем ничего не знаю о том, как ты живешь. С кем? Кто твои родители? Есть ли у тебя парень? Со стыдом понимаю, что, похоже, мы значительно больше говорили обо мне.

На самом деле, я скучаю. А.».

Всю оставшуюся субботу и воскресенье она проверяла почту каждые два часа. Почему-то ей казалось, что Вера должна ответить сразу. Что такое проверять почту каждые два часа? Когда каждая минута стремительно приближается к бесконечности. Когда уговариваешь себя не ждать, не надеяться. Когда пытаешься смотреть телевизор, нажимая на кнопки пульта примерно с той же частотой, с какой бьется твое сердце. Когда делаешь вид, что ничего не ждешь, но каждая клеточка твоего организма вопит о том, что это — вранье, потому что вся ты становишься ожиданием. Ты исчезаешь, остается только время, вязкое, как мазут...

Каждая пара часов добавляла ей уныния и злости. «Нет новых писем». Интересно, есть ли на Земле хоть один человек, который воспринимает эту надпись с воодушевлением? Сначала она злилась на Веру. Потом на себя: зачем надо было писать? Разве не понятно, что она уже давно забыла о тебе? Как глупо! Какой же душой ты выглядишь постоянно!

Во вторник, уже сварившись в собственном ожидании и злости, без подготовки, размышлений и мучительного подбора слов, она словно выдохнула еще одно письмо:

«Не отвечаешь. Ну конечно, зачем тебе вечно депрессивная московская подружка-неудачница? Приехала, повысила мотивацию — и с плеч долой. Правильно. Извини, что мне показалось, что мы подруги. Бывает. На безрыбье и рак рыба. Любой человек, обратившийся с добрым словом и участием, кажется другом. Прости. Я — неисправимая дура, и твое молчание тому подтверждение».

— Я не понимал тогда почти смертельного испуга в глазах Жильберты и смятения Агнесс от известия о том, что люди из Правления увели твоих родителей. Мне казалось, что власти города могут оказать посильную помощь и проявят гостеприимство в отношении пострадавших путешественников. Так, по крайней мере, поступили бы жители наших земель. Но я ошибался.

Ты живешь в непрестом городе, сынок. Этот остров уже много-много лет надежно укрывают туманы, несколько поколений жителей никогда не видели солнца. И о других землях, как тебе хорошо

известно, здесь тоже запрещено думать. Правление никогда не строило корабли, только лодки, на которых далеко не уплывешь, течением их всегда сносит к лагуне, как бы сильно ты ни налегал на весла. Попав на наш остров, ты никуда с него не уплывешь, да уж много лет никто и не пытается. Никому это уже не приходит в голову. Зачем? У нас ведь самый прекрасный Город и самое заботливое Правление. А другой мир? Ты же знаешь, он не существует, его давно смыл в море Всемирный потоп. И в этой катастрофе уцелел только наш остров благодаря его замечательным водоотводам, удачному расположению и гражданам — самым трудолюбивым, добродетельным и сплоченным. Ну да ты знаешь этот миф, всем детям острова с младенчества внушают эту сказку. Но другой мир есть, и ты теперь знаешь это, потому что ты сам — дитя его, и ты видел солнце.

— Но для чего это нужно Правлению? Почему не сказать всем людям правду? Что плохого будет, если люди все это узнают? — Каждый новый поворот в рассказе старика рождал у Ганса нескончаемый поток вопросов.

— Правление рискует потерять свое влияние. Сейчас эти шестеро управляют целым миром, пусть не таким большим, размером всего лишь с остров, но это мир, который они устроили по своим законам, и любое вмешательство извне кажется им угрожающим их всеобъемлющей власти. Они всячески внушают нам, что усердно пекутся о том, чтобы все жители города были защищены, имели работу, а значит, и заработок.

Они внушили всем, что без их участливой заботы город не выживет, начнутся голод, беспорядки, а

главное — город может захватить враг. Ты же знаешь сказку, что не спасшиеся от потопа люди, давно потерявшие человеческий облик, плавают где-то в море на обломках своих лодок, и в любой момент течение может вынести их к нам. И тогда они, жадные, дикие и голодные, разрушат все, что нам дорого и свято. Именно поэтому Смотрители — это самая почетная работа в Правлении. В Смотрители может попасть только тот, кто доказал свою безупречную преданность и готов отдать жизнь за спокойствие своих граждан. Смотрители стоят в тайных местах и все время напряженно всматриваются в сторону моря: не появятся ли враги, одичавшие и безобразные?..

Обломки нашего корабля и заметил поутру один из зорких Смотрителей. Первый доктор, с которым так горячо спорила Агнесс, пытаясь доказать ему, что мы не одичавшие звери, тут же доложил Правлению о том, в чьем доме скрываются приплывшие к стенам города враги.

Власти поместили их в Воронью Башню, что почти вплотную примыкает к Горе. Твою мать подлечил доктор, дав ей настой из трав и перевязав раны. Всех троих разделили, и наш капитан очень страдал, не зная, помогли ли его жене. Долго, наверное, целую неделю Правление совещалось о том, что делать с непрощеными гостями. Насколько я слышал потом, некоторые предлагали просто убить врагов: так будет легче всего сохранить тайны острова и продолжать поддерживать великий миф. Другие советовали сначала найти способ допросить, а потом убить. Ведь на самом деле важно было узнать, как же устроен мир, откуда прибыли эти пришельцы. И потом, я думаю, членам Правления очень хотелось обладать знанием

о мире, которое недоступно его народу. Это сделало бы их самих еще более избранными, а ситуацию еще более управляемой.

Вот так, похоже, они и остановились на этом решении. Никто из Правления не рискнул присутствовать при допросе, в их мозгу мы были однозначно дикими зверьми, которые могли впасть в нечеловеческое состояние и причинить им вред. В результате это сложное и опасное дело доверили трем Смотрителям, один из которых был тот самый, что обнаружил обломки нашего корабля.

Языки наших народов похожи, но все же Смотрители понимали далеко не все, о чем рассказывал им каждый из троих. Я думаю, что твой отец поведал о кораблях и о море, о том, как они отправились в плавание, и о том, как заблудились. Твоя мать — о жизни нашего прибрежного городка, о жителях его, об укладе, о том, что едят, пьют и носят на нашей земле. Якоб, сын крестьянина, рассказал о нелегком крестьянском труде: коровах, свиньях, покосах. Ни один из троих почему-то ни словом не обмолвился ни о тебе, ни обо мне. Не желая разбираться и опасаясь потерять свою всеобъемлющую власть над городом, Правление все же решило, что они не просто путешественники, заблудившиеся в морских просторах, они — враги, самые настоящие, хитрые и коварные, желающие захватить их остров. А быть может, так думать им было привычнее, ведь столько лет ушло на создание и поддержание этого мифа, что, похоже, в итоге они сами поверили в него.

Один из Смотрителей, проводивших допросы, был с детства влюблен в мою Агнесс. Он под большим секретом рассказал ей о пришельцах и сооб-

щил, что Правление намерено вскоре казнить врагов. Спор идет только о том, сделать ли казнь публичной, чтобы все жители города могли наблюдать, как великое Правление справляется со злодеями и спасает город, или казнить их тайно, не давая жителям города повода для толков, вопросов и сплетен. Против публичной казни был и тот факт, что трое путешественников никак не походили на злодеев. Твой отец был красив и обаятелен, о твоей матери и говорить нечего: даже болезнь не могла притушить ее красоты и достоинства. Разве что Якоб... он был прыщав, толст, неказист, но на злодея тоже никак не походил, больше вызывал жалость.

Я был молод, и мне поначалу с трудом верилось в то, что ни в чем не повинных людей могут казнить. Мне трудно было поверить Жильберте и Агнесс, что опасность реальна и достаточно велика. Жильберта вообще не могла спокойно спать ночами, боялась, что кто-то выдаст тебя и за тобой, малюткой, придут и отнесут тебя в страшную Воронью Башню.

Моя отважная Агнесс и ее друг — Смотритель замыслили побег. Убежать из Вороньей Башни не просто, но возможно, у Смотрителя были ключи. Гораздо сложнее убежать с острова. Жителей не так уж и много, почти все друг друга знают, долго скрываться не получится.

Они придумали план, отчаянный, но единственно верный. Трое беглецов, под покровом ночи выбравшись из башни, бежали к побережью, там их ждала лодка. Смотритель, много лет наблюдая за морем, заметил, каким странным образом ведет себя течение у берегов острова. Он предположил, что если твой отец, как хороший моряк, сможет провести лод-

ку близко к скалам, не выходя в открытое море, где течение немедленно снесет их к лагуне, то, обойдя остров близко от скал, да еще в темноте и тумане, он сможет достичь другого края острова, где заканчивается гора. Там, быть может, беглецам удастся отплыть от берега подальше и направиться в открытое море. План был чрезвычайно рискованным, почти невозможным. Жильберта сразу сказала, что тебя она не отдаст, к тому же ребенок, раскричавшийся в тумане, может погубить всех.

В назначенный час я ждал их в лодке, погода была на редкость ветреной, что так мешало в ту ночь нашему плану. Ветер дул в сторону острова, а значит, все звуки несло на Город, да и нас могло снести на скалы неожиданным порывом ветра. Уже почти отчаявшись, прождав много больше положенного, я вдруг услышал шаги. Из тумана внезапно вынырнули твои отец и мать, у Смотрителя был в руках фонарь, вот только Якоба не было с ними.

Запасшись водой и едой, мы погрузились в лодку и стали грести, каждую минуту рискуя налететь на скалы. Я не сказал тебе, что на самом деле не хотел уплывать. Мне хотелось остаться с Агнесс, даже если бы всю оставшуюся жизнь мне предстояло провести в чулане ее дома. Я любил ее и знал, что другой такой не найду больше ни в каких других землях. Но мне было стыдно бросать нашего капитана, который и так уже лишился всей команды, своего сына и чуть было не потерял жену. С другой стороны, я был молод, не переносил ограничений и несправедливости такой странной для меня жизни, и я хотел рискнуть, бросить этому острову вызов и обыграть его...

Сейчас мне трудно вспоминать ту ночь... Мы проиграли... Недооценили врага. Проклятый остров не отпустил нас. Через полчаса опасного пути ветер бросил-таки нас на скалы. Лодка разлетелась в щепки. Твоя мать, видимо, сильно расшиблась и утонула, отец, весь израненный, выбрался на берег и вытащил меня почти без сознания. Я сильно ударился, вся голова у меня была в крови. Нас очень быстро подобрала Смотрители.

Все дело в Якобе, он нас предал. Этот подлый толстяк не захотел плыть вместе с нами и тут же донес властям о наших планах. Тем самым он не только сохранил себе жизнь, но и, как потом выяснилось, выбил себе должность советника при Правлении, убедив их в том, что знает много важных секретов обустройства жизни в других землях, которые неизвестны жителям острова. Так что, даже если бы не ветер, нам все равно не удалось бы далеко уйти — чуть дальше нас ждала засада.

Твой отец и Смотритель, помогавший нам, были тайно казнены следующей ночью. Я даже не знаю, где они похоронили этих достойных и смелых людей. Я долго был в беспамятстве, и Агнесс приложила все силы, чтобы ей разрешили за мной ухаживать. Бог весть, чем ей пришлось за это заплатить... Ее отец в свое время был близок Правлению, и она знала кого-то из них. Наверное, поэтому ей многое сходило с рук. Когда я оправился, выяснилось, что я не могу говорить, и мой ангел убедила Правление оставить меня в живых и отдать ее мне в жены. Взамен она отдала бумаги своего отца, которые Правление так давно мечтало заполучить. Они считали меня почти юродивым, насмехались над Агнесс,

заклучившей с ними такую невыгодную, как они считали, сделку.

Так я остался жить на острове. Память со временем вернулась, речь тоже, мы были почти счастливы, к тому же вскоре родился Себастьян. На вопросы остальных горожан и соседей, откуда у Агнесс взялся молодой муж, она всегда говорила с таинственной улыбкой: «Мне его послал морской Бог». Под пристальным взглядом Правления мне приходилось много лет изображать из себя немого, когда же кто-то из горожан доложил, что речь вернулась ко мне, пришел Смотритель и сказал всего одну фразу: «Уверен, что твоя плохая память хранит тот факт, что у тебя есть жена и сын». Мне не нужно было их напоминание, я понимал, что лучше бы мне и вправду в ту ветреную ночь окончательно потерять память...

Я тосковал, пытался рисовать, мне так хотелось на своих картинах увидеть тот солнечный край, где я вырос, те луга, дороги, закаты. Но я не мог рисовать благополучием моих близких, и тогда я рисовал то, что видел здесь, но так, как будто бы все это подсвечено и освещено солнцем. Я знаю, мои картины называли странными, непривычными, и покупали их, скорее, из-за Агнесс. Ее любили все, она была умница и мастерица, но я видел, что ее что-то постоянно гнетет. Не могу себя простить за то, что не освободил ее от этого гнета. Лишь перед самой смертью она призналась: Якоб все время шантажировал ее тем, что расскажет о младенце-подкидыше и убедит Правление в том, что я опасен. Она много работала, откупалась, пока у нее совсем не закончились силы... Дальше ты все знаешь.

Они сидели при свечах, хотя за окном уже светлело. У Ганса было ощущение, что он видел еще один сон: так трудно было поверить в то, что рассказал ему старый рыбак. Его отец был очень отважным капитаном и жил там, где почти каждый день солнце. Его мать — красивая, любящая и верная жена, остававшаяся со своим мужем до последней минуты. Они отправились в плавание, попались в ловушку острова, пытались бежать... Многие люди рисковали своей жизнью для того, чтобы он, Ганс, мог выжить... Остров, с которого не убежать, не уплыть, не исчезнуть... Всегда в тумане, всегда под присмотром Правления. А там где-то, всего в нескольких днях пути, есть солнце и земля, на которой он родился...

— Сынок, иди поспи. Тебе нужно поспать, лодкой займемся после обеда. И главное — не горячись, не спеши и никому не рассказывай то, что здесь услышал. Ради всего святого, никому!

После отправки второго письма ей немного полегчало. Как все-таки приятно ни от кого ничего не ждать, ни от кого не зависеть. «Мне никто не нужен», — какая прекрасная ширма! Жить становится значительно легче. Но уже к четвергу ее равновесие снова было нарушено: пришел ответ.

«Привет, Аня. Извини, что не сразу ответила. Я как от вас вернулась, так меня сразу в командировку в область направили, а там с Интернетом сама понимаешь как: никак. Вот только сегодня вернулась. Я очень рада твоему письму. Жаль только, что тебя, похоже, обидело, что я не ответила сразу. Все твое недоверие...

Я, конечно, считаю тебя другом, и никакой благотворительности в моем с тобой общении не было и нет. Мне интересно с тобой. Ты необычная. Вот только замороченная, уж извини за прямоту. Если только кто-то из твоего поля зрения ненадолго теряется, так тебе сразу все хочется разорвать, потому что тебе кажется, что тебя предали или никогда не ценили. Это ж глупость, согласишься. Разве нет? Я теперь что, в командировку спокойно не смогу уехать, думая, что ты меня можешь вычеркнуть из списков твоих друзей только за то, что я задержалась с ответом?

Жаль, что тебе снова тоскливо и серо. Да и в отделе вашем больше половины людей совсем не на месте и занимаются не тем, чем должны бы. Я говорила вашему руководству, да разве кто будет меня слушать. И тебе, наверное, будет трудно до тех самых пор, пока ты не найдешь то, что увлечет тебя по-настоящему.

О себе напишу потом, сейчас уже поздно, чертовски хочется спать, завтра еще отчет по командировке писать и к главному нести с самого утра. Так что до встречи в эфире. Пока. Вера».

Черт, как стыдно! Она опять почувствовала себя слегка больной: истеричной, зависимой, инфантильной. Ну почему ей обязательно надо было напридумывать все эти глупости? Она подошла к зеркалу: интересно, стала ли она дружить сама с собой, будь она на другом месте? «Ни за что! — пронеслось в голове. — Вера права: я ужасно замороченная. Кому это надо, разгребать все мои заморочки?» У девушки, угрюмо смотрящей на нее из зеркала, был напряженный взгляд, живот слегка выпирал, плечи неудержимо стремились к коленкам, а грудь к животу. Спина явно не хотела выполнять свое предназначение: быть

опорой. «Какая же ты... тусклая и тоскливая!» — единственное, что хотелось сказать этой девушке в зеркале, махнув на нее рукой.

И что теперь делать? Как измениться, поверить людям, понять, что может увлечь в этой жизни настоящего? Вере легко говорить, когда все это у нее есть. Написала бы тогда, каким образом ей удалось стать такой яркой, светлой и чудесной.

Три дня у нее ушло на чтение всевозможных гороскопов. Поначалу ей даже стало как-то понятно: «...людям этого знака свойственна высокая восприимчивость, у них отлично развита интуиция, но склонность к меланхолии приводит к тому, что они часто погружаются в себя, игнорируя внешние контакты...» Вроде бы вполне на нее похоже. Но когда она потом стала читать китайский гороскоп, потом гороскоп друидов, тибетский и зороастрийский, еще какой-то... Через три дня она себя окончательно потеряла, вместо того чтобы найти. Потом были тесты из Интернета, из которых она узнала, что она наполовину меланхолик, наполовину флегматик, что у нее интернальный локус-контроль, IQ выше среднего, что из богинь она — Богиня Преданности. Она поглотила много путаной информации о том, с кем она совместима, какой ей нужен мужчина, с боссом какого профиля у нее сложится эффективное взаимодействие. Вскоре она почувствовала себя полным до краев мусорным ведром. Все эти бесконечные искания никак не приближали ее хоть сколько-нибудь к тому, чего она хотела.

В пятницу, великолепным раннеапрельским утром, прелесть которого отметил бы каждый видящий и слышащий московский житель, но не депрес-

сивная Анна, пришло еще одно письмо от Веры, которого она дожидалась уже со значительно большим смирением.

«Привет, Аня. Итак, я обещала тебе рассказать свою историю. С чего начать? Я так редко рассказываю о себе. Начну так.

Жила-была девочка. У нее была прекрасная семья: мама, папа и младший брат Костик. Девочка любила стуженку и шоколадки “Аленка”, блики солнца на полированном пианино, запах бензина и маминых пирогов со щавелем, учительницу рисования Альбину Андреевну. Любила, когда Костик смеялся, а папа пораньше приходил с работы, когда мама завязывала ей красивые банты по праздникам и еще — когда мама садилась за пианино и они все слушали любимую музыку, а потом вместе пели что-нибудь тягуче-лиричное или разухабистое.

По выходным они все вместе ездили на дачу под Сестрорецком. “Дачей” громко называлась их хибара. Папа там всегда ходил с молотком, но не похоже, что это помогало, потому что периодически все снова отваливалось или ломалось. Зато на даче было весело: у нее было много подружек, Костик изобретательно озорничал с соседскими мальчишками, мама пекла пироги с тем, что удавалось насобирать на участке, а потом приходили гости, и опять все пели. Девочка обожала этот разваливающийся дом и запах бензина за то, что он означал — мы едем на дачу!

Но с некоторых пор ее тошнит от этого запаха, и она уже давно не была в том умирающем доме, где задорно гудело в трубы счастья ее детство. Все потому, что когда девочке было четырнадцать, а Костика — десять, они не доехали до Сестрорецка. Боль-

шой грузовик с пьяным водителем за рулем снес их “копейку” с трассы, как коробок спичек. И девочка в одну секунду осталась сиротой с умирающим братиком на руках. Папа с мамой погибли мгновенно. На ней, как говорят, ни единой царапины (хотя царапины, конечно, были).

Костика отвезли в реанимацию, где он пролежал десять дней между жизнью и смертью. А потом их взяла к себе тетя Света, папина двоюродная сестра. Костик из задорно смеющегося, вечно веселого мальчишки превратился в неходящего “колясочника”. На том девочкино детство закончилось, потому что теперь она должна была подрабатывать: лекарства стоили дорого. К тому же, кроме нее, некому было ухаживать за больным братом.

Трудно жить, когда твои родители вдруг перестают существовать. Еще вчера были — мама пела, папа шутил. Тело еще помнило папино объятие, мамин запах. А сегодня у тебя нет ничего из того, что ты так любила, даже Костик перестал смеяться. Чтобы ему не было скучно, она устраивала настоящие шоу для него и его друзей-мальчишек, из кожи вон лезла, но максимум, чего ей удавалось достичь, — это улыбка. Глаза брата всегда теперь были полны печали или боли, но все же редкая, немного кривая теперь, его улыбка была ей настоящей наградой. Ночами Костик плохо спал, его донимали боли и ночные кошмары, он кричал, тетя Света ворчала, что не высыпается и не может нормально работать. Поэтому девочке приходилось успокаивать, уговаривать, укачивать, колоть уколы, рассказывать сказки, делать все, чтобы он поменьше мешал спать, чтобы боль ушла и кошмары отступили.

Училась тогда она из рук вон плохо: засыпала на уроках, не делала домашнее задание. Но девчонки из класса, да и мальчишки тоже, помогали ей чем могли: бегали в магазин и аптеку, давали списывать домашку, развлекали Костика, пока она на подработке.

Ей почти исполнилось шестнадцать, когда Костик умер ночью у нее на руках. И вот тогда ей впервые расхотелось жить. Ее притягивала и манила высота, казалось, это так просто — полететь, все сразу станет таким легким: и тело, и мысли, и вся ее жизнь... Если б не ее друзья, не оставлявшие ее ни на минуту...

Еще ей очень хотелось съехать от тети Светы. Но съехать означало вернуться в родительскую квартиру, где все кричало о прошлом. Она не могла. Даже близко подойти к тому дому не было сил. И вот тогда впервые она попала к психологу. У одной из подружек сестра училась в университете. Она-то и сказала: “Посттравматический синдром. Надо лечиться. Лечат же люди корь и ангину. Я найду ей хорошего психотерапевта. Твоя задача — убедить Веру, что это совершенно необходимо”.

Так девочка оказалась у психолога, где ей пришлось столкнуться с осознанием того, сколько у нее внутри невыплаканного горя, сколько страха перед жизнью, бессилия и нежелания жить без тех, кого она так сильно любила. Постепенно слезы и горе вышли из нее. Она смогла переехать в родительский дом, появились силы и желание жить. Друзья помогли ей сделать нехитрый ремонт. Закончила школу и поступила в университет... сама понимаешь, на кого: на психолога. И пусть она пока должна зарабатывать деньги, потому что некому о ней позаботиться, но она непременно скоро станет заниматься тем, что

ей по-настоящему нравится: психотерапией, то есть помощью тем, кто запутался в своей жизни, как она когда-то.

Вот такая у меня получилась история. Уже светает, мне надо хоть немного поспать. Пока. Вера».

Анна была совершенно оглушена письмом. Ей снова стало так неловко за свои дурацкие мысли о самоубийстве, за свое нытье и депрессивное уныние перед этой девушкой, которой так в жизни досталось. Собственные проблемы показались ей ужасно глупыми, ничтожными, не имеющими права быть. И в голове снова закрутились вопросы: ну как ей это удастся? Почему, если Вере пришлось пережить столько горя, она такая светлая? И почему тогда она, Анна, у которой никто не умирал на руках, которая не росла сиротой, такая потерянная и замороченная? Потаскав с собой эти мысли несколько дней, она все же решила написать обо всех размышлениях Вере.

Та ответила, как всегда, не сразу, но Анна, привычно мучающаяся от неизвестности, все легче переносила ожидание и дожидалась ответа уже без самоуничтожительных и катастрофичных мыслей.

«Привет, Аня. Ты не права. Прежде всего, нельзя сравнивать ситуацию одного человека с ситуацией другого. И вообще, глупо сравнивать людей. У каждого своя, очень личная история. Если у тебя депрессия, значит, для нее есть основания: не важно, кажутся ли они кому-то вескими или нет. Более того, у тебя в чем-то больше причин для такого состояния, чем у меня. У меня было большое горе, сильные и внезапные перемены, я осталась одна и вынуждена была рассчитывать только на себя. Трудно и страшно, зато благодаря этому всему я смогла понять, что

могу выдержать почти все. Теперь в этой жизни мне уже почти ничего не страшно. У твоей печали и депрессии менее явные основания, но они наверняка есть, просто не так очевидны, как мои. Но ясно одно: что-то в тебе очень хочет перемен.

Ты начинаешь, как я понимаю, приходить к мысли о том, что прежний способ жить привел тебя к тупику. Впрочем, мне кажется, что ты не хочешь окончательно признаться самой себе, что это тупик. Ты ждешь простого способа стать такой, как я. А этого способа нет. Его просто не существует, потому что ты никогда не станешь такой, как я. Ты можешь стать только такой, как ты. И у меня нет рецепта. У меня был свой путь: счастливое детство — авария, перечеркнувшая все, — выживание с больным братом — попытка спастись с помощью психолога — учеба — психотерапия, которая продолжается по сей день. У тебя будет свой. Но я думаю, что тебе будет сложно выйти из тупика без последнего звена: без психотерапии (так сейчас в России называется работа с психологом по поводу жизненных тупиков и проблем). Могу поспрашивать про хороших московских психотерапевтов, если хочешь. Пока. Вера».

Этот ответ поверг Анну в смятение. Что-то волнующе-приятное было в том, что Вера как будто разрешила ей быть такой замороженной. Мысль о том, что «у депрессии есть свои причины», успокаивала и как-то растворяла стыд. Как будто если есть причины, то не так стыдно. С другой стороны, идея пойти к психотерапевту показалась Анне странной, пугающей и даже дикой. С какой стати?! Она же не душевнобольная. И у нее нет никакого «посттравматического синдрома». Зачем ей идти к какому-то

психотерапевту? Ей и так неприятно ощущать себя такой, а еще демонстрировать все это перед кем-то! И вообще, с ней все в порядке. Психотерапевты наверняка работают только с психами. И если она придет на прием, ее тоже запишут в психи, потом не отмоешься... Уж лучше она сама разберется в себе. Она сама себе психолог. Для того чтобы выглядеть как Вера, достаточно быть веселее, энергичнее, сменить гардероб, не бояться обращаться к людям, улыбаться, быть везде «своим парнем». Невелика наука!

Это простое решение придало сил. Анна пришла к выводу, что начать нужно с внешнего вида, и после работы решительно направилась в торговый центр. Вещи на вешалках казались нелепыми, цвета диковатыми, продавщицы, как ей мерещилось, смотрели на нее с презрением и усталостью. Промучившись часа два с половиной, она была готова купить уже что угодно, лишь бы покончить с этим. В результате были приобретены длинная юбка с какой-то странной бахромой труднообъяснимого синего цвета, туфли с необычными носами (они сначала показались ей ужасно оригинальными, к тому же цена на них была снижена) и куртка, чем-то похожая на Верину, с такой же опушкой на капюшоне. Придя домой на гудящих ногах и примерив все это, Анна с досадой увидела в зеркале русоволосую девушку неопределенного возраста, с невнятным выражением лица и одетую слегка нелепо. То ли вместе плохо сочетается, то ли настроение у нее дурацкое от этих магазинов.

Тем не менее в понедельник она решительно завязала свои непослушные волосы в хвост, надела обновки и даже слегка подкрасила губы. Не сказать,

что теперь ей нравилось отражение в зеркале, но она была полна решимости в тот день быть совершенно другой. Для начала она стала смотреть на людей. Гуляя с Верой, она заметила, что та всегда смотрела прямо, открыто и с улыбкой, в ответ ей тоже часто улыбались. Анна же привыкла глядеть под ноги, кокон надежно защищал ее от мира и мир от нее.

Видеть мир оказалось забавно, но не всегда приятно. Она была поражена тем, что люди смотрят на нее недружелюбно, без улыбки, часто не замечают вообще. Уф... Это было непростое задание, и к тому времени, как она достигла безопасного острова «собственный офис», она уже порядком устала.

Охранник, который обычно никак не реагировал на ее приветственное движение серым пропуском, вдруг остановил на ней взгляд, полный скорее недоумения, чем восторга или хотя бы дружелюбного интереса. Бровастый бухгалтер при ее появлении выдохнул из себя:

— Дерзкая, вы... доделали отчет?

— Да, Феоктист Петрович, все еще раз проверю и через час пришлю.

— Ну смотрите, проверяйте лучше, а то опять исправлять придется. У вас же наверняка одно на уме...

Что у нее на уме и с чем связан этот странный выдох, она не стала уточнять, прошла к своему столу под обстрелом изучающих взглядов девиц, села за стол, включила компьютер и начала медитировать над вчерашним отчетом, будучи совершенно не в силах сосредоточиться.

В обед она, как всегда, пошла в закусочную, где заказала привычный сэндвич с лососем и чашку кофе. Она выбрала любимое место — на высоком та-

бурете перед самым окном. Москва суетливо копошилась. Люди устало месили весеннюю грязь, двое детей волокли свои школьные ранцы, возюкая по грязи ремнями. У одного из них из рукава торчал вязаный шарф, у другого были развязаны шнурки, но они были так увлечены разговором, что весь мир становился мелочью, тем более незамеченные шнурки и шарфы. Какая-то старушка семенила маленькими ножками, с трудом неся груз своих лет и согбенную радикулитом спину. «Никогда не буду такой скрюченной и старой, — решила Анна, — лучше умру молодой». Какой-то молодой человек в коротком элегантном пальто цвета дорогого коньяка, с небрежно накрученным шарфом цвета... даже непонятно какого цвета, неужели и у этого цвета есть название... оглянулся... Замедлил шаг... Улыбнулся. Ей? Нет, он вправду улыбнулся именно ей?

Бутерброд застрял в горле. Она тоже пыталась улыбнуться, но сделать это с полным ртом было проблематично. А потом он радостно замахал рукой. Она совсем растерялась. Что делать? Помахать в ответ? Кивнуть? «Улыбнись хотя бы», — умоляла она сама себя, пытаясь быстрее проглотить как назло застрявший бутерброд. В это время молодой человек развернулся... и направился к входной двери. Ею овладела паника. Спустя еще несколько бесконечных секунд она боковым зрением увидела, что сидевшая сзади нее девушка тоже бросается к входной двери, где радостно воссоединяется с тем самым молодым человеком в приветственном объятии.

В первый момент Анна воспела оду лососине с хлебом, безнадежно застрявшей у нее в горле и помешавшей ей радостно замахать рукой в ответ. Хороша

бы она была! Но спустя несколько минут почему-то подкатили неожиданные слезы: ее не замечают. Все встречаются друг с другом, но не с ней. Никто не машет ей рукой и не обнимает при встрече...

«Такой эlegantный красавец с обаятельной улыбкой, конечно, предназначен не тебе!» — пока она пыталась справиться со слезами, которые всегда некстати, особенно если ты сидишь в людном месте на высоком табурете, да еще лицом к улице, где все на тебя пялятся, она вдруг услышала свою фамилию.

— Как думаешь, что это с нашей Дерзкой сегодня? Ты видала, как вырядилась?

— Девице-то нашей замуж давно пора, вот она и «оперилась», но ведь как неудачно. Верочке подражает и выглядит, согласись, жалко. Даже непонятно, кто такую замуж-то возьмет. Ведь не было у нее никакого жениха, Верочка сказала, что мы все это выдумали. Представляешь, у нее никого не было! Бедная Дерзкая...

Анне в какой-то момент показалось, что она окаменела. Ей было страшно пошевелиться или даже вздохнуть. Не обнаружить себя. Сидеть. Пока они не уйдут в другой конец зала. Невыносимо! Жить невыносимо. Как стыдно-то! Ненавижу этих якобы участливых дур! Жалко им меня! На себя бы посмотрели, кошки драные! Блондинки тупоголовые! Ничтожества со стразами. Ну погодите еще! Как долго двигается их очередь! Ну быстрее!

Когда девицы, получив свой обед и непрерывно болтая, продефилировали в другой конец зала, она слетела с табурета и метнулась к дверям. Оттуда сразу в многолюдное метро, как будто шпион в плохом голливудском кино, уходящий от погони.

Ей казалось, что любой знакомый человек подумает только одно: ты — нелепая, ничтожная и недостойная жить. И не важно, какой на самом деле видят ее люди. Она ощущала себя такой отвратительной, как будто кто-то поставил видимую всему миру печать на лбу: «Никуда не годится». Ехала, с трудом сдерживая рыдания, размазывая горькие слезы, и в голове стучали неотвязно только два самых идиотских на свете слова: «жалко» и «подражает».

Ганс проспал почти до самого заката. Проснувшись в сумерках, он сначала не мог понять, какой сейчас час, чем он собирался заняться и что надлежит сделать в первую очередь. Выглянул за дверь, взял много раз перелатанные ботинки плотника и почти новые сапоги чиновника из Главного Города и решил приняться за работу. Ему многое теперь предстояло обдумать, а думалось хорошо, когда руки делали свое дело: прошивали, смазывали, приклеивали.

Итак, он не отсюда. У него были отец и мать, но они погибли, точнее, остров убил их. Труднее всего Гансу давалась та часть истории, где Правление, которое, как он думал, многие годы, по сути, заменяло ему родителей, заточает, преследует и в результате казнит его отца. Еще труднее поверить в то, что власти города придумали целый миф для того, чтобы защитить только свои интересы, лишив всех жителей острова возможности и надежды когда-нибудь увидеть солнце и другие земли. Ганс никогда не представлял себе, что Смотрители наблюдают не только за морем, ему не доводилось страдать и от запретов

Правления. Может, конечно, потому, что он никогда не нарушал законы Города? Уж не является ли все это плодом воображения старика, который в свое время сильно ударился головой о скалы?

Правление просто не может делать что-то во вред гражданам. Это же люди, которые призваны заботиться о том, чтобы Городу было хорошо. Ведь он, сапожник, делает свою работу хорошо, не будет же он специально шить плохие ботинки и сапоги, тогда у него никто их покупать не станет. И если власти говорят о том, что опасность со стороны моря существует, значит, она существует. Они, конечно, могли принять отцовский корабль за вражеский. Могли не разобраться в том, что заплутавшие путешественники прибыли с самыми добрыми намерениями. Но ведь это совсем не значит, что к острову не могут приблизиться настоящие враги. И тогда Смотрители действительно могут спасти Город от разорения.

Кому верить? У кого спросить? Как узнать правду? И стоит ли это делать? Может, все-таки продолжать жить как раньше? Работа у него всегда будет, есть отличные друзья, со временем и семья появится. Не нарушая законов города, можно вполне счастливо прожить здесь всю жизнь. Надо просто делать то, что делаешь. Каждому свое. Он, Ганс, — сапожник, значит, его дело — шить и чинить сапоги.

Он со вздохом заметил, что очередная заплата никак не крепится на разваливающиеся под его руками ботинки плотника, грубая кожа вся искорежилась от постоянных дождей и просушек, совсем потеряла гибкость: трескается, а не гнется, сколько ни смазывай. Плотнику еще прошлой зимой стоило бы заказать новые. Как они эту-то зиму перенесли —

загадка. Видимо, совсем нет денег. Тут взгляд Ганса упал на рядом стоящие, ждущие своей очереди сапоги чиновника. Те были почти новыми, лишь подошва чуть отклеилась у самого мыска. Этот чиновник заказывает по несколько пар сапог за сезон, всегда выбирает лучшие кожи, они мягче, легче на ноге, поэтому снос у них быстрее, а стоят дорого. Откуда же у чиновника столько денег? Впервые у Ганса возник этот вопрос. И ему очень не понравилось, что внятного ответа в голове никак не рождалось. Впервые простая мастеровая работа не отвлекала его от мыслей, а рождала все новые, еще более беспокоящие. Похоже, стоит прогуляться.

Лодка рыбака все равно теперь будет ждать завтрашнего утра. Ганс решил зайти в «Тугое пузо», давно он не навещал своих друзей. «Пузо» еще не набилось до отказа, как это всегда случалось ближе к вечеру, но вся компания была уже в сборе. Клаус балагурил, Стефан смеялся, Петер налегал на пиво.

— Смотрите, кто наконец вышел из спячки! Ганс, дружище, нам так тебя не хватало! Как я рад, что ты снова с нами! — Клаус выскочил из-за стола и принялся обнимать и тискать Ганса, как будто хотел убедиться, что тот действительно с ними: из плоти и крови. — Что ж с тобой было? Мы боялись, что у тебя что-то с головой случилось, вон и Стефан рассказывал, что ты ему странные вопросы задавал. Зимой, брат, сам понимаешь, здесь у многих с головой плоховато становится. Эти зимние шторма и постоянная темень кого хочешь с ума сведут. Но я же говорил, что наш Ганс к весне в себя придет? Говорил? И вот пожалуйста! Бодр, здоров и прекрасен!

— Ладно тебе. — Ганс слегка смутился и сел рядом с Клаусом, который с готовностью отдал ему свою, уже далеко не первую, кружку пива. — Расскажите лучше, что у вас нового.

— Да что нового? Я вот влюбился снова, тут есть такая фея, я тебя с ней непременно познакомлю, у нее, правда, папаша строгий, так что, может, придется жениться, но это мы еще посмотрим... — Глаза у Клауса загорелись, губы расплылись в мечтательной улыбке. — А еще на Стефана упала большая ветка, ветер был сильный, ветка надломилась, а тут как раз Стефан проходил, ну и она ему по плечу ка-а-ак хряснет, ухо еще содрала. Да, Стефан? Покажи Гансу свое ухо. И еще Петер с Эриком сильно подрались, насилиу разняли, думали, поубивают друг друга. Сейчас уже и не вспомнить, из-за чего сцепились-то... Петер, чего не поделили, с чего у вас тогда все началось?

— Да... из-за Правления. — Петер с мрачной синевой под глазом выглядел героем, отдавшим все силы на борьбу за справедливость.

Ганс насторожился. Почему-то теперь это слово заставляло что-то в его животе неприятно сжиматься.

— Ну, это... Эрика, ты же знаешь, взяли плотником на новое строительство, пили еще тогда по этому поводу. Ты тогда тоже, кстати, был. Ну и навалял я тогда, знатно подрались.

— И что на новом строительстве? — Ганс не хотел, чтобы разговор уплыл в сторону.

— Приказано строить деревянную вышку, судя по чертежам, очень высокую. Рабочие стали спорить между собой, зачем она нужна Правлению.

Большинство, конечно, думают, чтобы врага с моря быстрее заметить. А Эрик им и говорит: «Туман же, все равно не видно ни черта, хоть снизу, хоть сверху смотри. Все море в непроглядном тумане». Они ему тогда, мол, для чего же еще? Ведь денег немерено вышка будет стоить. А Эрик возьми да и скажи: «Чтобы за островом наблюдать, следить за всеми горожанами, чтобы четко знать, кто, где и что делает. А для того чтобы сквозь туман видеть, они еще фонарь изобрели мощный очень, им можно посветить, и весь город — как на ладони». Я ему и говорю: «Зачем за нами следить-то? Мы что, враги какие-нибудь?». А он как засмеется и говорит: «Чудной ты, Петер. Конечно, за нами следить, за кем еще-то? Мы ж для Правления самые что ни на есть враги, особенно если из повиновения выйдем!». Ну и как тебе такая глупость? Конечно, я ему звезданул между глаз. Это ж выдумать надо, мы — враги! Я его бью, а он орет: «Да ты — дитя малое, веришь всему, что они выдумали, а они нас, как овец...» За «дитя малое» и убить тогда мог, хорошо еще, что разняли нас. А то так и убил бы... Овцы какие-то... Напридумывал глупость всякую и еще на Правление наезжает!

— А ты-то сам как думаешь, для чего вышка? — Гансу становилось все неудобнее и беспокойнее.

— Как для чего? Конечно, чтобы врагов вовремя заметить! Ведь если они мощный фонарь изобрели, тогда они им и в море светить могут, а значит, быстрее врагов увидеть. Что тут непонятного?

— А ты, Стефан, как считаешь?

— Я не знаю. Я только думаю, что Петер прав. Уж точно Правление за нас, горожан, и никак не против.

— А почему ты так в этом уверен?

— Что, и ты туда же, Ганс? — Петер аж слегка привстал со скамейки. — Ты что, тоже нас во враги записываешь?

— Да ну что ты, сядь, я никого никуда не записываю. Я просто спрашиваю, как можно быть уверенным в том, чего точно не знаешь? Как ты понимаешь, что Правление о тебе заботится? Вот как?

— Да что тут понимать! У тебя же дом есть, работа, да и враги пока не разорили город!

— Может, и нет никаких врагов-то? Ты хоть раз их видел? Ну хоть одного?

— Не видел, но они точно есть. Мне отец рассказывал, что когда мы были еще совсем маленькими детьми, будто приплывали тут одни — лютые звери просто, под покровом ночи пробрались в Город, хотели всех жителей истребить, включая младенцев малых. Так Правление их обезвредило и уничтожило и даже жителям не стало рассказывать, чтобы народ не волновать. Вот такая была история. Отец мой врать не будет. Правда, Стефан? Наш батя, он не мастер истории сочинять. Раз рассказывает, значит, так все и было, и сомнений никаких!

— Ну да... Раз твой батя так говорит, то так все и было, — промолвил Ганс, изо всех сил стараясь скрыть сарказм, — а ты что, Клаус думаешь про это все?

— А я, парни, не думаю. Я живу просто. Чего думать-то? Придут враги — будем отбиваться. Не придут — еще лучше. Хорошо живем-то? По-моему, просто здорово: родились здесь и живем! И что ни день, то радость! Зачем думать о плохом? Кто враги, кто за кем следит? Зачем все это? Пока в нашем городе такие девчонки, всегда есть повод для радости!

Они, увлеченные разговором, сначала не заметили, как в таверну вбежал Хилый и выпил прямо у стойки один за другим два стакана пива, держа их дрожащими руками. А потом, обращаясь ко всем и ни к кому, негромко и слегка заикаясь, произнес страшные слова, от которых все замолкли, и наступила жуткая тишина.

— Тут, эта... Эрика нашли. Мертвого. Он как будто со скалы упал... Но странно как-то — Эрик же самый ловкий из нас и высоты никогда не боялся... Никто не видел, как он упал, только сейчас выловили. Мертвого.

Она проревела дома два часа, с остервенением содрал с себя обновки, расшвыряв их по комнате, отчего они, точно поверженные и раненые звери, залегли у порога, на диване и возле шкафа. Потом выпила валерьянки — казалось, грудь у нее разрывается от обиды и боли. Ничто в тот вечер так и не принесло ей облегчения. Отчаянно хотелось только одного — перестать существовать, поскольку существующая Анна доставляла ей слишком много боли, которую не переварить, не унять, не вытравить.

Утро пришло, заявив о себе ненавистным звоном будильника, а сил, чтобы поднять голову с подушки, не было. Не хотелось даже шевелиться. Она не могла найти хоть какой-то повод и смысл для того, чтобы открыть глаза и снова встретиться с этим опустевшим миром.

Через два часа ее выдернул из небытия звонок мобильного.

— Алло, Дерзкая? Это как понимать? Вы куда делись вчера? И почему сегодня вы не на рабочем месте? Учтите, я уже написал на вас докладную. И в отчете опять нашел две ошибки. Вы никогда не станете главным бухгалтером. Алло! Вы слышите меня?

— Слышу, Феоктист Петрович.

— Вы что, больны? Надеюсь, ваш больничный будет оформлен надлежащим образом.

— Да... я больна... Очень... — Язык отказывался повиноваться, и ее слова были больше похожи на стон, что впечатлило даже толстокожего бухгалтера.

— Ну, поправляйтесь. Только учтите, что за вчерашнюю половину рабочего дня вам все равно придется отчитаться, моя докладная уже на столе у главного. А в отчете я уж сам ошибки исправлю... Или вы можете исправить и переслать мне назад?

— Нет... не могу... до свидания.

Хорошо еще, что мамина бывшая одноклассница работала терапевтом в одной районной поликлинике. Больничный был обеспечен. Но как продолжать жить, когда совсем нет сил, а главное, уже ничего не хочется? Может, уехать к маме?

Она вспомнила свой город, по которому так тосковала на первых курсах института. Там все знакомо, нет никакого метро, никаких гламурных красоток и бессмысленных банков. Там есть река — красивая и широкая, школа, где она училась, улица Ленина, которая наверняка сильно изменилась с тех пор, квартира, где и сейчас мама хранит ее детские игрушки... Надо просто уехать. Далась ей эта Москва. Что она здесь видит? Чужую квартиру, где она

не хозяйка, работу, от которой мозги прорастают поганками, миллионы людей в метро со своей никчемной жизнью. Ради чего все это?

На третий день все более удушающего лежания, выбирая между острым желанием кануть в небытие и неявным желанием сделать хоть что-то, чтобы стало легче, она решилась на письмо.

«Привет. Трудно даже описать тебе, насколько мне плохо. Я не могу ходить на работу. Взяла больничный, скоро просто покроюсь мхом. Начинаю подумывать о том, чтобы уехать домой. Там, по крайней мере, все знакомо. Там мама. А здесь я совсем одна: без друзей, без надежд, без вариантов. Как думаешь? Уехать мне или нет? В сущности, ради чего мне оставаться в Москве? Что изменится, если я останусь? Если бы ты только знала, как меня все достало! Наши девицы — дура на дуру и душой погоняет. Пустоголовые курицы на шпильках! А Феоктист наш, чтоб ему... Это ж по всей Москве искать, не найдешь такого гиббона, чтоб еще и разговаривал, и балансы сдавал! Я не могу больше всех их видеть, а что делать, не знаю. Извини, что опять нудю. Так уезжать или нет? Скучаю. А.»

К счастью, ответ пришел через полчаса.

«Привет, Аня. Я верю, что тебе плохо. Очень жаль, что тебе плохо настолько, что ты не можешь ходить на работу. Уезжать или нет — ты спрашиваешь. А я не знаю, что тебе ответить. Насколько я понимаю, дело не в Москве и не в девицах, и даже не в Феоктисте Петровиче. Дело в тебе. Это тебе плохо, а они продолжают ходить на работу и жить так, как живут. И оттого, что ты вернешься в город своего детства, вряд ли что-то изменится, потому что не из-

менишься ты. Очень часто без посторонней помощи трудно что-то менять. Мне кажется, что тебе нужна помощь. И я еще раз предлагаю тебе пойти к психологу и еще раз готова дать тебе несколько телефонов тех, кого мне рекомендовали. Сочувствую тебе. Пока. Вера».

Что-то возмутило ее в этом письме. И, нарезав три круга по комнате, яростно грызя синий пластик авторучки, Анна написала ответ.

«Вера, вот я и прошу тебя о помощи. Помоги мне. Ты же сама психолог, ну зачем мне идти еще к кому-то! Скажи, что нужно сделать, чтобы из этого всего выбраться? Я все сделаю. Я буду очень послушная, вот увидишь. Ты только скажи, что нужно! Ты же сама сказала, что мне трудно доверять людям. Ну и как я доверюсь совершенно незнакомому человеку? А тебя я знаю, ты меня один раз уже спасла, так не бросай же меня теперь! Почему ты так упорно хочешь меня отправить к кому-то? Ты, вероятно, устала от моей депрессухи и нытья, но ты — моя единственная надежда. Прошу тебя, скажи мне, как психолог, что мне делать. Мне очень плохо. А.».

«Аня, то, о чем ты просишь меня, совершенно невозможно. Не потому, что я не хочу тебе помочь. Просто так, как ты думаешь, — в письмах, помочь никто не в состоянии. Ведь изменить твою жизнь могут вовсе не мои советы о том, “что тебе делать и как поступить”. Психотерапия — это совсем другое. Это способ с помощью другого человека, психотерапевта, отправиться в путь и начать узнавать себя, проживать то, что не прожито, плакать о том, что не отплакано, учиться понимать себя и окру-

жающих и с этим осознанием строить ту жизнь, которая тебе будет нравиться и которая будет твоей. Пока. Вера».

Ручка полетела в дальний угол комнаты. Встав резко с дивана, Анна пролила недопитый чай. Какого черта?!

«Ну о чем ты говоришь? Я вполне знаю себя! Я прекрасно знаю, что умею, а что нет, что смотрю в пол, а не на человека, комплекую, боюсь людей, считаю себя то какой-то особенной, то ничтожеством. Ну как мне может помочь новое знание? Ну как? А плачу я и так в три ручья без всяких психотерапевтов, и компания для этого дела мне не нужна. Окружающих я и так понимаю, что там понимать-то, вижу я их насквозь как облупленных! Да и жизнь моя меня в общем-то вполне устраивает. Только тошно и надо что-то сделать, а я не знаю что! А ты сказать не хочешь».

«Аня, я не отказываюсь тебе помочь, я просто не знаю, что еще я могу тебе сказать. Ты, видимо, хочешь услышать от меня какой-то другой ответ, кроме того, что я уже написала. Но его нет, другого ответа. Либо я его не знаю... Психотерапия — это то, что помогает мне. Конечно, не факт, что поможет тебе. Люди такие разные. Я правда не знаю другого способа. Верю только в то, через что прохожу сама. Верующий человек скажет тебе: иди в церковь, врач тебе пропишет таблетки, фитнес-тренер посоветует чаще ходить в спортзал и обязательно попробовать йогу. Ты ведь не должна меня слушать и мне верить, ты можешь попробовать все вышеперечисленное. Если что-то из этого тебе поможет, я буду только рада. Вера».

Сообщение Хилого вызвало такую тишину, которая обычно сопровождает ужас и шок. К Петеру, побелевшему как полотно, первому вернулась речь:

— Это не я! Я не убивал его. Я бы не смог. Драться — это одно, но сбрасывать со скалы... Я ж не зверь какой-то!

— Ну что ты, братец, про тебя никто и не думает. Может, несчастье какое, выпил лишнего, полез не туда. Бывает же, — как можно убедительнее произнес Стефан и положил ему руку на плечо.

— На моей памяти еще никто со скал сам не падал, а я уже больше двадцати лет на свете живу, так говорят, во всяком случае. — Ганс побледнел не меньше, чем Петер.

— Ты же не думаешь, что кто-то мог его... того, убить? И сбросить? — Клаус перешел на шепот.

Странное молчание повисло над их столом. Любое слово теперь могло стать еще одним шагом к правде, с которой никто из четверых не хотел встречаться. Они недолго смогли выносить это напряжение, не сговариваясь, встали из-за стола и вышли на воздух. Постояв немного в гнетущем молчании под козырьком кабака, надвинули дождевики, прячась от весеннего дождя, и пошли каждый в свою сторону, попрощавшись друг с другом только кивком головы.

Наутро, еще не рассвело, когда в мастерскую Ганса вошел человек. На нем вместо дождевика простых жителей Города был добротный плащ с большим капюшоном, практически полностью закрывающим лицо. С трудом продрав заспанные глаза, Ганс под-

нялся с кровати, зажег свечи и предложил странному гостю стул. Таинственный человек какое-то время молчал, отчего даже воздух в мастерской как будто сгустился.

— Тебя зовут Ганс, верно?.. Тебе оказана большая честь... Ты будешь работать на строительстве Правления. — Голос выдавал в нем человека немолодого, к тому же дыхание его никак не могло восстановиться после непростого подъема в Верхний Город.

— Но я не умею строить. Я же не строитель и не плотник, я же сапоги шью, зачем понадобился Правлению сапожник? — Ганс все никак не мог сообразить, для чего этот странный человек появился в его жилище, чем грозит ему подобная благосклонность.

— Мы знаем, что ты изобрел специальный состав, который хорошо защищает от дождя. Мы строим из дерева, и нам нужно защитить нашу постройку от влаги. То, что создает Правление, должно простоять века. Тебе ясно?

— Вполне. А если... я... откажусь? — У Ганса все похолодело в груди от собственной дерзости.

— Ты не откажешься.

— Почему вы так уверены?

— Потому что мы знаем, чей ты сын, и ты сам не захочешь, чтобы об этом узнал весь город. За тобой придут через час, тебе дадут помощников, и вы пойдете собирать смолу, которая нужна для твоего состава.— Странный человек грузно поднялся со стула и направился к двери.

— Раз уж вы нанимаете меня, могу я задать еще один вопрос? — Ганс поразился собственной дерзости.

— Во-первых, тебя никто не нанимает. Тебе оказана честь. А во-вторых, я знаю, о чем ты хочешь

спросить. Мы всегда знали, откуда ты, и не трогали тебя, потому что твои сапоги носит все Правление, к тому же ты безобиден.

— Я не про это. Я хотел спросить: а для чего вы строите эту вышку? Для чего она?

— ...Будем считать, что этого вопроса я не слышал, но если ты задашь его кому-нибудь еще... — Вопрос Ганса явно поверг человека в плаще в замешательство. — У тебя не так много времени, будь готов через час.

Странный гость, поглубже натянув капюшон, вышел на улицу, где его ждали несколько людей с фонарями.

Ганс стал ходить по комнате кругами. Работать на Правление? Кто этот человек? Смотритель? Кто-то из шести? Не может быть. Не могут они сами ходить и набирать людей на свое строительство. Рыбак был прав? И Эрик тоже? Ему угрожает опасность? Нужно соглашаться или бежать? Сердце бешено билось, как будто подсказывая ногам: «Бежать!». Но куда? И от чего? Если он будет работать на Правление, то они ничего ему не сделают. Раз он им нужен, то не сделают. Надо только держать язык за зубами и делать вид, что он — прежний, совсем «безобидный» Ганс. Только сможет ли? Они ведь знают о том, что он видел солнце, они будут за ним следить, и, если он допустит хоть один промах, они убьют его, как Эрика: просто сбросят со скалы или закопают, как отца, в никому не известном месте.

Ганс прислушался. На улице было тихо. Шаги давно смолкли. Ему совершенно необходимо обсудить это все со старым рыбаком. Но имеет ли он право подвергать теперь и рыбака такой опасности?

А вдруг за ним уже следят? Впервые Ганс отчетливо понял, как изменился мир, в котором ему теперь предстояло жить. Мир, в котором нельзя быть самим собой, нельзя говорить то, что думаешь, и встречаться с тем, с кем хочется.

Впервые даже туман показался ему зловещим, непредсказуемым и опасным. Он еще раз прислушался. Обмотал свои ботинки мягкими тряпками и осторожно вышел на улицу. Дом рыбака в нескольких шагах, но пройти их страшно, как будто идешь над пропастью.

Себастьян еще спал, старик уже проснулся и пытался разжечь очаг. Ганс еле слышным шепотом рассказал ему все, начиная с того, что узнал вчера в «Тугом пузе».

— Что мне делать? Они придут за мной через час, даже уже меньше. Как поступить?

— Как выглядел этот человек, ты рассмотрел его лицо?

— Да нет, у него был совсем тусклый фонарь. К тому же капюшон был надвинут глубоко на лицо. Я понял только, что он пожилой, в возрасте. Я еще удивился: такого знатного и пожилого человека за мной послали, это на нашу-то верхотуру. Неужели не могли прислать кого-то помоложе? Но видимо, либо дело важное, либо кому-то очень надо было на меня посмотреть. Я его никогда не видел, хотя сапоги на нем мои, но мерки я с него никогда не снимал, я бы запомнил...

— Хорошо. Пока, видимо, тебе ничего не угрожает. Но ты прав: если ты хоть как-то выдашь себя, то они тебя не пощадят, будут шить свои сапоги у Мартина. Он хоть и никудышный сапожник, а все

же мастерству обучен. Как же не вовремя я тебе все рассказал. Ведь если бы ты не знал ничего, то тебе и прикидываться не надо бы было.

— А я рад, что знаю. Я ведь уже с самого начала зимы понял, что у меня какая-то своя особенная история. Вот только не знал — какая. Теперь знаю. У меня глаза открылись. Мне раньше даже трудно было представить, что за чудовище — этот остров.

— Странно, что ты остров называешь чудовищем, это же просто кусок суши. А вот то, что люди сделали с этим островом... Правление... Да и мы все. Эрик прав — «как овцы».

— Как мне жить теперь здесь, я не знаю. Как вы живете, зная все? Как Эрик жил, зная?

— Не знал он, я думаю, догадывался только. А как я живу? После смерти Агнесс, наверное, не живу вовсе. Пока она была рядом, мне было все равно, что вокруг, какие порядки, на чьей стороне справедливость. Меня интересовало только одно — чтобы она была счастлива и не страдала. Но даже этого я не смог сделать для нее. Разве я имею право жить после всего этого? Тем более пока ее убийца — прыщавый Якоб продолжает заводить на этом острове свои порядки. Меня только и держат на этой земле Себастьян да ноющее, как мои старые колени, чувство мести.

— Так что же мне делать? — Рассвет, потихоньку прокрадывающийся в комнату рыбака, все сильнее освещал два напряженных лица: молодое и старое. — Мне кажется, что если я сейчас соглашусь, то не вырвусь потом. Ощущение, что это — ловушка, хитро расставленная специально для меня. Все внутри вопит: беги! Беги, прячься, уноси ноги! Но куда бежать? Куда здесь можно убежать? Ведь если Смо-

трители следят за всеми жителями Города, то от них не скрыться...

— Если? Ты еще сомневаешься?.. Боюсь, сынок, у тебя пока нет другого выбора. Чтобы убежать с этого острова, нужен план, и, видимо, значительно более продуманный, чем был у нас с Агнесс и твоим отцом. Но тогда у нас не было времени. А у тебя оно есть. Немного, но есть. Мой тебе совет: поработай, присмотришь. Наблюдай и запоминай. Ничего не решай и тем более не действуй, пока не поймешь, что пора, что готов и знаешь, как попасть туда, куда ведет тебя твоя мечта. Ведь я вижу, что теперь у тебя есть мечта. — Старик со вздохом погладил Ганса по голове.

— Да, я хочу видеть солнце. Еще я хочу не бояться думать и говорить. Я хочу выбирать, где мне жить и куда плыть, если на то возникнет охота. И вообще, хочу знать, кто же такой бывший сапожник Ганс, на что он еще способен.

— Как много всего и сразу! — Рыбак улыбнулся, отчего морщинки на его лице пришли в движение, и лицо ожило, превращая его из угасшего и старого рыбака в мудрого художника. — Ну что ж, дерзость — удел молодых. Когда еще не хотеть всего и сразу, как в молодости. Ну, иди. Возьми инструменты, которые тебе могут понадобиться, два дождевика возьми, до лета вас еще не раз дождями помоем, вещи нужные. Не думаю, что они тебя скоро отпустят, ведь от роши до Верхнего Города путь не близкий. И еще возьми из дома талисман какой-нибудь, вещьцу памятную, чтобы не забыть там о своей мечте, пусть с тобой всегда будет. Береги ее. Ну, иди, сынок... и возвращайся.

Ганс вернулся в мастерскую и стал быстро собирать вещи. Он с удивлением отметил, что еще никогда не собирался в дорогу. Он не появлялся в мастерской самое большее два дня — однажды, когда на сборе смолы его застала сильная гроза и он не мог вернуться домой, заночевал в каком-то полуразвалившемся сарае.

Сейчас ему необходимо было решить два важных вопроса: во что сложить вещи и что взять с собой как талисман. Вещи вместились в старый-престарый саквояж, оставшийся от умершего еще до рождения Ганса мужа Жильберты, которого она часто вспоминала и оплакивала. Талисман... Взгляд Ганса метался по комнате, не находя в ней чего-то хоть мало-мальски значимого для него, годного для этой цели. В это время в комнату ввалились люди и сказали только одно слово:

— Пойдем.

Ганс спускался с ними, и в голове его навязчиво крутилась беспокойная мысль: «Талисман! Я не взял талисман». Когда они уже были на выходе из Нижнего Города и им предстоял длинный путь через поля к роще, к Гансу вдруг подбежала маленькая белокурая девочка в сильно поношенном платьишке, но с задорными кудряшками, весело подпрыгивавшими при каждом ее движении. Девочка что-то сунула ему в руку, обдав его теплом и подняв волну умиления, которое всегда вызывает маленький и симпатичный ребенок.

Когда Ганс разжал кулак, на его ладони лежала какая-то странная стекляшечка цвета свежего меда, она была почти круглая, и если присмотреться, то можно было обнаружить внутри пузырьки, будто в

ней застряли капельки солнца. «Вот и талисман», — почти не удивился Ганс. Само солнце теперь всегда будет с ним. И он бережно положил его в карман.

«Как все-таки плохо, когда у тебя нет друзей: совершенно не с кем посоветоваться», — привычно пребывала в своих унылых мыслях Анна, не замечая бурлящей за пределами ее депрессии весны. Вера, если бы узнала эти ее мысли, возмутилась бы: «Есть друзья, и ты советуешься, вот только в ответ слышишь совсем не то, что хочешь услышать, а потому чужие советы ты выкидываешь на помойку — в каком-то смысле им там самое место».

Что она обычно делала, когда не знала, как поступить? В детстве, конечно, спрашивала у мамы. Делала, как правило, по-своему, но спросить могла. Сейчас ей что-то подсказывало, что мама в этом вопросе — не помощник: ее саму придется утешать и вытаскивать из водоворота чувств, если Анна только словом обмолвится о том, что с ней происходит. Еще она искала ответы в книгах. Удавалось. Но не всегда. К тому же сейчас на это не было времени, да и непонятно было, за какую книжку стоит взяться, в какой из них будет тот самый ответ, который она так жадно ищет.

Что делает современная девушка, когда не знает, как ей поступить? Она залезает в Интернет. К своему удивлению, она нашла много ссылок на слово «депрессия». Выяснилось, что этим занимаются множество специалистов: невропатологи, психиатры, психотерапевты, психологи. На форумах самые разные люди задают им много вопросов, и не возникает

ощущения, что все они психи. Придирчиво исследовав выставленные в Интернете резюме не одного десятка психологов, включая тех, кого ей порекомендовала Вера, Анна остановилась на трех кандидатурах.

Все три чем-то ее привлекали, но не были достаточно хороши. Номер один — дама лет пятидесяти. Участливое лицо, добрые глаза и, судя по резюме, много опыта. Несмотря на возраст, выглядит современно, и ей, пожалуй, можно было бы довериться и все рассказать. Но она чем-то неуловимо похожа на маму: прическа или улыбка... это очень смущает.

Номер два: молодая женщина за тридцать или сорока, взгляд мягкий, глубокий, послужной список не такой внушительный, и это почему-то немного успокаивает: к очень опытным идти страшно — они наверняка способны «просчитать» человека в три секунды. Правда, про ее методы работы написано много непонятных слов, большинство из которых Анна никогда не слышала. Это пугает: а вдруг ей эти методы не подойдут или она не будет знать, что делать? Как в этом разобраться-то?

Номер три: молодой парень, мужчина. Очень обаятельная улыбка и пишет про себя и про свою работу так интересно, что к такому хочется не то что пойти — побежать. Вот только если она опять влюбится? Она ведь при нем мычать начнет, как дура. А то еще хуже: вдруг она влюбится, а он ее потом кинет, как Димка? Нет уж! Она со злорадством закрывает окошко с его страничкой. Не сейчас! Не готова она пока о своих проблемах рассказывать всяким красавцам.

Короче, никто не подходит. Она же всегда знала, что она — особенная, а это значит, что не каждый может ей помочь. Ей стало легче. Никто не может ей

помочь. Вот в чем дело! Просто не родился еще тот психотерапевт, который бы смог ей помочь. Значит, надо просто жить дальше.

Эта спасительная мысль, а также весна, окончательно победившая в московском регионе, вернули ее к жизни. Она вышла на работу, перестав даже смотреть в ту сторону офиса, где сидели «гламурные дуры», перетиравшие ей кости тогда в закускойной.

Переписка с Верой увяла. Анне не хотелось писать: наверное, было стыдно за то, что не последовала ее совету. А может, просто рассказать было особо нечего, ведь ничего нового не происходило в ее жизни, все как всегда: дом — работа — дом. Феоктист так достал, что даже отпала охота шутить на его тему, девицы стали для нее даже не врагами, она гордо решила исключить их из вида *homo sapiens*, а потому не удостоивала своим вниманием. Окончательно победившая весна не казалась ей всеобъемлющей и достойной обсуждения темой. Так что писать было не о чем: нудеть уже нет никакого желания, а похвастаться пока нечем.

Ей каким-то образом удалось подойти к вопросу кардинально: выключить себя из жизни, не обращая внимания на активно бурлящий город, радостно проснувшийся после зимней спячки. Москва расправлялась с весной, зажигая тополя, зеленый цвет которых был готов вновь обернуться белым лишь для того, чтобы засыпать накаляющиеся улицы навязчивым пухом — кошмаром аллергика. Оставаясь безучастной ко всем метаморфозам города, Анна сильно удивилась, получив от Веры письмо в самом начале лета.

«Привет, Аня. Извини, что долго не писала. Такая суета, столько событий. Сложных для меня, к сожа-

лению. Поручили один очень непростой проект по работе с персоналом. Не буду тебе описывать подробности, скажу только, что он довольно масштабный. Мне пришлось выбить право на то, чтобы сформировать проектную группу. У нас много филиалов по стране, и было так непросто придумать и создать большую, но хорошо работающую систему. Чудесная группа, отличные ребята, столько удовольствия от того, что решаешь такую трудную задачу, несмотря на бессонные ночи и утомительные командировки. Решаешь вместе, споря до хрипоты, ловя в воздухе идеи, разделяя работу так, чтобы никто не упал без сил и все получилось. И вот три недели назад мы ее доделали. Наше начальство было счастливо. Альберт Владимирович, наш главный, был воодушевлен и откровенно доволен. Мы и сами раздувались от гордости. Да ты, наверное, знаешь, каково это — когда берешься за почти невозможное, и все получается, несмотря на сомнения, тревоги и отчаяние.

Но что-то вдруг внезапно изменилось в “верхах”, и нашему любимому главному пришлось уволиться в два дня, ничего никому так и не объяснив. Мы были в замешательстве, но у нас еще теплилась надежда, что вновь пришедшее начальство одобрит наш проект и запустит его в жизнь. Как же мы были наивны! В Крысиванне (Кристине Ивановне) наши идеи почему-то породили настоящий шквал эмоций.

В тот злополучный понедельник она вызвала меня “на ковер”. Я, как “умная Маша”, стала объяснять ей важность этого проекта, его нужность, продуманность и потенциальную эффективность. Она во время всей моей пламенной речи смотрела на меня так холодно, изучающе и жестко, что даже

у меня пробежал холодок по спине, а меня, ты знаешь, вообще-то нелегко “пробить”. Стало возникать ощущение, что она совершенно беспричинно ненавидит меня всю. Это было так неожиданно и непривычно! Никто никогда не смотрел на меня так! Я никак не могла понять, чем вызвано такое отношение ко мне. Она же меня совсем не знала! За что ей было так сильно меня ненавидеть? Мы всей командой создали и готовы были отладить отличную систему, аналогов которой в российском бизнесе, возможно, и нет. Это ведь и ей, как руководителю, был бы большой бонус.

Моя психотерапевтша предположила, что это могла быть зависть. Ведь у меня есть то, что ей недоступно: я не соблюдаю “дресс-код”, меня любят и уважают коллеги, я, в конце концов, моложе и свободнее. К тому же я не боялась ее, как другие, несмотря на ее уничтожающую манеру вести беседу. Если это правда зависть, тогда я не знаю...

Знаешь, первый раз сталкиваюсь с этим, и оказывается, вообще не представляю, как с этим быть, с чужой завистью. Мне иногда даже кажется, что моя терапевтша ошибается. Я никогда не завидую, мне сложно представить, что кто-то может делать это так... уничтожающе. Вскоре все разъяснилось.

После того нашего с ней разговора она стала вызывать к себе по одному ребят из нашей проектной группы и предлагать им места в других отделах и филиалах банка. На кого-то давила, с кем-то была нарочито любезна, кому-то льстила. В результате все они согласились. Все. Я осталась без команды. По понятным соображениям, мне она ничего не предложила. Ничего не оставалось, как уволиться. Это

тоже было не самым страшным. Ребята поступили так, как им было важно. Я стала негодна начальству и вынуждена была уйти. Все это грустно, неприятно, но переживаемо. А вот то, что она сделала потом с нашим проектом, как исковеркали идеи все те, кого она привела с собой, как извратили, подчинили каким-то своим диктаторским целям...

Представь себе, что ты создаешь проект в организации, где работа с персоналом основана на гуманистических принципах, а потом ситуация меняется, и твои идеи превращают в нечто противоположное — они становятся инструментом в руках новоявленной диктатуры, которая преследует исключительно манипулятивные цели. И страшно даже не то, что теперь мое имя с этим как-то связано, но и то, что кто-то искалечил твой проект, как будто отобрал и покалечил твоего ребенка.

Очень скоро и ты ощутишь на себе все последствия случившегося. Ваше руководство может, конечно, все это пустить на самотек. Но если начальство сменится и у вас, если придут ее люди, то... держитесь.

Я пока без работы, перевариваю случившееся. К тому же — лето...

Надеюсь, что у тебя, по крайней мере, все в порядке. В июле едем на Селигер, поедешь с нами? Сегодня мне в это трудно поверить, но жизнь все-таки продолжается ☺. Обнимаю. Вера».

Анну в очередной раз оглушило Верино письмо. Ей было снова стыдно за то, что в своих тайных мыслях она вот уже несколько месяцев жевала уповательно-страдательную жвачку: «Она мне не пишет, значит, я ей не нужна, ну и обойдемся без нее». Соб-

ственный эгоизм мешал ей представить, что у Веры могут быть тяжелые времена и что, может быть, ей самой сейчас нужны помощь и поддержка.

Ей было по-настоящему трудно представить, что пришлось пережить стойкой Верочке. Анна вдруг отчетливо поняла, что ей было бы не справиться и с десятой долей проблем, выпавших на долю подружки. Она не смогла бы сделать проект, не пережила бы унижения от начальства, предательства команды и разрушения надежд. Чем она может помочь? Посоветовать, утешить, исправить? Ничем. Ей просто нечего ответить. Она сама никогда даже не оказалась бы в подобной ситуации. Что она может?.. С этими мыслями она и заснула, так и не решившись написать Вере ответ.

Ночью ей приснились туманный остров и молодой, красивый рыжеволосый юноша, убегающий от людей в темных капюшонах, внезапно срывающийся со скалы. Она стоит наверху и смотрит, как свирепое море беспощадно бьет его молодое тело о скалы. Просыпается в ужасе и холодном поту. «Кто-то уже умер», — вертится у нее в голове. Юноша из ее сна, как будто еще кто-то. Еще кто-то важный.

Лишь к вечеру, уже ложась спать, она поняла, что опять не написала ответ.

«Да что с тобой? Твоя подруга пишет тебе о трудных событиях, тяжелых временах, а ты как неживая, даже слова не напишешь!»

«Я не могу, кто-то умер».

«Черт побери, я знаю, кто умер. Это ты! Ходишь как кукла, набитая сеном. Эдакий страшила. В тебе не осталось ничего человеческого».

«Я? Нет. Просто не было времени сегодня. Завтра отвечу, прямо с работы. Я не умерла, просто дела...»

«Не было у тебя никаких неотложных дел, тебе просто нечего ей ответить. В тебе не осталось ничего живого и доброго. Ты — труп, дорогая! Самый что ни на есть вонючий трупешник!»

«Я — труп?! Да сама ты... труп!»

«Приехали...»

Той же ночью у нее даже не написалось, а выдохнулось письмо Вере, начинающееся со слов: «Прости, у тебя чуть не умерла подруга...» Утром по дороге на работу она позвонила психотерапевту, которая помоложе. Та была довольно дружелюбна и назначила ей встречу через два дня. Два дня, которые еще предстояло прожить. Анна вдруг так явственно ощутила ценность каждого дня и каждой минуты, что даже слегка разозлилась на психолога, которая не смогла принять ее немедленно, прямо сегодня. Два дня стали казаться ей вечностью и большой потерей. «Тому, кто собирался годы, два дня — совсем небольшое наказание», — сказал бы ей Бог, если бы услышал ее стенания.

Они шли на запад к рощам, слева из тумана начал проглядывать Главный Город — так называлось место, где жили члены Правления и чиновники. Домов было не очень много, но все они были добротно сложены из аккуратного кирпича, в отличие от домов Верхнего и Нижнего городов, сложенных из серого скального камня. Дома «главных» имели разнообразные красивые крыши и сады. Больше ничего разглядеть не удавалось, поскольку Главный Город

был обнесен стеной, и за ворота простые люди, такие как мастеровой Ганс, не допускались.

Достигнув рощ, они взяли еще западнее и вскоре вышли на поляну, на краю ее лежали срубленные деревья, посередине стоял наскоро сбитый сарай: грубо сколоченные доски пропускали дождевую воду, отчего в сарае было темно, сыро и прело. Там Ганса уже с утра поджидали помощники, молодые ребята, сидящие за грубо сколоченным столом. Из пяти человек Ганс знал только Хилого, который радостно вскочил ему навстречу. Он познакомил Ганса с командой.

— Видел поваленные деревья на поляне? Из них собираются делать доски для новой вышки, — докладывал ему Хилый, которого так прозвали еще в глубоком детстве за то, что он без конца кашлял и болел. Но за последние лет пятнадцать, после того как умер его отец, он стал образцом атлетизма: крепкие руки и ноги, широченные плечи, низковатый, с вечной хрипотцой, голос. Его облик комично контрастировал с кличкой, ставшей столь привычной, что уже давно никто не помнил его настоящего имени.

Поляна была заполнена людьми в капюшонах — это были Смотрители стройки. Покосившись на них, Ганс полушепотом сказал Хилому:

— Но ведь эти бревна кривые! Из них же невозможно будет сделать ровные доски.

— Ну а где здесь, на острове, найдешь прямые-то? Тут же ветра какие, ни одно дерево не устоит, если не будет кривым и малорослым, как эти.

— Ладно, а что мне-то здесь делать?

— Сейчас пойдем смолу собирать, а потом состав будешь делать. Ты смолу во что собирал?

— В чашу глиняную.

— Сейчас скажу Смотрителю, пусть выдаст нам шесть чаш и идем. А ты, кстати, пока скажи вон тому, что еще тебе надо для состава.

Они вооружились скребками и ушли в рощу на целый день. Один из Смотрителей всегда следовал за ними, и Гансу начало казаться, что тот все время не упускал из виду именно его.

Когда им удавалось уйти чуть дальше от своего надзирателя, Ганс терзал Хилого вопросами:

— А вам тут платят?

— Да ты что, нет, конечно, это же честь — работать на Правительство. Это очень важный объект — смотри, сколько людей за нами наблюдает.

— А что в нем важного, в этом объекте?

— Ну, вышка будет высокая, говорят, для защиты Города от врагов.

— А кто говорит, Смотрители?

— Нет, ты что, эти вообще не говорят, только слушают и смотрят. И еще иногда отдают распоряжения.

— Вот мне не платят, а на что я жить буду? Я же сапожник, живу тем, что сошью или починю. И как мои люди будут теперь без сапог ходить?

— Да ты не волнуйся, к осени тебя отпустят. Ты же только состав сделаешь, и отпустят тебя, а к осени за свои сапоги снова возьмешься.

— А ты почему здесь работаешь? Чем твои родители кормятся, пока ты здесь? Ты весенне-летний лов пропустишь, с чем будешь зимовать?

— Так а Правление на что? Они о нас и позаботятся. Не дадут же с голоду помереть, если мы им такую махину отстроим. А родители хоть и затяну-

ли пояса, зато гордятся мной — я же тут один из начальников.

— Что ты думаешь об Эрике?

— Уж не знаю, что и думать, — бодрость и оптимизм Хилого как ветром сдуло, — непонятная история. В тот вечер Эрик не пил даже, мы тут все под присмотром, в Город нас только раз в неделю выпускают. Он, конечно, бузил здесь слегка, идеи всякие странные толкал. Но как он вообще в тот район попал — непонятно, да и зачем на скалы полез? Без Эрика здесь как-то пресно стало. Не могу поверить, что он сам мог сорваться...

— Слушай, а тебе когда-нибудь хотелось убраться с острова, другие земли посмотреть?

— Ну ты даешь, Ганс! Нет, конечно. Других земель же нет. А здесь-то тебе чем плохо? Или ты, как Эрик, тоже будешь недовольство везде сеять?

— Да нет, мне не плохо. А вдруг есть? Вдруг другие земли все-таки есть, ты не думал?

— Да ну тебя... И откуда это только в твоей голове?

Один на целом острове... Только старый рыбак и его сын могут понять, о чем толкует и тоскует Ганс, и сами они, скорее всего, тоскуют о том же. Все остальные жители острова как загипнотизированные — верят в эти мифы. И ни у кого из работающих на стройке не возникает вопрос: почему они должны бесплатно работать на Правление?

Через месяц состав был приготовлен, и им можно было обрабатывать доски. Но у Ганса внутри все противилось этой идее: тратить драгоценный состав на то, из чего точно не получится вышка. Он пробо-вал еще раз объяснить это Хилому, потом рассказал

одному из Смотрителей. Тот сначала пожал плечами, а наутро сам подошел к Гансу и сказал:

— Сегодня после полудня к тебе придет Главный по строительству, ты ему скажешь то, что сказал вчера мне, но если тебе нечего предложить взамен своего недовольства, то ты сильно рискуешь.

Ганса насторожила фраза «сильно рискуешь», но он придумал, как можно было бы поступить с этими досками.

В какой-то момент Гансу показалось, что Главный — это и есть тот пожилой, что приходил тогда в его дом поутру: тот же немного сиплый, задыхающийся голос.

— Чем ты недоволен? Ты отказываешься делать свою работу?

— Нет, просто такие короткие и кривые доски будут плохой опорой для вышки. Нужны высокие деревья, с ровными прямыми стволами.

— Это и без тебя понятно, что прямые были бы лучше, только где их взять? Ты же знаешь, что на острове все деревья низкорослые и кривые.

— Там, где ветра, — да. Но возле большой Горы, прямо рядом с ней тоже есть леса и рощи, там ветра наверняка меньше, потому что Гора гасит ветер, и, быть может, мы там найдем то, что ищем?

— ...Возможно, в этом и есть какой-то смысл. Но скажи, для чего тебе так понадобилось оказаться поближе к Горе? — Главный закашлялся и вынужден был присесть на бревно.

Ганс поежился: тот словно прочитал его мысли.

— Да мне-то особо и ни к чему, хотите — намажу составом эти доски. Ваша вышка, вам и решать, —

безуспешно и слегка нелепо попытался он изобразить безразличие.

— Вышка — не «ваша», а «наша». Но решать, действительно, нам. В любом случае ты туда не отправишься. Завтра туда пойдет разведывательный отряд, главным будет Хилый. А ты можешь пока возвращаться к себе в мастерскую. Если понадобится, мы тебя позовем.

Ганс с облегчением поднимался домой в Верхний Город. Его радостно приветствовали соседи, и он ощущал странное чувство свободы, от которого совершенно отвык на строительстве, ежеминутно находясь под пристальным наблюдением Смотрителей.

Возле его двери выстроилась вереница прохудившейся и сношенной обуви. «Будет у меня работа», — радостно подумал он.

Молочница Марта испекла большой пирог в честь его возвращения. Парней, работающих на строительстве, в Городе почему-то считали настоящими героями. Хотя ничего геройского в этом, на взгляд Ганса, не было: наоборот, ему самому это строительство казалось бессмысленным и провальным с самого начала, если только оно не было затеяно ради каких-то других целей...

Слишком много было там странного. Говорят о чертежах, но на самом деле никто их в глаза не видел. Говорят о вышке, но кажется странным, что ее собираются строить в низине, а не в Верхнем Городе — на самой высокой точке острова, за исключением, конечно, самой Горы. Для чего нужна вышка — тоже никто не знает, а главное, задавший этот вопрос может дорого заплатить за свое любопытство. Слишком много загадок...

Старый рыбак так радостно обнял Ганса, что у того аж кости захрустели. Откуда в старике такая сила взялась? Только к ночи, когда все соседи разошлись, они остались втроем: он, старик да еще Себастьян.

— Ну, сынок, расскажи, что довелось тебе узнать и услышать.

Ганс рассказал ему все: про Смотрителей, следящих за каждым их шагом, про разговор с Главным, про свое желание оказаться в рядах разведывательного отряда и про разоблачение.

— А почему тебе так хотелось попасть к Горе? У тебя появилось какое-то предположение?

— Я еще в детстве думал, что мог бы увидеть, окажись я по ту сторону Горы. Ведь никто никогда там не был. Люди Города, по-моему, даже близко к ней не подходили. Что там? А вдруг там другое течение, как предполагала Агнесс и надеялся мой отец? Или там, за Горой, еще какие-то другие земли. И вдруг там, на тех землях, нет тумана, а есть настоящее солнце? Мне кажется, что Гора может как-то приблизить меня к моей мечте.

— Кто знает, кто знает... Я никогда не слышал, чтобы кто-то бывал на самой Горе и тем более за ней. Но ты же можешь потом расспросить Хилого, когда он вернется. Я так понимаю, вы сдружились?

— Расспросить можно, но сдружились — вряд ли. Уж больно мы разные. Хилый верит во все эти басни, как дитя верит сказкам. Эрик что-то знал или подозревал, поэтому, я думаю, они его и убили. Вот только что именно знал, теперь нам никогда уже не понять. А что вы знаете об Эрике? Кто его родители?

— У Эрика была только мать. Он — незаконно-рожденный ребенок. Кто отец — неизвестно. Его мать в молодости работала в Главном Городе, так что его отцом вполне мог быть какой-нибудь чиновник или кто-то из их прислуги. А почему тебе это интересно?

— Я просто думаю, почему он и я — не такие, как все. Почему все остальные так верят во все эти сказки, даже Клаус и Стефан?

— Ты и сам стал сомневаться-то совсем недавно, а до этого, вспомни, ты не хотел верить даже в то, что Смотрители наблюдают именно за нами, не замечал их как будто, а теперь видишь их на каждом углу... Ты все узнал от меня, а вот что натолкнуло на мысль Эрика — это и правда интересно...

«Я сделала это! Представляешь, я все же сходила к психотерапевту. Пока ничего не понимаю, но одно знаю точно: это не так страшно. София оказалась вполне милой. В основном, слушала меня. Хотя сначала я даже не знала, о чем рассказывать. Но с ее наводящими вопросами дело пошло. Я рассказала ей о маме, о Димке, о “гламурных дурах” и даже о тебе. Она меня не осуждает, не ругает, не критикует. Правда, что делать, тоже не говорит. Это единственное, что смущает. Мне легче оттого, что кому-то я могу рассказать все, но по-прежнему непонятно, что с этим делать.

На Селигер я не поеду. Спасибо тебе за приглашение, но пока не могу, хочется себя для начала найти. Если бы ты знала, как у нас к лету рабочая мотивация

упала ☺! Пока, к счастью, никаких нововведений. В наше болото бояться залетать даже дьявольские птицы — посланники твоей Крысиванны, в нашем царстве серого умирает все живое ☺. Скучаю. Была бы очень рада тебя увидеть. Может, заглянешь к нам после всех своих походов?»

Прошло два месяца. Лето окончательно обжилось в пыльной Москве, рассовав детей по дачам, радостно отправив часть населения в отпуска и обрекая остальных офисных работников на жизнь в кондиционированных клетках. Лишь более-менее состоятельной части населения лето позволяло маленькие радости, милостиво разрешая после рабочего дня посидеть в уличных кафе, проводя время в разговорах с друзьями, в мечтах или воспоминаниях об отпуске.

Что-то изменилось в ощущениях Анны. Ей было трудно четко сформулировать, что именно: чуть лучше дышалось, как будто она стала легче изнутри. Немного, трудноуловимо, но легче. Самое главное, что стало возникать стойкое ощущение: ей все меньше нравилось страдать. Приходя каждую неделю в эту небольшую, но светлую комнату, она все продолжала ждать от Софии осуждения, поэтому, говоря с ней, она часто покрывалась потом, от подмышек до ладоней. Нельзя сказать, что она радостно бежала в этот странный дом на Новослободской с большим кленом под окном или с трепетом ждала четверга. Идти ей, скорее, не хотелось: нет ничего приятного в том, чтобы раскрывать душу перед чужим человеком. Но хорошее самочувствие после встречи ей нравилось, и она награждала себя за мучительную работу чашкой кофе с пирогом в любимом уютном кафе на углу,

укрепляя с их помощью ощущение сделанного дела и не зря прожитой недели.

Она стала понимать, что боится людей и совсем не знает себя, что у нее была инфантильная и психологически незрелая мама, из-за отсутствующего отца у нее смутный мужской образ и неясная модель взаимоотношений с противоположным полом. Вот только делать-то со всем этим что? Поскольку страдать, чтобы подтвердить свою уникальность, ей больше не хотелось, она готова была научиться не бояться нового, узнавать себя, уметь управлять своим временем, быть способной выстроить свою жизнь так, чтобы жить очень хотелось. Только как? Ей все время казалось, что София знает ответы на все вопросы, но не говорит. В какой-то момент она в очередной раз решила спросить:

— Я понимаю, что не доверяю людям и обесцениваю их своей язвительной критикой, тем самым отталкиваю их от себя. Но делать-то с этим что? Почему ты мне никогда не говоришь, что надо с этим сделать?

— Почему ты думаешь, что я знаю, что тебе делать?

— Я же хожу к тебе для этого, разве нет?

— Насколько я помню, ты ходишь ко мне, чтобы изменить свою жизнь.

— Да, но как я смогу изменить свою жизнь, не зная, что надо делать?

— Твоя жизнь изменится по-настоящему не тогда, когда ты будешь делать что-то другое, а когда ты сама станешь немного другой. А для этого не нужно ничего делать специально: просто живи, исследуя и оставляя себе то, что нравится, постепенно меняя

то, что не нравится или перестало удовлетворять. Если тебе непременно хочется что-то поделаться, можешь пойти на тренинг, там тебя обучат какому-нибудь новому навыку, и тогда ты сможешь делать что-то новое. Но если внутри ты останешься той же, то новый навык вряд ли кардинально изменит твою жизнь. А что именно тебе бы хотелось сделать? Ты так часто про это говоришь...

Анна смутилась, какое-то время не решаясь этого произнести, но... раз уж все по-честному:

— На самом деле, я хотела бы стать такой, как Вера.

Как же трудно признаваться в том, что хочешь быть как кто-то! Какой позор! В ее памяти все еще всплывали слова «гламурных красоток», от которых было невыносимо стыдно: «...жалкая... подражает...»

— Ты смущена?

— Да, стыдно признаваться в том, что хочу кому-то подражать.

— Для меня это разные вещи. Быть как кто-то — это обладать некими качествами, которые самому хотелось бы иметь, но которых ты пока не имеешь, или тебе трудно их себе присвоить. А подражать — значит копировать кого-то: стиль поведения или одежду. Это и вправду может выглядеть довольно жалко. Так какие качества ты хотела бы присвоить из тех, что тебе нравятся в твоей подруге?

— Легкость на подъем, улыбчивость, ощущение света, любовь к людям, которые платят ей взаимностью. Чувство стиля в одежде, в жизни. Большое количество друзей, непринужденность в общении, способность везде быть своей, да много еще чего... Не очень-то на меня похоже, по-моему.

— Правда, не очень. А что же похоже на тебя, какая ты?

— Я? Выгляжу кое-как, вся какая-то скукоженная и внутри и снаружи, людей избегаю, новых событий тоже. Работу поменять боюсь, хотя давно ненавижу. Я — недоделанная, и из меня никогда не получится главного бухгалтера, так, во всяком случае, считает наш Феоктист Петрович.

— Язвишь и ерничаешь? Показательно... — София улыбнулась. — Как ты относишься к себе — так и к другим людям. Ты их критикуешь и отталкиваешь не только потому, что боишься близости, но и потому, что по-другому не можешь к ним относиться, ведь к себе ты еще более безжалостна. Ты не сможешь быть легкой, непринужденной и светлой с другими, пока ты не поменяешь отношение к себе самой.

— Но как???

— Давай попробуем понять, когда это все у тебя началось...

Ганс радостно взялся за свою работу, руки соскучились по делу, которое хорошо знали и любили. Старый рыбак заметно приободрился и даже как будто помолодел. Теперь, выходя в море, они с Себастьяном приносили неплохой улов, который могли сдавать в лагуне на переработку и получать деньги, хоть и не очень большие.

Гансу не терпелось дожидаться возвращения Хилого. Он боялся одного: Хилый был явно не очень наблюдателен, к тому же одурманен идеями Правления — он мог упустить детали, очень важные для Ганса и его плана. В это лето туман не был таким гу-

стым, и Ганс надеялся, что отряду все же удастся заметить хоть что-то необычное.

Разведчики вернулись через три недели. Ганс, извещенный об этом всезнающей Бертой, уже с обеда сидел в «Тугом пузе», боясь пропустить хоть каплю новостей, в надежде, что Хилый не сможет не зайти, чтобы пропустить кружечку пива. Клаус за это время уже три раза куда-то бегал и возвращался, Стефан лежал дома в жару, Петер повредил ногу на ловле рыбы и тоже отлеживался дома. Ганс с грустью осознал, что он почти не скучает о своих закадычных друзьях: о том, что его по-настоящему волновало, они даже думать не хотели, а то, чем живут они, давно стало неинтересно ему самому...

Хилый явился под вечер, взял самую маленькую кружку пива и сначала долго молчал.

— Ну скажи хоть что-нибудь, — взмолился Ганс, — как Гора? Что вы видели? Нашли ли то, что искали?

— Я не могу тебе этого сказать, дружище. Смотрители, еще прежде чем отправить нас к Горе, строго-настрого запретили с кем-нибудь говорить об этом. Да никто и не знал, кроме тебя, и то потому, как я понял, что это была твоя идея. — Хилый был необычно печален и задумчив, в глазах его стояла какая-то странная тоска, прежде ему совсем несвойственная.

Через какое-то время Ганс не выдержал:

— Допивай пиво, пойдем. Тебе надо сегодня возвращаться на строительство?

Тот угрюмо кивнул.

— Ты вернешься туда через час, а сейчас пойдем, прошу тебя.

Они молча спустились к морю и пошли вдоль скалистого берега.

— Я знаю место, где нас никто не найдет. Это мое место. Моя тайна.

Он показал Хилому вход в грот, и они, подтянувшись, с трудом разместились там вдвоем.

— Это место много раз спасало меня, давая уединение и покой. Я открыл его тебе. Теперь открой и ты мне хоть что-нибудь из твоей тайны.

— Зачем тебе это знать, Ганс? Ну чем тебе плохо живется? Поверь мне, тебе не станет легче, если я расскажу. А я нарушу слово, данное Правлению.

— Я знаю гораздо больше, много больше того, что ты мне можешь рассказать. Но то, что мне можешь поведать ты, — бесценно для меня, поверь.

— Ладно... Это так ужасно, Ганс! Начну по порядку. Мы пришли к Горе через четыре дня.

— Так долго шли?

— Там, за рощами, еще более глубокая низина и совершенно непроходимые болота. Правление показало нам карту, где есть брод и можно пройти, но надо было быть очень осторожными, некоторые кочки все равно уходили под воду, несмотря на то что они обозначены как крепкие. Мы потеряли там одного из нас...

Эта топь так прожорлива! Она сожрала его так быстро, что мы даже сообразить ничего не успели, да и он, похоже, тоже. Даже не кричал, видимо, не понял, что с ним происходит... Большая часть времени у нас ушла на эту бесконечную дорогу через это вонючее болото. Боже, Ганс, никогда не ходи на болота, трудно даже описать, насколько это жуткие места.

Потом болота закончились и начались предгорья, дорога пошла чуть вверх. Но начались труднопроходимые леса: сплошное сплетение веток. Идти было тяжело, и снова пришлось заночевать. Ну, я тебе скажу, это еще страшнее, чем спать на болоте. Всю ночь там орали и выли какие-то звери. Мы почти не спали, пытаясь поддерживать большой костер, — крупных поленьев не было, а ветки приходилось подбрасывать постоянно. Если бы костер погас, они бы точно сожрали нас живьем.

Когда лес вдруг неожиданно закончился, мы оказались перед отвесными скалами: ни взобраться, ни обойти. Долго думали: вправо или влево идти. Решили пойти влево: по краю леса, вдоль скал. Потом, уже к вечеру, нашли скалу с выступами, можно было бы попробовать забраться, решили — с утра попробуем. Выбрали, что полезут Жозеф и Длинный. Жозеф — легкий, он мог бы встать Длинному на плечи, а тот своими цепкими, как железные крюки, пальцами мог бы хвататься за камни.

Мы с Германом остались внизу, смотрим на них, а живот так и сводит от страха, особенно когда под их ногами камни начинали сыпаться. В конце концов Жозеф добрался до какого-то небольшого выступа, но Длинного подтянуть, конечно, не мог. И вот стоят они так: Длинный — вжавшись в скалу спиной к нам, а Жозеф медленно так разворачивается на своем пяточке и орет: «Вижу! Город наш вижу, вдалеке в тумане». Я ему снизу: «А другую дорогу к Горе видишь? И большие прямые деревья?». А он: «Большие деревья вон там, в другой стороне, куда мы не пошли. Но дороги к ним не вижу. Нет, похоже, к ним

дороги либо из-за тумана не видно». «Хорошо, спускайся давай», — кричу ему.

Не знали мы, дружище Ганс, что труднее всего не забраться, а спуститься. На скалах с детства живем, да вверх по ним не лазали никогда. Сначала Жозеф сорвался и упал, умер мгновенно, даже сообразить ничего не успели. Потом Длинный, он как своими пальцами-крюками ни цеплялся, а потерял опору и все — тоже упал. Расшиб себе что-то внутри. Два дня кричал, а мы ничего сделать не могли. Ужасная смерть, до сих пор крики его в ушах стоят...

Когда и его похоронили, я решил, что нам надо возвращаться, потому как одним нам эту гору не одолеть, а задание мы выполнили: Жозеф указал, где растут прямые деревья...

Эта прожорливая топь — чудовище, постоянно требующее жертв. По одному на каждый проход по ней. На обратном пути она взяла Германа...

Вот я и думаю, Ганс, не дороговато ли нам обходится строительство? Четверо моих парней пропали ни за грош. Ты меня еще спрашивал, почему нам Правление не платит? А я вот теперь думаю: это мы платим Правлению, да еще такую большую цену. А главное: за что? Кому нужна эта чертова вышка?

Они еще посидели в тишине, слушая, как грот гасит звуки моря. Хилый в какой-то момент даже смахнул слезу. Ганс обнял его за плечи, и они некоторое время просто сидели рядом, объединенные общей печалью и общей тайной...

К полудню следующего дня Берта принесла к дверям сапожнической мастерской последние городские новости: рано утром Хилого нашли там же, где и Эрика, — его тело плескалось у берега.

Ганс онемел... Казалось, что жизнь внутри него остановилась: легкие перестали наполняться воздухом, а сердце стучать. Берта продолжала щебетать, постоянно причитая и взмахивая своими крошечными ручками, но Ганс ее не слышал — чувство вины затопило все его существо.

Он с трудом дожидался вечера, когда старик и сын вернутся с моря и поднимутся в Город. Боялся ли, что придут за ним? Сам ли хотел бежать туда, где живут Смотрители, чтобы убить их всех голыми руками? Или хотел завернуться во все теплое и лечь к очагу? И то, и другое, и третье. Поэтому он сидел, не в силах выбрать, и не двигался, пытаясь найти в себе хоть одну мысль, способную заглушить боль, страх и ярость, зреющие глубоко внутри.

Рыбак с Себастьяном зашли сами, Ганс разместил их возле очага, помогая старику укрыть его ноющие ноги.

— Сынок, я все слышал! Хилый... Не щадят никого. Везде уши.

— Я не понимаю одного — скажите, почему Хилого? Почему не меня? Ведь из-за меня это все! И поход к Горе, где его ребята погибли... И это ведь я уговорил Хилого рассказать о походе, он же не хотел, боялся, а я уговорил... Почему не меня?

— Хилый был сломлен и мог рассказать еще кому-то, а ты им зачем-то нужен... либо и ты в большой опасности, сынок.

— И еще. Я не понимаю, почему я, например, как простой житель города не могу отправиться к Горе, если захочу? Что в этом для них опасного? Тем более там топь, лес, звери, скалы. Все такое непреодолимое. Чего они так боятся? Что им с того, если я сгину

на этом пути? Мне все равно не жить. Рано или поздно они придут за мной либо убьют еще кого-то, кто скажет мне лишнее слово, и тогда я сам жить уже не смогу... Я должен идти.

— Куда идти, Ганс?

— Туда, к Горе. Я все равно не могу так больше! Жить, чинить этим сволочам сапоги, делать вид, что не задаюсь вопросами, не ищу ответы, не скорблю о погибших друзьях, не знаю, что такое настоящий солнечный свет. Как я могу жить?

Старик посмотрел на него с печалью, и что-то еще было в его глазах: то ли зависть, то ли гордость — не разберешь.

— Я пойду с ним, отец! Я хочу пойти с ним! Я должен! — Себастьян схватил руки старика, от чего тот чуть поморщился от боли. — Мы накопили немного денег за это лето, тебе будет на что прожить до следующего лова, а там ты сам понемногу: с маленькими сетями ты сладишь, а большие не закидывай...

Ганс заколебался:

— Себастьян, это очень опасно. Ты же слышал: непроходимое болото, у нас даже карты нет. У Хилого она была, но и они двоих в болоте потеряли. Мы идем в никуда. Меня ведет только ярость и желание либо вырваться отсюда, либо умереть. Не для того все эти ребята погибли, чтобы я продолжал клеить подошвы и сшивать голенища. Я готов или умереть, или победить этот остров. А ты? Зачем это тебе?

— А я — сын своего отца. — Себастьян распрямылся, и Ганс вдруг увидел, как крепок телом этот юноша, которого Ганс совершенно безосновательно считал значительно более молодым, чем он сам. — Не забывай, Ганс, что мой отец родился на другой

земле и когда-то отправился в опасное плавание на большом корабле. А потом, когда остров захватил его в плен, пытался бежать, следуя рискованному и почти безнадежному плану. Моя мать — отважная и умная женщина. И ты знаешь, я тоже родился не для того, чтобы всю жизнь рыбачить на разваливающейся лодке. Я многое умею и готов рискнуть. У меня есть план, я его уже давно обдумываю.

Они решили отправиться ближе к ночи: в темноте и тумане легче избежать вездесущих глаз Смотрителей. За ночь им предстояло добраться до дальних рощ, там поспать несколько часов и к следующей ночи приблизиться к болотам, чтобы поутру начать опасный путь через прожорливую топь, так любящую жертвы.

Пришла осень, а вместе с ней вернулась такая знакомая Анне тоска: просыпаться не хотелось, ноги упорно не желали нести ее в сторону работы, и даже отсутствие Феоктиста Петровича, впервые за пятнадцать лет работы взявшего больничный, не делало рабочий день короче, а составление балансового отчета — увлекательнее. И назревающие перемены в отделе — одна из «гламурных дур» уходила в декрет со дня на день, и на ее место обещали взять другого сотрудника — не возбуждали в Анне никакого интереса и надежд на более светлое будущее. В ней снова зарождалось привычное уныние.

София казалась ей вредной (денег берет много, пятьдесят минут — и за дверь, советы не дает, на прямые вопросы не отвечает: «А как тебе самой кажется, Анна?»), терапия — бессмысленной (ну что

толку уже месяц печалиться про то, что она не хочет признавать ценность людей, потому что боится их потерять?), жизнь — скучной.

Две недели отпуска, проведенные в родном городе, радости не добавили. Она провела их, как когда-то, когда была подростком, лежа на старом темно-зеленом диване с чернильным пятном на самом видном месте, — за книжками и конфетами, проглатывая и то и другое, почти не жуя. Звонила подружка-одноклассница, звала в поход. Но Анна как только представила себе необходимость пять дней общаться с двадцатью незнакомыми людьми и не иметь возможности никуда от них спрятаться, так у нее пропадала всякая охота даже думать о походе.

Мама, приходящая вечером с работы, застаивала одну и ту же картину: дочка, лежащая на диване вверх попой, книжка, читаемая по пятому разу, и вокруг фантики от конфет, точно воробьи в парке.

— Опять лежишь? Никуда так и не ходила? Ну хоть с кем-нибудь бы повстречалась.

Анна на третий день перестала реагировать на эти мамины реплики, делала вид, что ей все равно, хотя в душе зрело отчаяние: «Опять этот укоряющий тон! Я “никуда не ходила”, а сама-то? Сама-то куда ходишь? У самой только и есть, что те же книжки. И зачем тебе так нужно, чтобы я с кем-то встречалась?». Она точно знала, что никогда не решится прямо сказать матери: «Прекрати меня пилить! Лучше посмотри на себя. Ведь ты еще совсем молодая, а живешь такой пустой жизнью».

Но какие бы внутренние диалоги ни вела Анна, материнские реплики вершили свое черное дело, незаметно, но веско присоединяясь к ее привычному

самоедству. Хотелось чего-то простого и чудесного. Простого средства избавления от тоски. Чтобы раз — и все стало как-то по-другому. Ну живут же другие как-то? Не парятся. Замуж выходят, детей рожают, за границу ездят. А она? Даже работу поменять не может. Ну почему ей не удаются простые решения? Что с ней не так?

На одной из встреч в маленькой комнате с черно-белыми фотографиями на стенах, в очередной осенний тоскливый четверг, с погодой, прекрасно подходящей только для самоубийства, они вновь приходят к этой теме. София ее спрашивает:

— Если ты так хочешь поменять работу, то почему не разошлешь свое резюме?

Умная какая! Если бы Анна знала «почему», то давно бы разослала уже без подобных идиотских вопросов. Но резюме еще надо было написать, а писать его рука не поднималась, и Анна откладывала это простое дело неделя за неделей, чувствуя себя при этом все более и более паршиво. Как будто каждая отложенная возможность делала предстоящее событие еще более невозможным, а неделание — более постыдным.

В какой-то момент она снова решила сказать об этом на психотерапии, ощущение того, что она в ответ на это услышит реплику маминым голосом («Ну что же ты, надо постараться. Ты же просто ленишься, не стараешься! Надо просто сесть и написать, что тут сложного?») было непреодолимым. Но София на это отреагировала по-другому и спросила ее вполне участливо:

— Ты до сих пор не написала резюме, вероятно, потому, что тебе что-то мешает?

— Мне? Мешает? Да нет, ничего не мешает. Просто лень проклятая. Я ужасно ленивая, мама мне всегда это говорила.

— Не верю...

— ???

— Не верю, что из-за лени. Тебе же хочется поменять работу. Ты давно этого очень сильно хочешь, но не делаешь. Это значит: что-то стоит у тебя на пути, на пути к твоему желанию все поменять. И это «что-то» — какое-то твое чувство. Страх? Тревога? Неуверенность? Злость?

— Не знаю... наверное, все вышеперечисленное.

— Чего ты боишься?

— Я боюсь того, что меня никуда не возьмут, а даже если возьмут, то я не справлюсь, и тогда это место потеряю, нового не найду, а мне же за квартиру платить. И все тогда.

— Да уж, с таким катастрофичным мышлением действительно трудно браться за любые перемены... И что же самое страшное с тобой может случиться, если ты решишься на то, чтобы поменять работу?

— Самое страшное? Мне нечем будет платить за квартиру и негде будет работать.

— И что тогда?

— Тогда... — за пределами этой катастрофы Анне как-то не мыслилось, — тогда мне придется вернуться домой, к маме.

— Это точно самое страшное?

— Ну да...

— И как тебе эта мысль: ты рискнешь и начнешь искать новую работу, и самое страшное, что тебе предстоит при самом худшем развитии событий, —

ты вернешься в свой родной город и, видимо, там продолжишь как-то дальше жить.

— Да, все так... Но что я напишу в этом проклятом резюме и кто меня возьмет?

— Ты плохой специалист?

— Я никакой специалист. То, что я делаю, может делать совершенно любой человек, этому можно обучить даже козла, если неделю на это потратить, а обезьяну — так вообще за пару дней.

— Тебе кажется, что то, что ты делаешь, совсем не ценно? За что тогда тебе платят деньги твои работодатели?

— Откуда я знаю, за что эти идиоты платят мне деньги?

— Опять обесцениваешь: и их, и себя, и свою работу. Помогает?

— Что?

— Обесценивание помогает?

— ...

— Давай вернемся к началу. Ты хочешь поменять работу, но не можешь написать резюме, потому что тебе страшно, тревожно и ты не очень веришь в успех. Точнее, не веришь совсем. Но самое страшное, что тебя ждет, если ты все же попытаешься, — это возвращение домой. Из-за того, что ты не ценишь себя, ты не ценишь и то, что ты делаешь, — свою работу, и тогда тебе кажется, что все другие ее тоже не оценят. И тогда что-то менять бессмысленно. Так?

— Так...

— Скажи, пожалуйста, что все-таки в своей жизни ты делаешь хорошо?

— Ерничая, обесцениваю, критикую, боюсь, ною... Достаточно?

— Злишься на меня сейчас?

— Нет. Чего злиться-то — ты спросила, я ответила.

— Да, все это ты и вправду делаешь хорошо. А еще что?

— Да ничего больше!

— Не верю. Если бы не умела, не окончила бы московский вуз, не работала бы в московском банке, не получала бы денег, на которые можно снимать квартиру.

— ...

— Для чего вообще тебе привычка думать, что ты ничего не умеешь делать хорошо, что ничего собой не представляешь? Для чего тебе так думать?

— Мне так проще... привычнее... безопаснее, что ли...

— Что тебе угрожает, если ты будешь ценной, достойной, успешной?

— Я не знаю... не знаю, как это. У нас в семье никто таким не был. Мама всегда всего боялась, была жутко правильной. Всю жизнь просидела в этой дурацкой библиотеке, тряслась и боялась начальства, получала копейки. Все на ней всю жизнь ездили, потому что она — безотказная. А как путевки в санаторий, так их оттяпывают другие, а она все ходит, на свою спину жалуется... Она так живет, вот и я так живу. Только декорации другие. А так все то же самое!

— И как тебе это?

— Ужасно... Не хочу как она! Не хочу! Я когда в Москву уезжала, то зареклась: никогда не буду жить, как она, обязательно буду жить по-другому! И вот: все то же самое... — Анна заплакала, впервые запла-

кала прямо здесь. Ей было стыдно, но слезы почему-то не хотели останавливаться и текли, текли по щекам, она все пыталась смахнуть их тыльной стороной ладони. — Не хочу! Как она — не хочу!!!

— Жозеф говорил, что лес с прямыми деревьями правее, значит, и по болоту пойдем правее. — Ганс с Себастьяном сидели на границе роши и топи, намереваясь продолжить опасный путь.

Гансу было жутковато, он только сейчас понял, на что он обрекает их обоих. И если сам он был готов к чему угодно, то при чем здесь этот русоволосый парень, лишь немного похожий на старого рыбака? Только губы и волевой упрямый подбородок достались ему в наследство от отца, в остальном он был копия Агнесс — нежная кожа, серые, глубокие глаза с темными, девичьими ресницами, восторженно и наивно загибающимися вверх. Возможно, от этого он казался Гансу нежным и хрупким, вызывал желание заботиться и беречь.

— Я пойду первым. Я знаю, как чавкает твердая кочка и как та, что может увязнуть в топи, еще в детстве по болоту бегал, не по такому, конечно, по тому, что с другой стороны от Главного Города. Ты ступай за мной след в след. Если начнешь терять равновесие, кричи сразу. Если упадешь, цепляйся сразу этим крюком за кочку или дерево, за все, что окажется под рукой. Я тебя вытащу, буду стараться, по крайней мере. Ну давай, удачи нам, и помни: след в след.

Ганс опробовал первую кочку впереди себя, нажав на нее крюком, вслушиваясь в звук. Детская память хранила звуки, но довериться ей и встать на

кочку первый раз было страшно... Однако память не подвела. Они продвигались медленно, иногда немного возвращаясь и беря другое направление, когда не оказывалось ни одной твердой кочки поблизости.

Сосредоточенность и напряжение отнимали много сил, и как только они достигли относительно большой прогалины, на которой оба могли бы лечь, вытянув ноги, упали почти замертво, решив отдохнуть и подождать утра, несмотря на то что до ночи было еще далеко. Если бы темень застигла их в пути, то шансы провалиться были бы огромными.

Ночью болото жило какой-то своей странной жизнью: в тишине все время что-то булькало и чавкало, стрекотали птицы, и где-то вдалеке временами тоненько подвывал какой-то зверек. Казалось, что это ненасытное болото слопаёт их, стоит только закрыть глаза и расслабиться. «Чудовище-топь требует жертв», — вспомнил Ганс слова Хилого. В какой-то момент усталость все же взяла верх, и они уснули...

Они шли через болото почти три дня. Тело Ганса превратилось в слух, казалось, что он слышит не ушами: каждая клетка тела впитывала и обрабатывала звук. Себастьян, идущий след в след, точно повторял шаги, боясь случайно сделать лишнее движение, так что к вечеру ему начинало казаться, что он уже никогда не сможет ходить сам, не копируя впереди идущего. На исходе третьего дня они достигли кромки леса. Когда их ноги ощутили наконец твердую почву, Ганс возликовал:

— Ну что, не получилось сожрать нас, великая топь? Не дались мы тебе в жертву?

В это время в Верхнем Городе на пороге дома старого рыбака появился человек в капюшоне.

— Ты дома, старый хрыч? — Гость был стар, и одышка мешала ему говорить.

— Проходи, садись к огню, колени-то у тебя тоже ни к черту. Да сними свой капюшон. Уж от меня-то тебе нечего скрываться, я прекрасно помню твой голос, Якоб. Хорошо, что у меня, старого, совсем нет сил, а то придушил бы тебя собственными руками... Но тебе нечего бояться. Я уже слишком стар, чтобы убивать тебя. Что привело тебя, старика, в Верхний Город? Чем обязан?

— Где твой сын и сапожник Ганс? Тебе ведь известно, куда они подевались? — Якоб попытался придать своему голосу суровость, но у него не очень получилось: он помнил, что рыбак старше.

— Да на что они тебе?

— До твоего сына нам нет никакого дела, но вот сапожник нам нужен. И что-то мне подсказывает, что они вместе.

— Зачем вам понадобился Ганс?

— Здесь вопросы задаю я.

— Да ну? Вопросы он задает. Это мой дом, и здесь я сам выбираю, что мне делать и как разговаривать.

— Но ты живешь в моем Городе, где я устанавливаю законы. И ты будешь отвечать на мои вопросы по моим законам.

— Ой, Якоб, все эти страшилки оставь для молодежи. Я стар и болен и уже давно не боюсь умереть, с тех самых пор, как ты погубил Агнесс.

— Я не губил ее... — Сухой и надрывный кашель прервал Якоба. — Она сама заболела и умерла.

— Ты шантажировал ее, старый прыщавый обрубок, и если ты мне начнешь здесь заводить свои порядки, то пока ты доковыляешь до своих молод-

чиков, я уже расскажу всем соседям о твоём непосредственном участии в гибели моей жены, и будь уверен — тебе не поздоровится. Они все её очень любили и до сих пор помнят. Так что давай без угроз.

— Ты — уже мертвец, тебя не сегодня-завтра убьют, давно руки чешутся, да все не трогали тебя, были убеждены, что ты юродивый. Но я-то тебя знаю! Всегда был смутьяном, смутьяном и остался. И если ты оказался как-то замешан в дело сапожника, ты — не жилец. Даже со скалы тебя никто сбрасывать не будет, чтобы народ не возбуждать. Тихо помрешь в своей каморке. Соседи только и скажут: «Отмучился старый рыбак». Да снесут тебя вниз на погост, поближе к твоей ненаглядной.

Они препирались, скорее изображая злость, в их голосах и старческом кряхтении, когда они пытались придвинуться ближе к огню, было значительно больше усталости и печали, чем злобных претензий друг к другу.

— Раз уж помирать мне скоро, так, может, тогда все расскажешь да покаешься, облегчишь душу. Что вы там затеяли? И зачем вам парнишка? Может, тогда и расскажу, что знаю? Хотя сразу тебе говорю, старый пень: знаю немного.

— Я устал... И ненавижу этот чертов остров не меньше, чем ты. Ненавижу этот проклятый туман, этот ваш продуваемый всеми ветрами Верхний Город, на который пока заберешься — сердце потом весь день прыгает да воздуху не хватает. Ненавижу этих недоумков в Правлении. Если бы ты только знал, что за недоумки там сидят... Помнишь, по соседству с моими родителями жила скотница, у неё ещё сын был слабоумный, мальчишками мы люби-

ли его дразнить: пугали солнечными зайчиками, а он боялся, прятался, ревел. — Якоб улыбнулся и закашлялся, глубоко и надсадно, и справился с кашлем только тогда, когда старик принес ему теплого молока. — Так помнишь или нет, старая развалина?

— Помню, конечно, мы его так и звали «зайчиком». Странно, Якоб, ведь никому больше на этом острове не объяснишь, что такое солнечный зайчик. Об этом знаем только мы двое: ты и я.

— Ну да... Так вот, эти в Правлении мне очень того слабоумного напоминают... Мне только кажется, что наш «зайчик» был умнее или человечнее, а может, добрее. Помнишь, как он мать свою любил? А хохотал как? Как думаешь, Чума его пощадила? Вообще, выжил ли кто-то? Как думаешь?

— Не знаю, кто ж знает...

— Скажи, ты не жалеешь, что тогда доверился капитану и не остался на земле?

— Нет, не жалею. Я же встретил мою Агнесс. Ради того, чтобы снова прикоснуться к ней, живой, я еще не раз перенес бы плавание, попался в ловушку, разбился о скалы... А ты? Жалеешь?

— Сначала я думал, что остров — это мое большое везение. Представляешь, как было заманчиво: из простого крестьянского мальчишки сделаться главным советником?

— Да уж, представляю. Предал парочку друзей — и готово.

— Ну ты уж из меня демона-то не делай. Молод был, испугался просто. Знал же, что нам — крышка, а уж этот план побега ваш... смех, да и только. Жить хотелось. Хотелось власти. Я ее получил. Много сделал для острова, между прочим. Знако-

вые нашел возле рощ, поля засадили, хлеб стали совсем другой выпекать, приручили коз, молоко появилось. Чем плохо-то? Еще показал им, как дома лучше перестроить, видал, какие дома в Главном Городе?

— Да кто ж меня, старика, туда пустит? И хлеб ваш другой, и дома — все для вас, чиновников только...

— А рыбу перерабатывать кто научил? Тоже я. После этого за зиму ни один бедняк от голода не умер...

— Так жалеешь или нет, что уехал из нашей земли?

— Жалеть не жалею, а за закат на нашем берегу, когда море вдруг становится молочно-розовым, а солнце, такое круглое, красное, как пирог, — так и съел бы! — зависает над морем, будто не решаясь оставить нас на ночь, — за закат отдал бы всю свою власть и все свои регалии. Как можно жить, не видя солнца? Да они и не знают, что теряют... Им легче.

Я ведь для этого и затеял все. Не поверишь — хотел на старости лет увидеть солнце. Убедил этих недоумков, что надо построить корабль (а они и знать не знают, что это такое), сказал, чтобы патрулировать остров, от врагов его защищать. Они же, как дети малые, давно уже сами поверили во всю эту чушь, что когда-то их отцы сочинили. Так и продолжают верить во врагов всяких... Так вот, хотел построить корабль, да и уплыть отсюда подальше, чтобы хоть на старости лет увидеть землю. Ведь наша земля где-то недалеко, не может быть, чтобы далеко. Вдруг получилось бы?

Чтобы народ не смущать, сказали, что вышку строить будем. Да твой сапожник был прав: из наших кривых деревьев ни черта не построишь. Тут

корабельная сосна нужна. И правильно сделал, что надоумил у Горы ее искать, и нашли-таки. Только вот сосны эти через дремучий лес да по болоту никак не дотащишь. Я снарядил еще один отряд, он нашел другие деревья: не корабельная сосна, конечно, но попрямее, чем наши кривые карлики, и доставить их легче. Но без сапожника мы корабль не построим. Те недоумки кораблей в глаза никогда не видывали, да и я не строил, я только плыл на нем. Вот я и подумал — наверняка у парнишки что-то екнуло бы, отец-то у него какой талантище был! Да и паренек не глуп. Ведь, судя по доносам, сам с острова вырваться хочет. Вот и вырвался бы вместе со мной. Придумал бы уж, как корабль построить. Может, ты чего помнишь, старая развалина?

— Ну куда уж мне, я тоже у капитана только в подмастерьях был: подай-принеси. И у тебя не получится ничего.

— А вдруг?.. Так где парнишка-то? Я ему зла не сделаю. Если бы хотел, он бы давно в море плескался. Смотрители на него устали доносить, я все прикрываю его, говорю: нужен нам, припугнуть можно, но чтобы волос ни один с головы не упал. Виноват я перед ним... Сиротой оставил. Виноват... Вот и он увидел бы тоже солнце. Наверняка всю оставшуюся жизнь меня бы благодарил.

— Да нет его.

— Как нет?

— Сбежал.

— Куда отсюда сбежать-то можно, ты чего, из ума выжил?

— Ты же сам вспомнил отца его, вот и он такой же неумный: пошел солнце искать.

— Куда?.. Да знаю я, к Горе пошел. Он уже давно туда рвался. А может, он тоже хочет из сосен корабль построить? Может, позволить ему, а потом заставить взять с собой? Или найти его и уговорить с нами строить? А, старик? Тебе же не откажет, а так быстрее построим, ведь весь город запрячь можно будет! А то сколько он там сам будет копошиться, я ведь не доживу! Давай, старик, мы тебя через болота отнесем, только помоги уговорить мальчишку.

— Да Господь с тобой, Якоб, неужели я предам Ганса? Ни в жизнь мне не добраться до Горы. Да и если бы добрался, все равно не пошел бы. Это его путь, он его начал. И не мое дело теперь вмешиваться. Я в этом не участвую, да и тебе не советую. Где ты его теперь будешь искать? Опозоришься только: по лесу гоняться за пацаном, чтобы он тебе корабль построил, когда он их сам в глаза не видывал, разве что совсем грудным младенцем.

— Но ты-то как его отпустил? Он же потопнет в болоте, сгниет в лесах. Через Гору ведь никто не перейдет, может, если только птицей стать. Да и птица такую высоту не одолеет. Куда ты отправил пацана, да еще и сына собственного отдал ему в придачу? Совсем из ума выжил? Куда?

— Да не «куда», а «откуда». От вас, проклятых, от ваших порядков, басней, убийств. От тумана и вранья на каждом углу, от доносов и Смотрителей. Все равно куда, лишь бы от вас подальше. Да и не я отправил — сами пошли. И я бы с ними пошел не медля, кабы не колени мои да старость...

Они еще посидели немного у затухающего огня. Старик не подбрасывал дров, и они молча смотрели на угли, трепетно доживающие свою жаркую жизнь.

— Ладно, пойду, живи, старая кочерга, с головой-то у тебя и вправду плохо совсем. Хотя, кроме тебя, и поговорить не с кем о солнце, о родине, о детстве нашем. А больше и нет от тебя толку никакого. Жалко, не рисуешь больше, может, чего у тебя осталось из старого? Наверняка же рисовал наш берег, может, завалилось что?

— Да иди ты, уж давно все уничтожил, с вашими доносчиками разве что-нибудь оставишь: жена ведь у меня были и сын. Ими же не станешь рисковать из-за картин. А тебе про это надо было раньше думать, Правлению твоему рассказать про солнце-то: глядишь, у нас была бы совсем другая жизнь, и наши корабли уже плавали бы по всему морю, а так сидим в тумане и все врагов ждем...

«Представляешь, Вер, надо было несколько месяцев на терапию проходить, чтобы понять, что я живу в точности как моя мать! То же одиночество, «овечье дрожание», убогая работа, безденежье и бесперспективность! Все то, что я так презирала в ней, высмеивала в глубине души и клялась никогда не повторять. И все воспроизвела прямо в точности! Кто бы мог подумать, представляешь? И знаешь, что еще меня страшно бесило, пока я гостила дома? Я вдруг увидела, как всю мою жизнь она лепила из меня именно такую барышню: умную, читающую, интеллигентную, запуганную, воспитанную, боящуюся кому-то помешать, а теперь она ждет от меня чего-то совершенного противоположного. Она хочет, чтобы я была раскрепощенной, свободной, вышла замуж за принца на белом коне и родила

ей парочку пухлощеких внуков! И ведь ничего ей не скажи, потому что моя интеллигентная мамочка не переживет никаких претензий, она же всю жизнь мне посвятила, всю себя мне отдала. А мне-то что делать? Я ее не просила посвящать мне всю жизнь. А теперь я, как заложник, должна две жизни прожить: и свою и мамину. Прожить так, чтобы в ней случилось все то, на что она в свое время не решилась. А как я могу прожить другую жизнь, если я такая же, как она? Даже смена декораций во мне ничего не поменяла, что в Сибири, что в Москве, — я все та же: боящаяся жизни, прячущаяся в книгах, неспособная убедительно сказать «да» хоть чему-то новому в своей жизни!

Все думаю: что же мне со всем этим делать? Снова начать себе клясться: я буду жить по-другому! Только в этот раз я понимаю, что сделать это будет совсем не просто. До меня вдруг действительно дошло, что если я и сама такая, как она, то и жизнь у меня будет такая же. И пока я не стану хоть немного другой, ничего не поменяется...»

В ее скучнейший отдел вместо ушедшей в декрет «гламурной дуры» пришел совсем молоденький мальчик — вчерашний студент. Рыжеватое и угловатое существо: зажатые плечи, напуганный взгляд, слегка мятый дешевый костюм и готовность стараться вызывали в язвительной Анне желание подкрасться к нему незаметно и гавкнуть в самое ухо, чтобы увидеть, как вздргнутся его напряженные плечи и округлятся глаза в готовности быстро разобратся и предотвратить конфликт.

Он был значительно интереснее ушедшей в заслуженный декрет девицы, но раздражал Анну сво-

ей так хорошо узнаваемой «овечеством». Игорек тем не менее относился к Анне почему-то с большим почтением. Феокиста Петровича он боялся до заикания, Динку, все время подтрунивающую над ним, тоже обходил стороной. Вторая «гламурная дура» относилась к нему с усталым презрением, видимо, мстя ему за то, что он не мог заменить ей ушедшую подругу и что на роль «интересного экземпляра» тоже не годился. Так что если у Игорька возникали вопросы, то он шел к Анне, почтительно называя ее Анна Сергеевна. Что, конечно, льстило и раздражало одновременно.

Тем не менее не прошло и пары недель, как они уже вместе ходили обедать, и, сидя на высоких табуретах возле большого окна, она даже рассказала ему тот самый курьезный случай с улыбнувшимся не ей элегантным мужчиной.

Игорек — старший из пятерых братьев, приехал «покорять» Москву из индустриального уральского города не совсем по своей воле: «Я — надежда всей нашей семьи. Отец пьет, не просыхая. Мать работает, с ног сбивается. Я должен стать богатым и вытащить их всех оттуда. Может, ты знаешь секрет, как стать богатым, работая в нашем отделе?» — улыбка освещала его лицо, как правило, весьма внезапно, обнаруживая неявное в других случаях обаяние.

Стать богатой ей бы и самой не помешало. Дело с резюме немного продвинулось: его удалось написать. В резюме она выглядела если не солидно, то серьезно. Как будто и вправду она все это умеет, хотя действительно умеет... Полегчало. Как все-таки приятно, когда сделаешь то, что столько времени откладывала! Разослать уже было легче, все равно не

рассчитывала на то, что она, «бесценный работник», кому-то понадобится.

— Я разослала свои резюме, — говорит она Софии как бы между прочим. Вообще-то, она пока понятия не имеет, как ей самой к этому относиться.

— Не похоже, что ты довольна этим.

— А чего быть довольной-то? Все равно никто не откликнется...

— Это разные вещи. Можно же просто радоваться тому, что ты сделала важное для себя дело.

— А смысл? Все равно пока никакого результата.

— Тебе кажется, что надо радоваться только результату? Причем тому, который мало от тебя зависит?

— Как это — мало зависит? Мое же резюме?

— Это правда, твое. Но во-первых, твое резюме — не вся ты, это всего лишь текст, который весьма приблизительно описывает твои деловые навыки и достижения. Во-вторых, они могут быть востребованы сейчас на трудовом рынке, а могут и не быть, и это мало зависит от тебя самой сейчас. А вот то, что от тебя действительно зависит, — это твое отношение к себе и к тому, что делаешь.

— Что же мне, прыгать до потолка, если я спустя полгода сподобилась написать резюме?

— Для кого-то сделать это — пара пустяков. Тебе было очень трудно. Но ты сделала это, и почему бы не попрыгать?

— А смысл?

— Смыслов даже несколько: во-первых, радость самоценна, потому что она позволяет присвоить тебе свои достижения, какими бы незначительными они ни казались кому-то другому; во-вторых, при-

своение достижений делает тебя более «богатой», помогает больше уважать себя саму и с большей готовностью браться за последующие трудные дела. А что происходит, если ты не присваиваешь то, что ты делаешь, и тем более то, что тебе дается с трудом?

— На самом деле, мне было немного легче оттого, что я его написала. Я даже почувствовала себя вполне нормальной. В Интернете наверняка полно таких резюме, как мое. Но мне кажется, что надо хвалить себя только тогда, когда есть какой-то значимый результат.

— Значимый результат — это в данном случае что?

— В данном случае я вообще хотела бы работать кем-то другим. Я ненавижу банки, причем все, а также балансы, отчеты, платежки, счета, деньги, особенно чужие. Я вообще хотела бы поменять профессию. Вот только я пока совсем не понимаю, кем бы я хотела стать...

— То есть ты разрешишь себе порадоваться и собой погордиться только тогда, когда поймешь, кем ты хочешь стать, и станешь им?

— Ну да...

— Тогда у тебя вряд ли получится.

— Почему это?

— Чтобы понять, кем ты хочешь и можешь стать, нужно как минимум относиться к себе дружелюбно и внимательно. А ты относишься к себе не как к уникальному, сложно устроенному существу, в котором много способностей, талантов, задатков, но много и страхов, «белых пятен», комплексов, а как к роботу, который должен выдать результат, — и побоку реальные страхи и таланты. Ты пока очень мало зна-

ешь о том, кто ты и какая ты, но у тебя уже так много ожиданий от самой себя, претензий к себе и недовольства.

— И это все может мне помешать найти новую профессию?

— Не может, а помешает с большой степенью вероятности... Чем ты любила заниматься в детстве?

— Рисовать я не умела, хотя всегда хотела... Спортом не занималась, в музыкалку не ходила, в хоре не пела. Стихи писала, но плохие.

— Ты мне рассказываешь, как ты это делала, представляешь сама себе оценки, а я спрашиваю о том, что ты любила делать, не важно, как у тебя получалось.

— Как это — не важно? Ведь если получалось плохо, то я и не делала больше. Какой смысл, если не получается?

— Вот и я про это... Если тебя кто-то критикует, то и смысл пропадает. А потом ты сама учишься себя критиковать: это не получается, то не получается. Ты отсекаешь от себя одни возможности, другие, третьи... Ты говоришь: я ничего собой не представляю, я ничего не умею... Как ты поняла, что стихи твои плохие?

— Мама сказала: «Дочка, ты же не Пушкин, зачем бумагу марать?».

— А тебе самой они нравились?

— Я не помню сейчас уже... тогда все про любовь... да про смысл жизни... Чушь, я думаю. Скорее всего, мама была права.

— Подожди немного, я не про то, кто прав. Тебе писать стихи нравилось? Ты получала удовольствие от процесса?

— Да, нравилось, наверное, пока мама их не увидела. Потом, конечно, я уже ни строчки не написала, написанные выкинула, по-моему. Ведь стыдно делать что-то плохо и бездарно. Разве нет?

— Никто не знает, какими были твои стихи. Вполне возможно, что для того возраста и для того опыта, который был у тебя, они были вовсе даже неплохи. Как ты можешь делать что-то прекрасно и талантливо с первого раза? «Война и мир» не было первым произведением Толстого, да и Пушкин, я думаю, тоже не с «Евгения Онегина» начинал. И твои рисунки тоже. Любой человек может делать что-то прекрасно, если ему это нравится. Ведь и стихи, и рисунки — это просто выражение нашего мира, того, что внутри нас. А ты в какой-то момент отказалась от этого.

— Я отказалась... А теперь мне кажется, что и выражать-то нечего. Я пуста внутри. Или мне кажется, что пуста... Я уверена: то, что есть внутри меня, никому не интересно и не нужно, потому что все это убого или посредственно. Я опять сама себя ругаю? Сколько можно! Мне уже стыдно, что я сама себя ругаю, просто замкнутый круг какой-то...

Дорога через чащобу далась им тоже нелегко: в каких-то местах пройти можно было, только прорубив себе топором небольшие лазейки, через которые приходилось пробираться, обдирая руки в кровь. Но лес, несмотря на свою труднопроходимость и опасных диких зверей, все равно был Гансу приятнее, чем болото, о котором он вспоминал с содроганием. Пройдя болото, он понял: назад пути нет.

Он не пойдет назад ни при каких обстоятельствах. Лучше смерть, чем дорога назад через эту вонючую топь.

Для ночлега они выбрали себе поляну попросторнее, чтобы костер развести побольше, да и не всякий зверь выйдет на большую поляну и приблизится к костру. Они развесили мокрые штаны и поставили сушиться уже начавшую разваливаться обувь. Только тут Ганс увидел на лодыжке Себастьяна большую воспаленную рану.

— Это с утра, меня ветка покарябала. Я даже не заметил сначала, под штанами не видно. А сейчас разболелась...

— Сиди здесь, я поищу какую-нибудь траву, чтобы приложить к ране.

Ганс обследовал поляну, углубился в чащу, но все травы были незнакомыми, и он вернулся на поляну ни с чем, неся с собой только два относительно толстых полена для костра. Спали они по очереди, в темноте сверкали чьи-то хищные глаза, ночные шорохи заставляли все время освещать горящим поленом тьму. Звери приблизиться так и не решились.

К вечеру следующего дня вышли к большому ручью. Вода в нем была ледяная, но вкусная, и трава знакомая нашлась, чтобы приложить к ране. Хотя Себастьян чувствовал себя все хуже, Ганс заставил его опустить больную ногу в ручей и держать, пока та не посинеет, потом помассировал ему пальцы, согрел и снова опустил в воду. Потом привязал травы и оставил его отдыхать под деревом, а сам пошел на разведку.

Пройдя вдоль ручья, он увидел нагромождение огромных камней, перегораживающих ручей, попы-

тался найти способ обогнуть валуны, но безрезультатно. Ручей легко проникал между камнями и, судя по всему, тек дальше, но им просочиться не получится. Придется перелезть... Там вдалеке, за валунами виднелся сосновый лес: длинные ровные сосны со светлыми стволами. Только бы преодолеть преграду... А у Себастьяна нога больная...

Через несколько часов Ганс вернулся к Себастьяну. Тот крепко спал, свернувшись калачиком, отчего снова показался Гансу совсем ребенком. Жар стал немного меньше, краснота и припухлость возле раны тоже уменьшились, видимо, воспаление пошло на убыль. Но очевидно, что сегодня они не смогут продолжить путь. Навыки, полученные им в детстве — в голодные годы ребятам часто приходилось ходить в леса, чтобы добыть хоть какого-то зверя, — пригодились и здесь. Поймав нескольких куропаток, он разжег костер и, пока ощипывал птиц, размышлял о том, что случилось с ним за последний год.

Мир перевернулся. Еще недавно ему достаточно было быть примерным гражданином, хорошо делать свою работу, помогать соседям, слушаться Правление и не задавать вопросов, и он был счастлив тем, что просто живет в таком замечательном месте с такими прекрасными людьми. А теперь он отправился в путь — непредсказуемый и опасный, не очень представляя себе, куда он может его привести, с парнем, которого он знал всю свою жизнь, но до путешествия не перемолвился и сотней слов. Он оставил все: работу, которую хорошо знал, друзей, с которыми была выпита не одна кружка пива, привычный уклад жизни и представление о том, кто он есть. Оставил. И не жалеет. Потому что вместе со

всем этим там, в туманном Городе, остались страх, обман, предательство, насилие, унижение и жизнь без возможности что-то изменить.

Наутро Себастьяну стало лучше, жар совсем спал, и можно было идти дальше. Вдвоем валуны одолеть оказалось проще, чем представлялось вначале. И спустя несколько часов, взмокшие и грязные, они все же оказались в заветном сосновом лесу. Тонкие высокие стволы, такие, что даже если закинешь голову, с трудом увидишь верхушку, отсутствие подлеска, сухая, покрытая сосновыми иглами земля, пружинящая под ногами, воздух, пропитанный удивительным тонким запахом хвои, делали этот лес волшебным. Ганс почувствовал, что ему даже не хочется двигаться дальше: настолько этот лес отличался от всего того, что он видел прежде. Они решили вымыться в ручье, постирать и просушить штаны, подлатать обувь. Из веток выстроили себе подобие шалаша, дров для костра тоже было вполне достаточно. К концу третьего дня возле вечернего костра у них вышел неожиданный спор.

— Это самое лучшее место на острове, — говорил Ганс, шевеля палкой дрова, на что те отзывались снопом приветливых искр, — здесь почти нет ветра, удивительный воздух, тишина, здесь я бы мог остаться. Из таких деревьев, наверное, со временем можно построить дом, и жить в нем будет приятнее, чем в каменном, где вечно стыло и промозгло. Я бы остался. А ты?

— Я бы — нет. — Себастьян по сравнению со спокойным и умиротворенным Гансом выглядел очень обеспокоенным и все более напряженным день ото

дня, пока они оставались в сосновом лесу. — Мы же хотели вырваться с острова, увидеть другие земли!

— Так мы и вырвались. Ты видишь здесь хоть одного Смотрителя? А этот лес, чем тебе не другая земля? Ты разве видел где-нибудь такую землю?

— Но здесь же все равно везде туман, а ты хотел увидеть солнце! — Себастьян в свете костра почему-то стал больше похож на отца, а может, все дело было в его уверенном голосе.

— Солнце. Да есть ли оно? И как нам его искать? Да и найдем ли мы хоть что-то лучше, чем этот лес?

— Оно же тебе снилось, ты же рассказывал! Как ты можешь теперь отказываться от своей мечты?!

— Я не отказываюсь, я просто подхожу к этому здраво. Если мы продолжим путь, мы можем это прекрасное место потерять, а нового не найдем. Так есть ли смысл?

— Смысл есть всегда! Во-первых, мы можем сюда вернуться, если не найдем ничего лучше. А во-вторых, мы, по крайней мере, не будем жалеть, что отказались от того, что с таким трудом вынашивали, когда перепробуем все, что возможно.

— Не кипятись, Себастьян, давай вернемся к этому разговору через пару дней.

Ганс встал, взял из костра тлеющее полешко и решил прогуляться и подумать. Его злило, что младший по возрасту Себастьян указывает ему, что следует делать. Да если бы не он, сын рыбака до сих пор таскал бы и чинил сети, каждый день выходя в море! Уже возвращаясь к шалашу, он, опустив руку в карман, вдруг нащупал что-то маленькое и круглое, в первый момент даже не разгадав, что бы это могло быть. И только подойдя ближе к костру, заметил,

как маленькая кругляшка вспыхивает на его ладони желтым светом, Ганс вспомнил о талисмане — подарке маленькой девочки.

— Ты прав, — хлопнул он по плечу слегка сникшего Себастьяна, — ты прав. Я забыл про солнце. Конечно, мы пойдем дальше. Завтра с утра мы снова отправимся в путь.

Оставляя по дороге знаки, на случай если они захотят вернуться на то же место, они стали продвигаться дальше, продолжая огибать Гору справа. К вечеру, на третий день пути, Ганс стал замечать, что к запаху хвои начал примешиваться другой запах: знакомый и одновременно беспокоящий. Запах моря.

Заночевав в лесу, следующим утром они действительно вышли к морю. На этом берегу оно было немного другим: не оглушающе шумным, не рвущимся к скалам в безуспешном стремлении их разрушить, а тихим, спокойно наплывающим на пологий песчаный берег, но при этом таким же утопающим в тумане. И если у Ганса еще были слабые надежды на то, что остров все же окажется не островом, то теперь они почти угасли.

Они решили разбить лагерь на берегу, и пока Себастьян таскал бревна для шалаша и костра, Ганс решил исследовать территорию — пройти вдоль берега, насколько позволит береговая полоса. В одной стороне песок вскоре сходил на нет и начинались скалы, очень похожие на те, что Ганс видел много раз. В другую сторону можно было идти чуть дальше, но и там вдалеке береговая полоса постепенно переходила в высокий утес.

Вечером, сидя у костра и поедая куропаток, Ганс заметил, что вокруг них крутятся, садятся на пе-

сок, пытаются утащить обглоданные кости странные птицы, совсем непохожие на привычных глазучаек, — черные, со странными, крючковатыми, тоже черными клювами. Размах их смоляных крыльев и низкий хрипловатый крик наводили на Себастьяна настоящий ужас, он тут же стал называть их «пророческими». А то, что птицы не очень боялись палок, которые он швырял в них, рождало в нем еще больше ужаса и какого-то мистического трепета.

— Мне кажется, что мы должны вернуться в лес или отправиться дальше вдоль берега, насколько далеко сможем пройти. Эти черные птицы — плохой знак, они — вестники смерти. Я откуда-то точно это знаю. Нам нужно уйти от них подальше.

— Хорошо, посмотрим, когда наступит утро. — Гансу, наоборот, птицы показались каким-то важным хорошим знаком, ему как будто бы надо было что-то вспомнить, что-то важное про этих птиц.

Рассвет наступал необычно, но что именно в нем необычного, сначала трудно было разобраться. Свет. Странный свет со стороны моря. Молочный туман как будто полегчал и завис над водой... Там, на таком непривычно далеком, глубоком горизонте что-то красновато-оранжевое, величественное. Все вокруг окрашено этим светом, который трудно описать. Гансу кажется, что если рай где-то есть, то там именно такой волшебный свет. Он будит Себастьяна и, не находя слов, показывает ему в сторону моря.

— Что это?.. — Спросонья тот отчаянно трет глаза. — Это и есть солнце?

Они молчат. Сидят на песке и боятся пошевелиться — страшно каким-то нелепым движением разрушить эту картину, прекраснее которой они ни-

когда не видели в своей жизни и даже не могли себе вообразить...

Им кажется, что все заканчивается слишком быстро: солнце уходит куда-то вверх, и туман опускается вниз, как занавес, обозначив конец великолепного представления. Они еще какое-то время сидят, не двигаясь, как будто ждут, что солнце вот-вот еще раз появится в этой щели между двумя мирами.

«Как ты думаешь, мы завтра увидим его снова?» — хочется спросить ошарашенному увиденным Себастьяну, но ему кажется, что вопрос может прозвучать немного по-детски, и он решает промолчать, тем более что для описания того, что они только что видели, слов у него не находится.

— Ты видел: там, немного справа от солнца, было ли еще что-то, кроме моря? Как будто бы другая земля. Как думаешь? Ты видел? — Ганс оглушен тем, что предстало перед их глазами, но в отличие от по-прежнему неподвижно сидящего Себастьяна он вскакивает и бежит возле воды, наклоняясь периодически к самой земле, как будто пытается заглянуть за занавес низковисящего тумана.

— Нет, я смотрел только на солнце.

— Мы посмотрим завтра еще раз, но я почти уверен, что мне не показалось.

Поздней осенью Анна решила на поступок, удививший ее саму: она собралась съездить к Вере в Питер, хотя бы на один день, чтобы не очень надоесть. Та звала ее регулярно, но только сейчас что-то внутри созрело для путешествия. Конец ноября, конечно, не самое удачное время для подобного рода вояжей, но

для поездки в гости и задушевных разговоров оно показалось Анне вполне подходящим.

Город на Неве встретил ее мелким дождем, висящим в воздухе, не долетающим до земли, и пронизывающим ветром, заставляющим прохожих быстрее забегать в метро. На подруге было немного чудное пальто цвета так любимого Анной в детстве мороженого крем-брюле, с большими пуговицами и трудноописуемым воротником, очередной немислимый берет едва прикрывал задорно торчащие рыжеватые вихры. Анна тут же поняла, что ей совершенно необходимо начать менять собственный гардероб: рядом со стильной Верой она смотрелась блекло и старомодно.

Подруги решили начать свой день с ароматного кофе в кафе неподалеку от вокзала — без него, казалось, в такую погоду невозможно открыть глаза и начать жить. В Вере что-то неуловимо поменялось за то время, пока они не виделись: глаза по-прежнему сияли, но в них как будто поселилась печаль, и даже ее улыбка слегка отдавала обреченностью, как черный кофе — горечью.

— Ну как ты? — спросили они одновременно и рассмеялись.

— Вот решила к тебе приехать. Я очень скучала. Твои письма иногда были для меня настоящим спасением. Спасибо тебе, что не перестала мне писать еще в самом начале. Я когда перечитываю те свои письма, то от стыда аж не знаю, под какую лавку залезть. Как ты только меня такую вынесла?

— Ты просто была в тупике, тебе было плохо, а я понимала и знала, что это пройдет, как только ты начнешь заниматься собой. Ну если не сразу, то по-

степенно точно. Я очень рада, что ты все-таки пошла к психотерапевту. Так значительно повысилась вероятность того, что ты справишься. Поверь, у меня будто камень с плеч упал, когда я поняла, что ты будешь туда ходить.

— А я регулярно подумываю о том, чтобы бросить. Шучу. Ну не совсем шучу — хочется бросить часто, но не брошу, конечно. Куда уж я теперь... Я чувствую, что помогает, хотя, как говорят, «воз и ныне там». Я все на той же работе и в том же Свиблово.

— Из-за чего тебе хочется бросить?

— Думала уже много раз, с Софией обсуждала. Устаю испытывать стыд от того, что я такая. Что ни скажу — сразу понимаю, как же все по-кривому внутри меня устроено! А еще часто пропадает вера в то, что можно что-то с этим поделаться, как-то изменить. Все эта чертова бессмысленность, которую я ненавижу, продолжает меня нагонять и набрасываться на меня всякий раз, как только моя защита от нее хоть немного ослабевает.

— Так странно, какие мы все-таки с тобой разные. Меня так редко посещают именно эти чувства: стыд и бессмысленность. Зато я специалист по печали, спасению и потерям. И как ты защищаешься от бессмысленности? Разве от нее можно защититься? Либо она есть, либо ее нет. Разве не так?

— Наверное, правильная защита от нее только одна — активная жизнь, а это я еще не очень умею. Ты знаешь, у меня ведь все не как у людей! Как только я с чем-то не справляюсь: с чувствами какими-то, с переменами, с необходимостью что-то решать или делать, я говорю себе — это бессмысленно. И решаю, что бесполезно злиться, обижаться, стараться, хо-

теть, стремиться. Тогда я как будто перестаю что-то хотеть или чувствовать и начинаю гордиться, что я ловко спряталась от собственных завышенных ожиданий на свой счет и стыда.

— Помогает? — Вера улыбается то ли Аниным словам, то ли вкусному яблочному пирогу с корицей.

— Да, кардинально. Становлюсь «живым трупом», жизнь проходит мимо меня и день за днем подтверждает мою «великолепную» теорию-отмазку про бессмысленность.

— Ну сейчас-то ты выглядишь значительно живее, чем полгода назад.

— Видишь, даже к тебе выбралась. Софья наверняка будет от меня «требовать», чтобы я этим непременно начала гордиться.

— А ты как?

— Знаешь, почти горжусь, хотя и неловко как-то. Вот дура-то, горжусь тем, что до подруги спустя полгода доехала! Ну а ты-то как? Выглядишь как всегда потрясающе, хотя и слегка печально. Ты все переживаешь? Или кто-то еще попал в беду?

— Да нет... нет, никто не попал в беду. — Вера опускает глаза и крутит пальцем непослушную рыжую прядь.

— Звучит не очень уверенно.

— У меня друг уехал в Канаду. Близкий друг... Очень близкий друг. Мы еще со школы были «не разлей вода», он мне много с Костиком помогал. Пока мы учились в школе, он называл меня «Верка — свой парень», я тогда этим страшно гордилась, а потом... Потом поняла, что гордиться нечем. У него стали появляться девушки, о которых он мне взахлеб рассказывал, подробно описывал, как именно он в них

влюблен и как далеко продвинулся на пути к тому, чтобы быть с ней «навсегда вместе». Не описать тебе, как я страдала. Я мечтала его убить. Я до смерти боялась его потерять. Не выносила этих обсуждений из серии «чем бы ее завтра удивить и порадовать». Не могла признаться, что сама влюблена. Просто не могла признаться. Поэтому улыбалась, обсуждала, поддерживала, помогала. А он, убегая и чмокая меня в макушку, всегда говорил: «Верка, друган, ну что бы я без тебя делал? Ты — мой герой!».

Я — «герой», «друган»? «Я же — девушка!» — хотелось мне все время крикнуть ему, звезданув по лбу чем-нибудь для пущего эффекта. Но я молчала, я все готова была сделать ради того, чтобы еще раз услышать его «мой». Ради того, чтобы хотя бы иногда слышать это в свой адрес. Тогда мне еще почти каждую ночь снилась мама, она гладила меня по голове со словами «моя девочка», и после таких снов я всегда просыпалась на мокрой подушке.

У Веры и сейчас навернулись слезы на глаза, и она без тени смущения позволила им скатиться по щеке. Из прошлого их резко выдернула подошедшая официантка, чтобы забрать тарелку с недоеденным яблочным пирогом.

— Оставьте, пожалуйста, мы еще не закончили. — Анна попыталась как можно вежливее защитить Верин пирог, хотя внутри все клокотало. Так некстати та появилась, такое недовольное лицо скорчила, когда получила отказ, как будто ей отказали в праве на престол, которого она несомненно заслуживала. — Рассказывай дальше. Что было потом?

— Что потом? Потом он стал жить с одной ба-рышней, вроде как в гражданском браке. Она воз-ненавидела меня сразу. Как я поняла, в какой-то момент она ему «глаза открыла». Видимо, в красках рассказала, что только совсем слепой может не заме-тить того, как я в него влюблена. Не знаю, поверил ли он ей, но видеться мы стали редко, «подпольно»... И я больше никогда не слышала от него «мой герой».

— Почему он? Ну почему? У тебя столько знако-мых! Столько друзей, прекрасных интересных лю-дей вокруг тебя. Ведь если даже в Москве за неделю ты со столькими меня познакомила, то сложно пред-ставить, сколько их у тебя здесь. Почему он?

— Не знаю. Разве можно ответить на этот вопрос, почему кого-то ты начинаешь любить всем сердцем...

— И что теперь?

— Неделю назад он уехал в Канаду к своей невесте. Ту самую кралою, из-за которой мы тогда стали меньше встречаться, он давно бросил. Потом съез-дил за океан в несколько командировок... и вот те-перь женится. Причем на русской. Она эмигрирова-ла туда еще ребенком. Мы встречались с ним за три дня до его отъезда. Сидели в этом самом кафе, раз-говор не клеился. Повспоминали общих знакомых, я поспрашивала его о Канаде, с трудом найденные темы почему-то быстро иссякали. В какой-то момент он взял меня за руку, посмотрел на нее так внима-тельно, будто хотел на всю жизнь запомнить, а мо-жет, просто подбирал слова, перевернул ее, поцело-вал в ладошку и сказал: «Прости меня, мой герой. Я — дурак, но я такой. Прости. Тебе надо научиться жить без меня. Мне тоже придется научиться жить

без тебя. Спасибо тебе за все», — потом встал, надел пальто и вышел в эту дверь.

Вот уже десять дней я учусь жить без него. И знаешь, пока хреново получается... Ань, может, я заразная, почему я опять теряю близких людей?

— Не говори глупостей. Ничего ты не заразная. Просто когда вокруг тебя так много людей, они статистически чаще исчезают из твоей жизни. Вот у меня друзей совсем нет, кроме тебя, так и исчезать некому. А ты не исчезнешь, потому что если есть на свете высшая справедливость, то она не допустит этого.

— Нет никакой высшей справедливости, я очень хорошо это поняла, когда одним солнечным днем смерть забрала у меня обоих родителей сразу.

— А что говорит твоя терапевт по этому поводу?

— Я ее про высшую несправедливость и не спрашиваю. А про мои бесконечные потери она говорит странные вещи: предлагает подумать, зачем мне надо, чтобы меня оставляли близкие и дорогие мне люди. Представляешь? Да зачем бы это мне было надо?

— Моя мне часто говорит: если что-то происходит с тобой более двух раз, то это уже тенденция. А если больше трех, то это сценарно-повторяемая травма. А из нее выйти можно, только если допрожить непрожитое. Что-то ты, наверное, недопрожила еще тогда, когда погибли твои родители и брат, и вот поэтому все это повторяется.

— Знаешь, наверное, мне до конца трудно признать тот факт, что мир несправедлив. В детстве я была убеждена, что с хорошим человеком не может случиться ничего плохого. Раз он ничего плохого не делает, тогда его и не за что наказывать болезнью, по-

терями, несчастным случаем или смертью. И видимо, я никак не хочу расстаться с этой своей детской иллюзией о том, что хороший человек будет жить хорошо, долго и счастливо. И не могу никак пока внутри согласиться с моей терапевтшей, которая не устает мне повторять: «Смерть и потеря — это не наказание, это просто часть жизни, неизбежная точка на нашей карте, которая появляется с момента нашего рождения». А мне все равно трудно поверить в это. Ведь жизнь так прекрасна, так неповторима, и отнять ее — значит, лишит тебя всего самого ценного, что было!

— Хотела бы я научиться у тебя такому отношению к жизни. Я бы не смогла так любить, как ты: видя его почти каждый день и зная, что он любит не тебя, а какую-то другую кралю. Я ведь до сих пор как будто не совсем живу, иногда кажется, что я просто трачу время в ожидании чего-то. Ну, знаешь, когда очень чего-то ждешь и так сильно, что ничем заняться не можешь, и тогда делаешь все, чтобы время быстрее прошло. Вот и я так. Только чего жду — неясно...

Подруги вышли на улицу, оставив тяжелые разговоры, издерганную официантку вместе с мятыми салфетками и все-таки недоеденный яблочный пирог. Вдохнув влажного питерского воздуха, решили, что внезапно появившееся солнце, такое редкое и недолгое в это время года, — отличный знак того, чтобы немного прогуляться.

В тот день они успели еще много чего: подобрали Анне очень необычное пальто и сапоги, а также шапку, смешную и стильную. Сама Анна на такую даже не посмотрела бы, но у Веры был особенный взгляд, и нужные вещи будто сами шли к ней в руки.

У знакомой Вериной парикмахерши Светочки они проторчали часа два с половиной, и Анна уже готова была на стенку лезть от Светочкиного щебетания — подробного пересказа в красках, жестах и лицах трех ее последних ссор с мужем, видимо, именно столько их произошло с момента их последней с Верой встречи. Анна подумала, что по Светочке, наверное, до сих пор плачет театральное училище или даже весь российский кинематограф. Но когда увидела вместо унылой барышни с понуро висящими волосами неопределенного цвета совсем другую яркую девушку в зеркале с интересным каре цвета темной меди, то решила, что, пожалуй, пусть Светочка остается в парикмахершах, кинематограф как-нибудь перебьется.

В обновках, с потрясающей прической, на ночном суетливом Московском вокзале Анна ощущала себя золушкой, сбежавшей с торжественного бала. Она невольно улыбнулась, когда вокзальные часы перевалили нулевой рубеж. Пальто, сапоги, прическа — все осталось на своих местах. «Видимо, у меня другая сказка», — подумала она, уверенно шагая к вагону.

Забравшись на полку, вставив наушники в уши, чтобы заглушить навязчиво звучащее радио с мучительно попсовым репертуаром, Анна расслабила уставшие от питерских дорог ноги и попыталась еще раз вспомнить этот такой долгий, но такой прекрасный день в живописно-сером городе мостов и дождей, где живет ее такая яркая и грустная подруга. Перед ее глазами раз за разом всплывали горькие слова «Ты — мой герой» и семейная фотография в уютнейшей, не похожей ни на одну другую, Вериной

квартире. Красивая женщина с такими знакомыми ясными глазами, мужчина: смешно торчащий ежик и очки, но улыбка убивает наповал. Точно так же улыбается задорная девчонка лет десяти со смешными белокурыми хвостиками, и хохочет маленький мальчик, крепко прижимающий к себе немного потасканного зайца с надорванным ухом.

Как, наверное, ей все-таки было страшно в один миг потерять тогда весь этот мир. «Лучше не иметь, чем потерять», — пронеслось в Анниной голове. «Опять за свое, — оборвала сама себя. — Лучше иметь, ценить, жить. Потому что не жить вообще, как я многие годы, — вот что по-настоящему страшно».

Ночь выдалась холодная: казалось, что выпавшая за ночь роса пропитала все изнутри морской влагой. Такая ночь говорила о том, что скоро осень, а за ней и зима, пора думать о надежном жилье либо трогаться дальше.

Они проснулись еще до рассвета. Не хотелось упустить хоть малейшую возможность увидеть восход снова. Себастьяна больше всего завораживало солнце, меняющее цвет всего вокруг, а Ганса влекла манящая линия горизонта.

В этот раз он был почти уверен: там, вдалеке, у самой кромки, разделяющей землю и небо, что-то возвышается над линией моря. И что это еще могло быть, как не другая земля?

— Видишь, вон там, справа, — показывал он Себастьяну, нетерпеливо тыча пальцем в рассвет.

— Не вижу, мне кажется, что это просто тучи, я не уверен.

— Да нет же, это точно какие-то горы вдали. Другие горы. Понимаешь? Я думаю, что нам нужно строить плот. Смотри, сколько вокруг поваленных деревьев. Нам стоит их всего лишь скрепить, связать, и можно отправляться в плавание, пока не наступили осенние шторма.

— Ты уверен, что мы доплывем? А если там нет никакой земли? Мы окажемся на плоту в открытом море и погибнем.

— Мы придумаем управление: у нас будет шест, мы выточим весла, а еще можем сделать что-то вроде паруса, о котором рассказывал твой отец. С ним, правда, надо будет научиться управляться, но попробовать-то можно. Если нам не удастся доплыть до той земли, вернемся назад, не будем терять из виду наш остров. Гора нам поможет, и мы всегда сможем вернуться.

До того момента, пока Ганс не увидел линию горизонта, он мог радоваться тому, что вырвался из каменного плена Города, мог жить в сосновом лесу или на прекрасном, тихом песчаном берегу. Теперь же каждый вечер, когда он ложился спать у медленно затухающего костра, что-то внутри него екало: «Вдруг эти потрясающие рассветы — всего лишь сны, и завтра все снова будет покрыто туманом и никакого бескрайнего горизонта?..» Он как будто боялся, что остров когда-нибудь вновь отнимет у него возможность видеть хотя бы кусочек чистого неба, солнце, а главное — перспективу.

Каждый раз после завершения небесного представления Себастьян становился мрачен: его угнетало, что «пророческие» птицы каждую ночь разоряли их съестные запасы, как бы хорошо тот их ни прятал.

К тому же его влекло солнце, но идея отправиться в плавание его пугала. Возможно, он, родившийся и выросший на острове, где-то в глубине души не очень верил в существование других земель.

Строительство плота продвигалось быстро. Лес предоставлял любой нужный материал для отважных мореплавателей.

Через несколько дней плот был закончен, осталось только дожждаться утра. Они сидели у вечернего костра: Ганс — в предвкушении будущего путешествия, а Себастьян — в сомнениях.

— Я не должен плыть с тобой, Ганс, мне нельзя уплывать с острова, я там погибну.

— Брось, ты просто впитал в себя все эти сказки и боишься всего нового. Вспомни, как ты сам уговаривал меня: нельзя останавливаться, пока не достигнешь своей мечты.

На рассвете, погрузив на плот запасы еды, воды и всю оставшуюся одежду, часть которой пошла на символический парус, — управлять им Ганс учился несколько часов, курсируя возле берега, они отплыли от острова. Море было холодным, но спокойным. Ганс рассчитывал, что до земли, видимой на горизонте, они смогут доплыть до наступления темноты. Но через несколько часов он понял: что-то в его расчетах было не так. Их туманный остров постепенно отдалялся, хотя еще хорошо была видна Гора, а то, что он видел на горизонте, почти никак не приближалось. Он боялся делиться своими сомнениями с Себастьяном, не желая вновь возбуждать в нем тревогу, хотя тот был обреченно спокоен.

В какой-то момент Ганс с изумлением заметил, что море, по которому они плывут, совершенно си-

нее! Потрясающий синий цвет! Себастьян, не поверив своим глазам, стал зачерпывать рукой воду, но та была прозрачной, как всегда. Синее! Куда ни посмотри — огромное синее море. Они подняли глаза к небу и увидели, что и небо синее! Над их головами не было никакого тумана, лишь голубизна: неопостижимая и необъятная! А еще — солнце, ставшее почти белым и таким ярким, что на него совсем невозможно было смотреть. Невероятно! Себастьян не мог себе представить, что небо и море могут быть такими огромными, такими бесконечными и такими цветными! Он впервые понял своего отца: если бы он видел такое раньше, он бы тоже стал рисовать. Такое небо невозможно не изображать, хотя и нарисовать такую красоту — отобразить ее на холсте во всем великолепии — тоже почти невыполнимая задача.

— Почему возле нашего острова море такое серое, всегда серое, а здесь — такое необыкновенное, как ты думаешь? — Себастьян улыбался так, как могут улыбаться только дети: открыто, изумляясь и радуясь миру, как будто он был сотворен таким прекрасным исключительно для них.

— Море везде одинаковое — прозрачное. Просто в этом море отражается небо, а в нашем — только туман. Невероятно красиво, правда?

— Я даже не мог себе этого представить...

— Себастьян, нам нужно решить, что делать дальше. — Гансу совсем не хотелось омрачать другу радость, тем более что со времен появления «пророческих птиц» он впервые видел его таким счастливым, но пришло время принимать решение. — Мы удаляемся от острова, а то, что за горизонтом, почти не приближается. И хотя теперь я точно уверен, что

это другая земля, потому что тучи не могли бы находиться так долго в одном и том же месте, я уверен и в том, что мы не доберемся туда до наступления темноты.

— Конечно мы плывем дальше! — Себастьяном овладела настоящая эйфория от встречи с многоцветьем моря, невообразимым городом из облаков далеко на горизонте — плодом творения гениального небесного архитектора. — Теперь даже умереть не страшно, если видел такое!

— Ты знаешь, я вот что думаю про твоих «пророческих птиц»: это явно не морские птицы, потому что совсем не едят рыбу. С другой стороны, нигде на острове, кроме того берега, я их не видел. Значит, скорее всего, они прилетели сюда с той самой земли, и получается, что она точно есть, и не так уж далеко. Поэтому я не думаю, что они посланники смерти, как ты все время говоришь, я думаю — они знак нашей новой жизни, в которой больше не будет туманов.

Гансу было трудно описать, что творилось в его душе: его переполняли восторг и трепет от того, насколько огромен и непостижим мир на самом деле, но при этом в нем появилась и росла с каждой минутой тревога. В тумане он чувствовал себя стесненно, но защищенно. А здесь бесконечность и величие мира делали его совсем маленьким и таким беспомощным, что ему хотелось куда-то спрятаться, но было некуда. Он был как на ладони, и с ним можно было сделать все что угодно!

Как было бы чудесно оказаться в любимом гроте на берегу и в то же время видеть перед собой такое синее море и такое яркое солнце на удивительном по красоте

небе с облаками, которые имеют такую причудливую форму, да еще постоянно меняют свои очертания.

Наступающая ночь принесла им еще одно невероятное переживание.

— Смотри, что это такое? — Себастьян показывал на небо у самого горизонта. Ганс поднял глаза и увидел что-то маленькое, сверкающее, как светлячок, на фоне темно-лилового неба. — Как ты думаешь, что бы это могло быть? Неужели это одна из звезд, про которые мне рассказывал отец? Он говорил, что на их землях, когда небо темнело и наступала ночь, появлялись звезды, много-много таких светлячков. И еще выходила луна, она бывает большая, как головка сыра, а бывает урезанная, как если отрезать от сыра кусок.

Через некоторое время все небо было заполнено светлячками-звездами. Оно было не белесо-черным, каким привык его видеть Ганс, а бездонно-черным, с этими чудо-звездами: где-то разбросанными, как попало, а где-то причудливо соединенными в какие-то неведомые узоры.

— А что это такое — звезды? Что тебе отец рассказывал про них? Они из чего и для чего?

— Их капитан рассказывал, что звезды существуют для того, чтобы моряки могли находить свой путь в темноте. Днем направление показывает солнце, а ночью путь можно было прокладывать по звездам. А какой-то старик на их побережье вообще говорил, что звезды — это другие миры, на которых живут другие люди. Ты можешь себе это представить? Я — нет. Думаю, что их старик был совсем сумасшедший. На таких маленьких светлячках не может быть никаких миров.

— Может. Только если эти звезды очень далеко. То, что очень далеко, может казаться маленьким, а на самом деле быть очень даже большим. Только как туда попасть? Если до новой земли мы сможем доплыть на плоту, а мой отец когда-то доплыл на корабле, то как доплыть до этих звезд — они же не в море? Смотри, а вот, наверное, луна, про которую ты говорил. Она такая большая и кажется такой близкой. На ней точно есть другие миры. Смотри, какая она... И как будто дорога к ней есть, прямо по морю можно было бы дойти, если бы вода могла нас удержать...

Они легли на плот лицом вверх и смотрели, смотрели, не в силах оторвать взгляда от этого сверкающего мрака, пока их не укачало на волнах и они не погрузились каждый в свой сон. Гансу снилось, как он плывет по лунной дороге в какой-то огромной лодке с большим и легким веслом, плывет в полной тишине прямо к луне, а Себастьяну — дьявольские птицы, клюющие его кости.

Они проснулись разом от холодной волны, захлестнувшей их обоих с головой.

— Привязывай вещи к плоту! — крикнул Ганс, сам кинувшись к парусу, который поднявшийся ветер рвал в клочья. Полная темнота: куда-то пропали все звезды и даже луна. Ветер все сильнее поднимал волны, от чего их плот начало качать так, что стоять на нем было совершенно невозможно, — только лежать, крепко вцепившись в бревна. Временами волной — холодной и соленой — их накрывает так, что казалось, будто они идут ко дну и больше никогда не смогут снова вздохнуть. Гансу в какой-то момент перестало быть страшно. Он понимал, что бессилен перед этими разбушевавшимися сти-

хиями — ветром и морем, что ему остается только одно — стать плотом, срастись с ним и не пытаться ничем управлять. Только так, быть может, они смогут выжить, если морю в какой-то момент надоест их терзать.

«Лучше не иметь, чем потерять». Раньше Анна даже не отдавала себе отчета в том, что живет под этим глупым девизом, сейчас она стала замечать это все чаще и чаще. Разумеется, это не прибавило ей оптимизма. Ведь никогда за свои двадцать семь лет она не задумывалась о том, насколько эта дурацкая идея определяет и задает тон всей ее жизни. Никогда не хотеть, не ждать большего. Не ходить на вечеринки, чтобы не заскучать, не ездить в поездки, чтобы не разочаровываться, не пытаться менять работу, чтобы не пережить отказ. Не знакомиться, чтобы не переживать мучительного ожидания, позорной зависимости, невыносимой боли разрушения любви. Не иметь. Так удобно... и так бессмысленно.

Именно поэтому она никогда и не влюблялась в того, кто не был влюблен в нее. Ей нужны были гарантии. Либо все — либо ничего. Либо предмет воздыханий должен быть предан ей до гробовой доски, а значит, зависим и управляем, либо он ей не нужен. Потому что быть брошенной или оставленной — как-то особенно унижительно и невыносимо.

Правда, почему-то и это не приносило никакого счастья, и довольно быстро надоело. «Предмет воздыханий» становился до ужаса предсказуем, до невыносимого понятен, и очень быстро в нем начинало раздражать все: от мелочей до фило-

софских представлений о мире, если таковые имелись. История с Димкой была, скорее, исключением, которое, впрочем, всего лишь подтверждало придуманное когда-то Анной правило: если ты влюблен больше, чем другой, то есть если он для тебя становится большей ценностью, чем ты для него, то бросает тебя — он, а тебе становится так плохо, что выбираться из всего этого приходится потом ценой невероятных усилий.

В попытке разрешить извечную дихотомию, что лучше: любить или быть любимой — в отличие от Веры она почти всегда уверенно выбирала второе.

— Почему ты исключаешь еще один очевидный вариант? — как-то спросила ее София. — Некоторым удается и любить, и быть любимыми.

— Сомневаюсь, что для меня этот вариант возможен. Я же говорю, что как только человек становится для меня слишком ценен, он отваливает.

— Ты этот вывод делаешь только после одного случая с Димой?

— Ну а разве это не некое правило? Вот смотри: Игорька с работы я слегка шпыняю, так он души во мне не чаёт. Если бы я начала ему глазки строить, он, того и гляди, со страху бы в угол забился.

— При этом, как я понимаю, шпыняешь его не только ты, а души не чаёт он только в тебе, я полагаю, что ты, в отличие от остальных сотрудников, к нему все-таки добра, а главное — ведешь себя искренне. Так что это неудачный пример: он хорошо к тебе относится именно потому, что ты его вполне уважаешь — в отличие от остальных.

— Ну хорошо. Вот тебе еще пример. К нам приходит сейчас новый сисадмин — Сергей. После того

как я из Питера приехала, он меня как будто стал замечать: «Что вы думаете, Анна, по этому поводу? Стоит ли менять сейчас доллары снова на рубли или лучше положить деньги в банк?» — как будто я его личный финансовый консультант. Я отшучиваюсь, конечно.

— Он тебе нравится?

— Не знаю, придурок, конечно...

— Придурок...

— Нет, не совсем. Но я же не могу сказать, что он мне нравится.

— Не можешь?

— Ну конечно! Ведь тогда все сразу и начнется! Все покатится по привычному сценарию. Если я признаюсь себе, что он мне симпатичен, то начну мычать, молчать, делать ужасно занятой вид, в общем, вести себя максимально по-дурацки. Я уже, по-моему, демонстрирую ему весь свой дебильный репертуар...

— То есть ты не хочешь, чтобы ваше общение продолжилось и развивалось?

— Хочу, конечно! А что я могу сделать? Ведь если я ему нравлюсь, то он и должен меня завоевать, — мужчина он, в конце концов, или нет?

— Завоевать — это как?

— Показать, что у него серьезные намерения.

— ???

— Он должен... Ну, не знаю. Доказать как-то, что выделил меня среди остальных.

— Насколько я понимаю, он всячески тебе это показывает...

— Да, но он мог бы тогда меня куда-нибудь пригласить.

— Мог бы, наверное. Но если ты с ним недружелюбна, напряжена или насторожена, то он может бояться отказа. Ведь пока ты как-нибудь не дашь знать, что ты к нему расположена, он будет избегать риска нарваться на твоё неприятие.

— И что это за мужик, который боится отказа?

— Такой же, как все люди. Тебя больно ранит чей-то отказ, почему он его не должен ранить? Он что — не человек?

— Что же мне теперь, ему на шею вешаться?

— Опять полярности: сидеть букой — на шею вешаться? Как еще можно?

— О боже, как я все это ненавижу!

— ...

— Ненавижу все эти женско-мужские разговоры, темы: кто кому как должен улыбнуться, что сказать, что сделать. Как это банально и муторно, даже говорить про это не хочу.

— Тебе трудно быть естественной, быть собой, поэтому ты снова обесцениваешь собственную влюбленность, боишься принимать ухаживания, злишься, хочешь снова отместить все это от себя, выбросить из своей жизни. И конечно, снова появляется блестящая перспектива остаться...

— Ни с чем, я знаю, — торопливо согласилась Анна.

— Но вообще-то, мне кажется, что ты права. — София подогнула под себя ногу и поудобнее устроилась в своем кресле.

— ???

— Любить — это большой риск. Потому что настоящая любовь не подразумевает никаких гарантий, потому что в ней много неопределенности и

нестабильности. Ведь если мы не «порабощаем» близкого нам человека, а просто любим, то любим мы независимого Другого, а с ним может произойти все что угодно. Люди меняются: меняешься ты, меняется он, и за каждым новым поворотом вас будет ждать ваше непредсказуемое будущее, которое отчасти этим и прекрасно. Уметь любить — это в том числе и уметь выносить неопределенность. Все влюбленные мира клянутся друг другу в верности, но спустя какое-то время нарушают еще совсем недавно так пылко данные клятвы. И это не потому что они плохи — просто постоянства в этом мире значительно меньше, чем хотелось бы. Если ты выбираешь предсказуемость в любви, то вскоре ты теряешь и то и другое. Но ты вправе выбирать, и сейчас пока выбираешь безопасную предсказуемость: свой изведенный сценарий превентивного обесценивания.

— Уже не хочу. Сыта этой предсказуемостью по горло. Но, видимо, еще не умею выбирать неопределенность.

— Тебе это особенно трудно, ведь тебя когда-то оставил отец — самый первый мужчина в твоей жизни, тот, который как раз должен был быть в ней постоянным, быть константой твоего детства. Когда тебя в младенчестве оставляет отец, трудно потом верить в то, что тебя не оставят те, кого ты любишь. Во всяком случае, до той поры, пока окончательно не повзрослеешь и не перестанешь искать в жизни «отца», а не любимого мужчину, который просто живет с тобой рядом...

В витринах магазинов появились мишура и яркие шары, только по этим признакам можно было определить, что на Москву надвигается Новый год.

Снега как не было, так и нет. Хотя всем уже так хотелось, чтобы вездесущая московская серость сменилась белым цветом — кроме, быть может, автомобилистов, так до сих пор не поменявших летние шины, — им снег ни к чему.

Анна впервые за все время работы стала просыпаться раньше будильника, несмотря на холодную темень за окном, и тщательно приводить себя в порядок. С изумлением она обнаруживала в зеркале светящиеся глаза, гладкую, совсем еще юную кожу, медные волосы, непослушные, но густые. Теперь благодаря модной питерской прическе справляться с ними было значительно проще. Выяснилось, что и фигура у нее ничего, особенно если выпрямить спину и носить каблуки.

Она не очень ждала зимы по чисто практическим соображениям: белизна московских просторов ее нисколько не волновала, а вот отсутствие модных зимних вещей было проблемой. На новые вещи денег не было, а в старой цигейковой шубке, что купила ей мама еще на первом курсе, она ходить ни за что не будет, даже если завтра — лютый мороз. Будет ходить в купленных в Питере вместе с Верой осенних вещах. Ничего страшного, будет быстрее бегать, а в метро все равно тепло.

Ей стало легче смотреть на Сергея, когда она поняла, что он, быть может, тоже боится ее отказа. Это как-то уравнивало их, делало ближе. В какой-то момент она решила просто посмотреть, что получится. Ведь совсем не обязательно думать о нем как о потенциальном женихе. Можно просто болтать, шутить, смеяться. Мужчины, оказывается, просто люди, если не думать о них как о «мужчинах».

Он очнулся от боли. Ужасно болела нога, в голове мутилось, он с большим трудом открыл глаза. Туман... В голове туман — или он опять на проклятом острове? Нужно еще раз открыть глаза и осмотреться. Шумит прибой. Его не качает. Значит, он на земле. Теперь нужно понять, на какой земле. «Открой глаза», — уговаривает он сам себя. Страшно. Что-то внутри подсказывает, что это принесет ему только жестокое разочарование. Он начинает ощущать, что крепко держится за бревна плота. Постепенно с усилием разжимает одеревенелые пальцы — слушаются плохо. Переворачивается на бок и снова пытается открыть глаза. Туман... Плот... Скалы... Нет!!! Чуть выше на скалах еле различимо сквозь туман он видит двоих людей в плащах с большими капюшонами. Нет!!! Ему хочется резко вскочить и с силой оттолкнуть плот от скал, но он снова теряет сознание.

Второй раз он приходит в себя уже в каком-то каменном мешке. Темно, гулко, душно. Ощупывает ногу. Она перевязана и болит немного меньше. Садится и пытается вспомнить, что же произошло, но в голове мутно, и если он пытается сосредоточиться и что-то вспомнить, то голова начинает гудеть, будто пчелиный рой. Одно понятно: проклятый остров не отпустил его. И другое понятно тоже: на плоту он был один. Бедный Себастьян пропал, скорее всего, погиб, утонул... Он так этого боялся. Все-таки заманили его «пророческие птицы» в свой черный хорост, накликali беду.

Через какое-то время где-то во мраке открывается дверь:

— Ну что, оклемался? Выходи.

Его приводят в другую комнату. Два стула и стол. За столом — человек в капюшоне.

— Садись.

Ганс, морщась от боли, садится на другой стул.

— Рассказывай, откуда ты взялся, зачем тебе наш остров и где остальные твои люди.

Он молчит. Не знает, что сказать. Не хочет. Не может. Все вместе. Тут дверь отворяется, и, с трудом переводя дыхание, входит еще один Смотритель.

— Ступай, я сам его допрошу.

Первый почтительно вскакивает со стула и уходит.

— Ну что же ты молчишь? — спрашивает пожилой человек, по голосу очень похожий на начальника строительства: у него такой же сиплый голос и сбивчивое дыхание.

— Не знаю, что рассказывать, плохо соображаю, кто я, где я. Голова гудит, видимо, сильно ушибся.

— Все рассказывай. И хватить валять дурака — я прекрасно знаю, кто ты. Ты — сапожник Ганс, месяц назад убежавший к Горе вместе с сыном рыбака. И где же он, кстати?

— А что будет, если я ничего не расскажу?

— Тебя ждет публичная казнь, сын мой. Некоторые жители города вместе со Смотрителями видели, как какое-то чудовище на обломках своего корабля было выброшено к стенам города. Таким образом, ты идеально подходишь под легенду. Твое лицо, правда, перед казнью придется немного изуродовать, чтобы друзья и соседи не опознали тебя. Но это легко

устроить, как ты понимаешь. Тебе лучше рассказать все побыстрее и именно мне, потому что я сделаю тебе предложение, от которого ты не захочешь отказаться.

— ...Вот уж не думаю, что захочу иметь с вами дело. — Гансу противен этот разговор, к тому же у него сильно болит голова.

— Мы вынуждены будем казнить и старого рыбака за пособничество. А тебе придется объяснить ему, из-за чего он должен быть публично казнен и куда ты дел его сына.

— Я готов рассказать все старому рыбаку про его сына, но он сам не имел никакого отношения к нашему побегу...

— Ну это не тебе решать, юноша. Еще есть твои друзья, если тебе одной жертвы будет мало...

— Угрожаете и запугиваете? И после этого вы думаете, что я буду иметь с вами какие-то дела? Отведите меня назад, у меня болит голова, и мне не о чем с вами разговаривать.

— Ты прав, Ганс. Давай попробуем вернуться к началу нашего разговора. Чтобы ты поверил в мое искреннее желание с тобой сотрудничать, я кое-что тебе расскажу. Другого выбора у тебя все равно не будет: либо ты следуешь моему плану, либо — публичная смерть. Так что слушай: то, что мы собирались строить, — не совсем вышка, точнее, совсем не вышка. Я хотел построить корабль. Но на этом острове никто не знает, как строить корабли. Ты — единственный, кто может попробовать, потому что отец твой когда-то построил корабль и даже смог отправиться на нем в плавание.

— Откуда вы знаете?

— Меня зовут Якоб. — Старик убрал капюшон, обнажив толстое красное лицо и сверкающую от пота лысину.

— И вы хотите, чтобы я что-то сделал для того, кто в свое время предал моего отца и мать и стал причиной их гибели?

— Их убило Правление, а не я. Меня могли убить вместе с ними, но не убили, потому что я обещал сделать для острова все, что в моих силах. Я не мог их спасти, но не убивал. Это все-таки разные вещи.

— Зачем Правлению понадобился корабль?

— Не Правлению, мне. Затем же, зачем и тебе: я тоже хочу убраться отсюда. Я стар и болен. И хочу перед смертью снова увидеть солнце. Только ты и старый рыбак на всем этом острове можете понять меня, понять, что это не старческая блажь. Ведь и вы больше всего на свете хотите того же.

— Я не уверен, что смогу построить корабль, я никогда этого не делал. И не уверен, что если я его построю, вы не сбросите меня со скалы, как Эрика и Хилого.

— Ганс, ты — единственный, кто может им управлять. Правление никогда не отправится в первое плавание, они слишком трусливы для этого. Я выбил у них людей на строительство корабля для того, чтобы он якобы защищал наши прибрежные воды, но мы ведь можем уплыть и не вернуться. А там, на новой земле, и ты, и я, и старый рыбак равны и свободны. Ты ничем не рискуешь, а приближаешься к своей мечте. Ты к ней близок, как никогда.

— Я должен подумать и посоветоваться со старым рыбаком. К тому же я должен сообщить ему печальную весть — я не уберег его сына... Мне нужен

рыбак, и только после этого я, может быть, расскажу вам то, что видел.

— Хорошо, я приведу его. Тебя пока переместят в другую комнату: в этих каменных мешках — подвалах Вороньей Башни трудно принимать важные решения.

— Еще один вопрос. Почему эта башня называется Вороньей?

— Когда-то давно на острове были такие птицы — вороны.

— Какие они?

— Большие, черные, с черными клювами. В народе ходило поверье, что вороны пророчат скорую смерть, потому что питаются падалью.

— А куда они делись?

— Не знаю, я их здесь никогда не видел.

Старого рыбака привели следующим утром. Обнимая его, Ганс ощутил, как тот ослаб.

— Мне так жаль, но Себастьян...

— Погиб, я знаю, сынок.

— Вам рассказал Якоб?

— Нет, я видел сон. Он утонул во время шторма. Всегда очень боялся штормов... Я предчувствовал, что так будет... Если бы ты знал, Ганс, как я не хотел отпускать его с тобой. Но что я ему мог предложить? Состариться, ловя рыбу в лагуне? Что с вами было? Рассказывай, сынок. Я не знаю подробностей.

Ганс рассказал ему все по порядку, начиная с путешествия по болоту. Он дошел в своем рассказе до момента, когда они заметили, насколько синим стало море, и старик улыбнулся:

— Значит, он все-таки видел это! Когда в детстве я ему рассказывал про то, что море бывает синим,

он не верил: говорил, что не хватит всей краски на острове, чтобы перекрасить серое море в синий цвет... Значит, видел.

— Да, еще сказал, что умереть теперь не страшно, ведь такой красоты он и представить себе не мог... Ночью мы видели черное-черное небо, усыпанное звездами, и луну. А потом был шторм: я сначала боковым зрением видел Себастьяна, тоже вцепившегося в бревно, но потом потерял сознание. Дальше — известно. Смотрители. Воронья Башня. Якоб. Остров не отпустил и меня, так же как и вас когда-то, но я все равно не собираюсь больше быть его пленником. Если ты видел солнце своими глазами — забыть это потом уже невозможно и смириться с тем, что нужно снова жить в тумане, — тоже.

— Что ты собираешься предпринять?

— Либо строить корабль для Якоба, либо умереть. Я уже не могу снова быть сапожником и делать вид, будто ничего со мной не случилось. Я уже совсем другой человек, который не может жить прежней жизнью. Якоб рассказал мне весь план. Вот только не знаю, соглашаться или идти на смерть. Мне нужен совет в этом непростом выборе.

— Тут нет выбора, сынок. Для чего тебе умирать? Не думаю, что твои родители были бы счастливы, узнав, что ты своей смертью отомстил их обидчикам. Я думаю, что они сами хотели вырваться с острова и были бы очень довольны, если бы тебе это удалось. А уж если у тебя получилось бы построить корабль и привести его к другим землям, твой отец очень бы гордился тобой.

— Но ведь Якоб...

— Неужели ты никогда не совершал ошибок, за которые тебе было стыдно? Якоб — просто человек, который спасал свою жизнь. Его беда даже не в том, что он тогда предал всех нас, а в том, что не открыл им всем глаза на то, как в действительности устроен мир. И сам поплатился за это. Никакие чины, власть, регалии не заменят нам того, что было дорого в детстве: свободы и чудесной возможности видеть, как вечером солнце уходит за горизонт, а утром появляется снова. Тебе за это чудо пришлось много бороться. А кто-то так никогда и не узнает, как огромен мир на самом деле, какого цвета бывает море на закате. Они не увидят ни горизонта, ни бесконечности звездного неба. И это их выбор, они в отличие от тебя не стали задаваться вопросами, решив оставить себе свой знакомый и изведанный мир. И вот теперь, когда так много уже пройдено и преодолено, ты не одолеешь такой малости, как прощение того, кто был просто слабым человеком?

На Новый год приезжала Вера, и они справляли его в той самой квартире на Большой Ордынке, у поэтессы, которая теперь была счастливо влюблена в какого-то крепкого паренька-строителя. Она была одета в ярко-красное платье, все время требовала песен и ни разу за целый вечер не читала свои трагические стихи. Гитарист быстро удалился на прокуренную кухню, не в состоянии вынести, как веселая поэтесса поет разухабистые песни под караоке (!). Туда же вскоре последовал художник со своей непрерывно курящей музой, а

потом и Аня с Верой. Через полчаса все сидящие на кухне сошлись во мнении, что любовь не всегда позитивно сказывается на человеке. Прежняя одинокая поэтесса в черном, читающая с надрывом свои трагические стихи, нравилась всем значительно больше.

— Ничего, бросит она своего строителя через месяц, перестанет есть, оденется в черное и снова засядет за стихи. Мужчины для этого и нужны ей — чтобы бросали и было чем питаться ее великой трагедии, из которой она тклет свои стихи, словно старая пакистанская женщина ковры с вечным узором, на символическом уровне передающем тайны бытия, — глубокомысленно изрек художник, обнимая за плечи тоже далеко не первую в его жизни музу, как всегда преданно и с восхищением заглядывающую ему в глаза.

Бой часов ненадолго сплотил всех возле накрытого стола. Глядя в бокал шампанского, Анна перебирала, какое же желание загадать. Сергей? Новая работа? Деньги? Все не то... или все вместе. Почему бы не все вместе? «Хочу позволить себе научиться ценить то, что имеешь». Пузырьки неожиданно ударили в нос, и Анна рассмеялась коротким смешком, разбавив серьезность своих желаний и намерений.

В три часа ночи они встретились с Игорьком и вместе с его компанией отправились пешком до Красной площади. И когда они уже подходили к собору Василия Блаженного, пошел снег. Снег! Тихими большими хлопьями падал он на старую брусчатку, делая эту ночь по-настоящему зимней, праздничной и почти волшебной. «Это знак, — подумала Анна и удивилась сама себе. — Ну ты даешь,

стала уже верить в такие глупости! Лучше верить в приятные глупости, чем не верить ни во что. Ты же всего несколько часов назад дала себе зарок». Она, глядя в белесое небо, щедро осыпаящее их своими белыми сокровищами, улыбнулась своим мыслям, отчего Михаил, друг Игорька по походам, заядлый горнолыжник, видимо, решивший, что она улыбается ему, стал стряхивать снежинки с ее шапки и как бы случайно провел неожиданно горячей рукой по ее щеке...

В конце февраля, когда до календарной весны оставались считанные дни, Сергей пропал. Его не было уже целую неделю. Как назло, компьютеры и принтеры, ранее выходящие из строя с упорством детей, требующих постоянного родительского внимания, работали бодро и безукоризненно. И у него не было формального повода, чтобы появиться. Но! Он мог бы позвонить просто так. Спросить, как дела, посмеяться, поболтать. Не звонил. Видимо, не скучал, не думал о ней, не ждал встречи. Все это может значить только одно — она ему не дорога. Для него она такая же, как и все остальные. Она просто все себе придумала. «Все повторяется», — твердила она про себя, нещадно колотя по клавиатуре, и от этих слов внутри холодело. Потому что это означало простые, но до оскомины надоевшие ей последствия: депрессию, злость, закुकливание, обесценивание, обесмысливание.

— Тебе что-то мешает позвонить самой? — София смотрит на нее с удивлением и сочувствием одновременно. Сочувствие немного утешает, но все равно вопрос ее страшно злит, как будто она сама про это не думала!

— Да, я считаю, что позвонить — значит подставиться. Да и что я ему скажу?

— А что бы тебе хотелось сказать?

— Ну не могу же я сказать то, что мне хочется?

— Не можешь... Так что это были бы за слова, если бы ты все-таки решилась?

— Я бы сначала наорала на него. Какого черта ты пропадаешь! Так нельзя! Нельзя пропадать, потому что я тогда чувствую, что ты меня предал, бросил. И тогда мне хочется убить тебя. Или бросить в ответ, сделать так, чтобы тебе было так же плохо, чтобы ты так же скучал, так же ждал, так же нуждался!

— Злишься... И очевидно, что он тебе очень дорог, раз ты испытываешь к нему такие сильные чувства.

— Да пошел он...

— Плачешь...

— Я не хочу! Не хочу переживать все это снова! Зависеть ни от кого не хочу! В гробу я видала всю эту любовь. Я отказываюсь от нее... — Ей хотелось кричать, но из горла вырывались лишь жалкие всхлипы.

— Конечно, ты можешь отказаться. Для тебя быть сейчас в этой неопределенности, вновь и вновь представляя, что тебя не любят, — невыносимо, и ты хочешь отказаться от любви, которая могла бы случиться.

— Я ничего не представляю. Если не звонят, значит, не любят, разве не понятно? По-моему, это очевидно.

— А по-моему нет. Вспомни: один раз это уже было у тебя с Верой, когда ты ждала от нее письма, а оно все не приходило, и тогда тебе тоже казалось, что все из-за того, что она о тебе забыла. В ситуа-

ции, когда другой человек молчит или пропадает, ты не выясняешь, что происходит, а всегда начинаешь думать о том, что тебя бросили или не любили никогда... Ты готова в любой момент отказаться от другого человека, если что-то пойдет не по твоему сценарию, и поэтому тебе кажется, что и другие поступают так же.

— Хорошо, допустим, я ему позвоню. И что я ему скажу?

— Иногда можно сказать правду.

— Какую правду?

— Ту, которую ты мне только что рассказала: что скучаешь по нему, беспокоишься, хочешь знать, как его дела, все ли в порядке.

Позвонить она так и не смогла, зато к вечеру, почти дождав очередную ручку, решила послать ему смс-сообщение. Он ответил не сразу.

Как же она ненавидела ждать! Из-за невозможности переносить ожидание она столько глупостей в своей жизни натворила. Все потому, что ей никак не удавалось продолжать жить, пока все не прояснится. И ничего нельзя было с этим поделать. В этот раз в своем жизненном календаре она могла перечеркнуть полтора часа своей бесценной жизни.

Он наконец позвонил:

— Аня, я так рад тебе! Как замечательно, что ты беспокоишься обо мне. Я даже не знаю, что сказать — настолько я рад!

Было приятно это услышать, Анна ощутила подъем сил, сладостное волнение... а потом услышала продолжение фразы:

— Я и правда пропал. Это потому, что у жены были проблемы. Понимаешь...

Холодный душ... Ведь о наличии такого персонажа, как его жена, Анна слыхом не слыхивала и по наивности даже не подозревала. И что можно ответить ему после всего этого? Ну хоть одну фразу для продолжения диалога! Ничего не приходит в голову... Анна молчала, будто в голове все слова превратились в ледышки и высыпались, весело звеня и побрякивая, оставив после себя лишь гудящий холод.

Он заскочит к ним завтра в обед, и они обо всем поговорят. Хорошо? Хорошо. Поговорят. Вот только о чем. О его жене и ее проблемах? Она была в шоке. Она была так поражена, что неожиданно для себя самой начала смеяться, хохотать, — одна в квартире, в голос, сползая вместе с диванными подушками: рыдать, видимо, уже совсем надоело.

Она опять не спросила про то, как и с кем он живет, как себе представляет будущее. Ничего не спросила. Просто придумала все сама. Выдумала себе человека и жила с этой сказкой, пока реальность не настигла ее, точно большая океанская волна, смыв начисто тщательно выстроенный песочный замок ее иллюзий. Ну и Анна! Ну, ты даешь! Снова угодила в свой же собственный капкан!

«По крайней мере, ты уже смеялась над собой, и смеялась по-доброму, а не ругалась и не уничтожала всех подряд: и себя, и его, как ты делала это раньше! Большой прогресс!» — написала ей на это Вера.

«В чем прогресс-то? Я же опять вляпалась. Опять подставилась и вляпалась! Ты много таких дур видела? И что я ему скажу, когда он “заскочит” к нам на обед?»

«Не понимаю, что такого особенного случилось и куда ты вляпалась? Что изменилось после того, как ты узнала, что он женат? Женатые что — не люди? Ты же сама говорила, что если не рассматривать его как кандидата в твои женихи, то и разговаривать с ним можно. Почему ты не можешь продолжать с ним общаться? К тому же ты ничего не знаешь о том, как они живут со своей женой. Может, они на грани развода. В любом случае, мне кажется, прежде чем доставать шашку и рубить все подряд, как ты это любишь, следует для начала поговорить с ним о том, как он живет, о чем думает и так далее. Ведь порвать и закончить отношения можно всегда. Дурное дело — не хитрое, как любил говорить мой папа. А если пробовать оставаться в отношениях, несмотря на то что они развиваются не по тобой установленному сценарию?»

Женат... Анна пыталась распробовать это слово на вкус. Горькое. Залежалое. Противное. Женат — это значит, что он кого-то уже любил, причем настолько сильно, чтобы дать клятвы, связать с человеком жизнь, строить вместе с ним свое будущее. Для его жены, конечно, это слово звучит как гарантия того, что будут любить именно ее и больше никого другого. Гарантия исключительности. Это именно то, чего ей самой так не хватало. Ну почему никто не желает дать все это ей, Анне? Ну чем она так отличается от других женщин? Почему он выбрал когда-то свою жену? Чем она лучше?

Он женат, но не на тебе. Как с этим жить? Анне приходил в голову только один выход, простой и привычный: послать его к черту. Встреча с психотерапевтом только через неделю, а с Сергеем, скорее

всего, завтра. Но что, если Вера права и можно попытаться продолжить общение как ни в чем не бывало? Послать к черту всегда успеет, это верно.

Ну что ж, попробуем. Во всяком случае, это интереснее, чем впадать в депрессию и умирать от тоски, как это было раньше.

Ночью ей приснился шторм. Она лежит на деревянном плоту, крепко вцепившись в бревна, и понимает, что не может бороться с бурей. Надо просто смириться, стать плотом, тогда есть возможность выжить. Ей страшно, но не за себя, а за какого-то юношу, который пытается встать на ноги. Она видит его боковым зрением и изо всех сил кричит: «Не вставай, просто держись крепко! Буря скоро закончится! Просто держись!». Но ветер заглушает ее голос, и в следующий миг она уже остается одна, совсем одна в бушующем ночном море.

Вся осень ушла у них на чертежи. Старый рыбак пытался вспомнить все, что было связано с его первым морским путешествием. Его воспоминания были отрывочны и скупы, но само его присутствие поддерживало Ганса. Ведь в его голове рождались все новые идеи, и ему было так важно просто обсуждать их или рассказывать кому-то, кто в состоянии был их оценить и понять. Ганс сначала пробовал привлекать к этой работе других рыбаков, но все, что они знали, — это, скорее, знания о море и его повадках, течениях, но не о кораблях. Ему почти все пришлось изобретать и рассчитывать самому. Все это увлекало его настолько, что даже тоска по солнцу или глубокая печаль по

Себастьяну и чувство вины, с которыми раньше было так непросто свыкнуться, теперь уходили на второй план.

Корабль было решено строить на том пологом берегу, откуда в свое время отправились в первое плавание двое смельчаков. Людей для рубки леса можно было переправить на лодках вдоль берега, чтобы не подвергать их другой опасности — пропасть в болотах. Якоб торопился. К концу осени деревьев было уже нарублено предостаточно, но лесорубов и плотников Якоб решил не отпускать назад в Город: ведь эти десять человек тоже видели солнце, и если бы в Городе поползли слухи и началась смута, Правление точно запретило бы дальнейшее строительство корабля. У строителей забрали все лодки и велели строить себе сараи и навесы для костров, для того чтобы они могли пережить зиму.

Ганс и старый рыбак приплыли к ним зимовать, выбив у Якоба все, что было нужно для того, чтобы зимовка не была такой мучительной. И все же им пришлось нелегко. С наступлением зимних бурь всякое сообщение с Городом прекратилось: ни одна лодка не решилась бы выйти в море. А запас еды быстро подходил к концу. Рыбалка, которая так выручала Ганса и Себастьяна летом, была невозможна, охота тоже не приносила особой удачи: звери и птицы с наступлением холодов ушли с этой части острова. Двенадцать человек остались совсем одни, отрезанные от остального мира.

В первые два зимних месяца они еще работали, обтесывая бревна для будущего корабля, на третий месяц у них уже совсем не было сил трудиться. Почти весь день уходил на попытки добыть еду, а с

наступлением темноты они просто жгли костры, собираясь возле них под большими навесами, хоть немного спасавшими от промозглых ледяных дождей. Ганс со стариком рассказывали им о солнце и других землях все, что знали. Эти люди стали им семьей, и Ганс убедил их, что они тоже смогут отправиться в плавание, если захотят. Таков был его уговор с Якобом: все, кто захочет покинуть остров, поплывут с ними.

Когда запахло весной, а на солнечной стороне появилась первая трава и все стали набираться сил, тяжело заболел старый рыбак. Он вдруг стал стремительно ослабевать, натужно кашлял и совсем редко вставал для того, чтобы увидеть рассвет, хотя никто из команды обычно не пропускал этого зрелища, тем более что зимой солнце далеко не всегда радовало их, показываясь в полоске между туманом и морем.

— Сынок, обещай мне, что если я не умру до того, как придет первая лодка, ты отправишь меня в Город. Я хочу умереть в доме, где я жил с моей Агнесс, и хочу, чтобы меня похоронили рядом с ней. Якоб все сделает, просто скажи ему. Долг платежом красен. Пусть расплачивается хоть такой малостью.

— Вы не умрете. У нас Кристиан хорошо в травах понимает. Еще совсем немного — и появятся целебные травы, вы начнете их пить и поправитесь. Вам нельзя умирать. Я без вас не справлюсь. В Городе за зиму должны были сшить парус, но я даже не знаю, как его крепить к мачтам. Вы должны поправиться. Вам нельзя умирать. И я так мало знаю о том, как управлять кораблем. Я же никогда этого не делал. Не оставляйте меня.

Все ждали первую лодку со смешанными чувствами: строители были почти уверены, что Правление давно забыло о них и никакие лодки сюда больше не приплывут. Некоторые даже подумывали о том, чтобы начать пробираться по болотам обратно домой. Ганс же, наоборот, был твердо уверен в том, что если старый Якоб еще жив, то лодка и паруса к новому кораблю непременно придут.

И он не ошибся. В первой же лодке прибыл Якоб — еще более постаревший. Он был явно раздосадован тем, что строительство, по сути, еще не начато, но привез еды и лекарств, и Ганс убедил его, что теперь, с регулярными поставками еды и всего необходимого, дело пойдет быстрее.

Старый рыбак, давно переставший вставать, собрался отплывать с Якобом обратно в Город.

— Оставайтесь. Я не смогу без вас. Здесь есть лекарства, и солнце будет теперь приходить почти с каждым рассветом. Не возвращайтесь туда. Оставайтесь с нами. Я ведь еще ничего не знаю и ничего не могу, — пытался уговорить его Ганс, держа его уже совсем невесомую иссохшую руку.

— Глупости, сынок, я тебе не помощник. Все знания — внутри тебя. Тебе трудно в это поверить, но я точно и помню, и знаю меньше. Это твой корабль, и ты его построишь. Я должен был всего лишь рассказать тебе правду. Дальше ты сам. Да ты уже давно сам... — Старик надсадно закашлялся и долго не мог остановиться. — И даже если что-то не будет получаться сразу, ты помни: главное — ты делаешь то, что задумал. Даже если ничего не получится, ты будешь знать — ты сделал все, что было в твоих силах. Это уберезет тебя от разочарований,

сожалений и вины. Похоже, именно эта троица и разрушила мое здоровье, а вовсе не студеное море и промозглый ветер.

— Но я уже виноват! Из-за меня погибли люди: Себастьян и Хилый. Мне уже их никак не вернуть, не искупить того, что я сделал.

— Они погибли не из-за тебя. У каждого из них был собственный выбор, и они следовали тому, что выбрали. Себастьян боялся штормов, но еще больше он боялся повторить мою судьбу. Он никогда не говорил мне об этом, но я всегда читал это в его глазах. Только любовь к Агнесс хоть как-то оправдывала меня, а во всем остальном я не мог рассчитывать не то что на его признание — даже на уважение. Все, что я мог, — отпустить его тогда с тобой, давая шанс прожить другую жизнь, а не ту, что каждый день протекала перед его глазами.

Когда лодка со старым рыбаком скрылась из виду, Ганс отчетливо ощутил, как одиночество нахлынуло на него. Впервые за много лет он понял: сирота — это тот, у кого нет ни одного мудрого взрослого, который в трудный момент подскажет, как жить; нет никого, кто поймет, что с тобой происходит, и будет с тобой, что бы ни случилось... Сирота — тот, кто будет иметь только ту жизнь, которую построит сам, и никто в целом мире ничего не сделает за него. Печаль попыталась пустить корни в его сердце, но как-то утром на утесе, когда он в уединении встречал рассвет, она неожиданно вылилась из него горькими рыданиями и ушла со слезами и горечью в землю, оставив после себя пустоту и слабость. Проспав почти до полудня, Ганс проснулся с ощущением легкости в теле, ясности в

голове и силы в руках. Корабль, его еще нерожденное детище, ждал любящих рук и созидательной силы.

Все утро она настраивалась на разговор. Пыталась решить нерешаемую дилемму: заговорить с ним или нет о его жене? Мучительный выбор «за» или «против» никак не сводился к какому-то однозначному ответу. В конце концов уже ближе к полудню, она приняла единственно мудрое решение: довериться тем событиям, которые будут происходить. Это принесло облегчение. Ей удалось даже пококетничать с Игорьком и звонившим ему в этот момент Михаилом и быстро доделать вчерашнюю часть работы. Сердце подсказывало каждый раз, когда открывалась дверь, и ей стоило определенных усилий не поворачивать голову на этот волнующий звук... Но он не пришел.

И на завтра, когда у Динки сломался сканер, не пришел тоже. Вместо него появился какой-то всклокоченный парень в мятой футболке с черепами, который все время говорил сам с собой, но разобрался во всем быстро, так что Анна даже не успела собраться с духом и расспросить его о Сергее.

Писать смс снова она посчитала навязчивым поведением. Что-то сжалось внутри, и она решила просто ждать. По возможности спокойно ждать новостей. А если он больше так и не появится, то как-то завершить для себя эту историю и продолжить жить дальше. Она уже не умирала от безнадежности и тоски: просто принимала то, что происхо-

дило, печально готовясь к тому, что, скорее всего, придется расстаться, так и не повстречавшись.

София в тот четверг показалась ей очень изменившейся. Анна внимательно всматривалась в ее лицо и не могла понять, в чем перемена. Волосы стали светлее? Изменила прическу? Морщины под глазами? Что-то случилось? Болеет? Устала? Все эти вопросы она так и не решилась задать. Но с удивлением обнаружила, что ей почему-то хочется позаботиться об этой женщине, которая так много месяцев терпеливо ее слушала, вникала, поддерживала, выносила все ее истерики и бесконечный депрессивный гундеж.

— У тебя все в порядке? — единственный вопрос, на который она осмелилась.

— Да, вполне, а почему ты спрашиваешь? — София посмотрела на нее с удивлением и даже от неожиданности поставила на столик свою традиционную зеленую кофейную чашку — фарфорового свидетеля многих историй и слез.

— Ты сегодня как-то по-другому выглядишь, и я не могу понять — почему?

Брови Софии чуть заметно приподнялись вверх, и она слегка улыбнулась:

— У меня есть предположение, что ты, возможно, первый раз заметила именно меня.

— А до этого с кем я разговаривала? — в ответ улыбнулась Анна.

— Не знаю, — пожала плечами София, — такое впечатление, что все-таки не совсем со мной. Может, с кем-то невидимым, стоящим за моим креслом: с мамой своей, с папой, с самой собой...

— Да, ты знаешь, я только что поразилась тому, что я совсем тебя не знаю. Так много тебе рассказываю о себе такого, очень личного, а о тебе ничего не знаю. У меня так часто бывает: я то совершенно замкнута в себе, а то готова рассказать всю подноготную тому, кто будет дружелюбно меня слушать. Но сама я, оказывается, совершенно не интересуюсь другими. Так было и с Димкой, и с Верой когда-то, да и с Сергеем. Я не расспрашиваю людей о них самих, а когда они пропадают, я придумываю худший вариант из возможных.

— Наверняка ты что-то думала и обо мне.

— Сначала я была убеждена, что вот-вот расскажу тебе все, и ты вытащишь из кармана какие-то волшебные «ключи», откроешь волшебные «двери» и непременно мне поможешь, скажешь, как быть, и все у меня будет хорошо. Потом я злилась на тебя за то, что ты этого не делаешь. Я считала, что зря плачу тебе деньги, и хотела перестать к тебе ходить. Потом я поняла, что у меня меняется самоощущение, мне становится легче и проще жить. Я поняла, что психотерапия работает, ведь со мной точно что-то происходит — уже совсем по-другому. Тогда я начала испытывать перед тобой стыд, а может, просто стала его распознавать среди других чувств. Я узнавала себя все больше, и мне было непереносимо стыдно обнажать перед тобой свою искореженную личность. В какой-то момент я даже стала бояться, что ты скажешь: это слишком для меня, давай-ка иди к психиатру, — все происходящее уже за гранью нормы. Поэтому, наверное, я перестала тебя видеть, потому что было слишком страшно и стыдно: от этого постороннего взгляда мне хотелось сделать себя не такой видимой, что ли...

— А теперь?

— Теперь... мне не очень стыдно, потому что я — такая, и это не вина моя, а беда. И я с этой бедой сражаюсь: честно смотрю на нее, признаю, печалюсь, но стыдиться мне нечего. Наоборот, есть даже чем гордиться! Ведь я прошла через то, на что многие так и не решились. А в тебе вижу женщину, ухоженную и уверенную, такую, какой, наверное, и я со временем стану, во всяком случае, мне хотелось бы стать такой... Вижу, что сегодня ты, похоже, устала. И мне хочется посочувствовать тебе и пожалеть... Еще я хотела бы рассказать тебе о Сергее, но как-то по-другому... не как маме, которая пожалеет или скажет, что делать, а как женщина — женщине. Это такое другое чувство. Какое-то... как будто мы равны. Ты не волшебница, но ты — есть, и это мне помогает... Так вот о Сергее...

Прошло всего два года с тех пор, как она начала узнавать себя в кабинете психотерапевта, и теперь она уже не может не заметить весну. Ей нравится наблюдать за тем, как меняется город, замечать малейшие признаки того, как весна все больше укореняется на этих каменных просторах: запускает ручьи, обнажает газоны, пускает солнечных зайчиков. Что-то изменилось и в ее отношении к людям. На пятьсот пятое требование Феоктиста Петровича переделать раздел шестой и, традиционно путаный, восьмой дробь четыре, она ответила:

— Конечно, все еще раз проверю и переделаю, ведь это важно, чтобы все было без ошибок. — Он потерял дар речи и какое-то время сидел молча, замерев и не опуская голову в бумаги. Потом подумал еще немного и сказал:

— Вы поймите, Дерзкая. Я же не для себя. С меня же спрашивают.

— Да я понимаю, Феоктист Петрович, вы же ответственное лицо и вынуждены быть строгим, потому что вы, как главный бухгалтер, отвечаете за все. Я понимаю. Любой на вашем месте делал бы точно так же.

Эта ее реплика произвела на бровастого бухгалтера еще более оглушающее впечатление. В его глазах мелькнули растерянность, замешательство, тревога, потом черты лица смягчились, и он вдруг, неожиданно для себя самого, сказал:

— А почему вы еще не на обеде: время-то уже без пяти час! Идите, голубушка, пока в кафе не набежали толпы, а то будете опять весь обед в очереди стоять.

Одной из «гламурных дур» — Анжеле — на день рождения она подарила подсвечник, купленный у Веры. У Анжелы появилось новое дизайнерское увлечение: она мастерила подсвечники из самых необычных материалов, часто покупала в магазинах обычные и с приложением своей неистощимой фантазии и отличного вкуса делала их уникальными, стильными и неповторимыми. Магазины подарков с удовольствием брали их на реализацию. Анжела пришла в полный восторг, а когда узнала, что подсвечник сделала Вера, была вообще на седьмом небе от счастья. В какой-то момент Анна решила, что Анжела — не такая уж и дура, просто любит все красивое.

С Игорьком они вообще сильно сдружились. Анна сама не заметила, как стала в его компании своей, и они приобщили ее к горным лыжам, походам и сноуборду, летом планировали байдарочный поход. Выходные она теперь редко проводила дома

и иногда даже мечтала об одиночестве, затворничестве с книгой в руках и конфетах с чаем, на которых можно было бы продержаться весь день.

Незаметно и неожиданно для нее самой появились поклонники — прежде такая непозволительная роскошь. Большой бородатый Михаил был особенно настойчив и регулярно восторжен, чем неизменно смущал не привыкшую к поклонению и заботе Анну. Так трудно было поверить в искренность чьих-то сильных чувств — ей мерещилось неизбежное разоблачение. Вот он увидит ее без косметики (которой, впрочем, она почти не пользовалась), и тогда... Вот поймет, что у нее нет голоса и слуха, вот разгадает ее депрессивную сущность, вот раскусит, увидит, распознает... На все ее тревоги и попытки утратить его Михаил отвечал улыбкой, брал ее руки в свои и неустанно повторял:

— Тебе не запугать меня, девочка моя. Я вижу тебя, твою суть. Я знаю, какая ты на самом деле. С той самой новогодней ночи, когда впервые встретил и увидел, как нерешительно ты улыбаешься падающему снегу, будто боишься поверить во что-то хорошее.

Сердце любой девушки растаяло бы от таких речей, но не сердце Анны. И не только потому, что в нем жили тоска и слабая, затухающая вера в возвращение Сергея, но и потому, что сердце как будто буксовало, слепло, глохло, не верило, защищалось как могло от того, какие переживания может принести ему новая надежда.

Вера съездила по приглашению в Канаду, вернулась оттуда разочарованной и злой, покрасила волосы в ярко-рыжий цвет, потом перекрасила

стены в квартире, завела черную кошку, потом стала блондинкой, выиграла дизайнерский конкурс, заняв почетное для непрофессионального дизайнера второе место, закончила какие-то сложные курсы по обучению психотерапии и стала подумывать о создании собственной имидж-студии. Нашла парочку подходящих партнеров и даже одного инвестора, почти готового вложить небольшие средства в сие полусомнительное для его кошелька мероприятие. Но против Вериного обаяния — не устоять. К тому же после возвращения из Канады в ней появились твердость и почти несгибаемая решительность — привычный способ переживать боль бесчисленных потерь.

Анна почти физически ощущала ее мучения — эту раздирающую невозможность принять завершение отношений. Так хотелось крикнуть ей: «Он не твой! И твоим никогда не будет! Забудь и живи дальше!». С другой стороны, для нее было очевидно, что Вере так непросто окончательно расстаться, перестать ждать, надеяться, любить. Когда так рано теряешь самых близких, потом любого, с кем сближаешься, пытаешься сделать своей «семьей». Это так неправильно, даже Вера понимала это, но смириться с тем, что тот, другой, не согласен считать тебя семьей, не могла.

«Иногда думаю, что ты была в чем-то права, объявляя бессмысленными любовь, надежду, отношения, саму жизнь. Зачем все это, если оно обречено?..» В Вериных письмах впервые стало появляться уныние, прежде ей совсем несвойственное.

«Как ты можешь так думать??? Я была не права, тысячу раз не права. Ты просто еще не пережила

горе от окончательной потери своего канадского принца. В горе всегда так: горько и жить не хочется. Но ведь потом проходит, ты же знаешь это лучше, чем кто бы то ни было! И это пройдет. Я так говорила только потому, что не умела справляться с потерями и боялась всего, боялась не пережить. Но ты-то! Дорогая моя, тебе уже ничего не страшно, ты уже просто суперспециалист по переживанию потерь. Ты можешь быть с кем-то, а можешь быть одна. Осталось только одно — полюбить еще кого-то и, быть может, впервые в жизни не делать его сразу своей “семьей”. А потом смотреть, что получится. Знаю, что даю дурацкие советы. Сама-то любить не решаюсь. Но я так беспокоюсь за тебя, дорогая. Я так хочу, чтобы в твоей жизни наступила яркая полоса. Яркая и светящаяся, как ты сама. Ведь ты этого достойна, как никто. Тепло обнимаю тебя. Твоя Анна».

А через полгода в Аниной жизни вновь появился Сергей. Вот так просто вошел в их дверь, как будто никуда не пропадал. Грустно улыбнулся, задумчиво распотрошил несколько компьютеров, вставил туда какие-то штучки и, сказав: «Вот теперь будет работать быстрее», — подошел к Анне и положил на ее стол письмо.

Три лета ушло у них на то, чтобы построить что-то, похожее на корабль. Якоб уже с большим трудом переставлял ноги, но не оставлял надежды. Его упорство и стойкое желание дожить до окончания строительства поддерживали в Гансе временами затухающую веру в то, что это когда-нибудь слу-

чится. Прошлым летом они были уже так близки к завершению, но когда спустили корабль на воду, чтобы поплавать вдоль берега и потренироваться, Ганс понял, что ему невероятно трудно справляться с гигантским парусом, который переменчивый береговой ветер то надувал, то рвал на части. Корабль дергало, им было трудно управлять, и в итоге они налетели возле берега на подводные скалы и пропоролы дно. Дыру заделали, на это ушло не так много времени. Но Ганс понимал, что если он не сможет управляться с парусом, то и во второй раз они уплывут недалеко, а главное — он не сможет управлять кораблем, а это чревато очередным провалом.

Всю осень Ганс думал, как помирить эту троицу: парус, корабль и ветер. Как управлять тем, что больше, намного больше его самого. Как-то ночью, в первый зимний шторм ему опять приснился старый сон: солнце, светящее сквозь листья, пронзительное, острое, слепящее. Он проснулся с ощущением того, что решение где-то рядом. Во сне была подсказка, прямо там, во сне, он догадался о чем-то важном. Солнце?.. Слепящее солнце... Нет, не то. Листья, горящие зеленым листья. Горящие... Не то. Листья! Листья — словно много маленьких парусов! Их должно быть несколько, а не один, тогда и управлять ими будет проще! Как же он не догадался раньше! Это ведь так просто, так очевидно. Несколько парусов!

Скоро уже кончится третье лето. Паруса сшиты, опробованы. Корабль готов. Предстоит решить только последние вопросы: кто поплывет вместе с ними и когда они тронутся в путь? Еще его детищу, покачи-

вающемся на волнах у наскоро сколоченного причала, нужно имя.

Он сидел вместе с Якобом на утесе — их излюбленном месте для короткого свидания с утренним солнцем. Ни тот ни другой никогда не пропускали рассвет — краткий миг встречи с другим миром.

— Я назову его «Святая Агнесс» — в честь женщины, когда-то спасшей мне жизнь. К тому же это та малость, которую я могу сделать для рыбака и Себастьяна. Вы, я думаю, тоже не будете возражать. У вас ведь долг перед этой женщиной, не так ли?

— Я не буду возражать. Это ты хорошо придумал. Хотя мне никогда не испугать всего того, что я сделал, тем более перед той женщиной, которую я любил больше всего на свете.

— Вы любили Агнесс?

— Я любил...

— Тогда зачем вы ее погубили?

— Я просто хотел ее видеть, ревновал к рыбаку, я хотел, чтобы она имела ко мне хоть какое-то отношение. Ты знаешь, я многое в своей жизни сделал неправильно. Хотел власти — и предавал, хотел любви — и заставлял страдать тех, кого любил. В какой-то момент я сделал неправильный выбор и потом уже не мог остановиться: одно потянулось за другим. Меня ничто не оправдывает. Да я и не прошу о снисхождении. Но единственное, что мне позволяет все-таки уважать самого себя, — это то, что я многое сделал для этого города и никогда не предавал свою мечту снова увидеть солнце. И еще, Ганс, я оставил им подробное письмо, где написал все, что знаю. Что врагов на самом деле никаких нет, что где-то там, на других землях есть солнце и плодородные поля.

Я оставил им твои чертежи корабля. Теперь дело за ними: они могут жить, как жили раньше, а могут начать строить корабли и увидеть другой мир. Мы отплываем завтра?

— Да, на рассвете. Знаете, меня удивляет, что с нами из нашей команды плывут только Карл и Кристиан. И больше никто. Остальные остаются, несмотря на боязнь мести Правления за то, что мы не вернемся. Я не могу понять — почему? Почему они хотят остаться? Не доверяют мне как капитану? Не верят, что где-то есть другие земли и мы до них точно доплывем? Почему?

— Они привыкли. Им нравится остров, они здесь родились и выросли. Им хорошо, и им не нужны другие земли. Тебе в это трудно поверить? — Якоб улыбался и впервые вызвал у Ганса странное чувство: смесь жалости и признательности. Якоб сдавал: мешки под глазами приобрели почти фиолетовый оттенок, ноги отекали, одышка почти не прекращалась.

— Спасибо вам.

— За что? Вот уж никогда не думал, что услышу это от тебя, Ганс.

— За то, что дали мне возможность построить корабль. Даже если нам не удастся доплыть или выжить в бушующем море, я все равно благодарен вам за то, что с вашей помощью понял, что я на самом деле могу. Ведь придумать и построить корабль значительно сложнее и интереснее, чем шить и латать сапоги. Мне сейчас трудно представить, что когда-то это простое дело мне так нравилось. Я — не сапожник. Это я понял. Я могу строить корабли. И еще, быть может, смогу стать настоящим капитаном.

— Сможешь, сынок, непременно сможешь.

«Здравствуй, Анна. Прости меня за то, что пропал тогда. Все было так сложно. Я обещал прийти в обед и поговорить с тобой, но не смог. Так все глупо получилось. Сегодня я хотел встретиться и все рассказать. Но понял, что не могу. Лучше написать. А потом можно и поговорить, если ты захочешь, конечно, со мной увидеться. Я ведь наверняка обидел тебя тогда тем, что не пришел и даже не позвонил. Если после всего, что я расскажу, ты будешь по-прежнему в обиде и не позвонишь, я пойму.

Ты мне нравишься, и давно. Сразу понравилась. Ты — необычная. Красивая, умная, интересная. У тебя потрясающее чувство юмора и, наверное, непростой характер. Мне нравятся твои непослушные волосы, нравится то, как ты морщишь нос, когда задумываешься, и даже то, что с тобой не всегда легко: то ты хмуришься и молчишь, то остришь метко, но не обидно. А то вдруг начнешь хохотать над тем, над чем люди обычно и не смеются. Итак, той осенью ты мне очень понравилась. Но я не знал, как к тебе подступиться. Мне казалось, что ты слегка презираешь все эти шуры-муры, как будто ты выше всех этих любовных штучек. Я боялся выглядеть дураком, показав тебе, что начинаю влюбляться. Учитывая еще и тот факт, что я женат.

Да, женат, ты не знала до определенного времени, а я и не говорил. Наверное, потому, что я и сам не знал, как относиться к тому факту, что я женат. С моей будущей женой мы познакомились, когда были студентами, и быстро поженились. Все влюбленные пары на нашем курсе переженились тог-

да, ну и мы тоже. Казалось, что все так просто: любишь — создавай семью. Через пару лет не то чтобы стало плохо — просто все начало незаметно разваливаться. Я — на работе, она — тоже. Нас как будто перестало что-то связывать, сближать. Детьми мы не обзавелись, так и жили — каждый сам по себе. Не плохо, но и не хорошо. Наверное, мы могли бы развестись, но нам ничего и не мешало все оставить как есть. Пока я не встретил тебя. С тех пор меня начали посещать мысли о разводе. И если бы ты тогда дала мне хоть какую-то надежду...

Так случилось, что моя жена в какой-то момент пошла обследоваться по поводу возможного бесплодия, тут и обнаружилось, что у нее рак. Сначала нам давали неплохие прогнозы, говорили, что вовремя обнаружили, что есть надежда, что не надо отчаиваться. Конечно, мысль о разводе сразу стала беспредметной и невозможной, потому что я никогда не смог бы, да и не захотел бы бросить ее в такое время. Я понял, как она дорога мне на самом деле, как невыносима мне мысль о том, что я могу ее потерять.

Не буду описывать то, что нам пришлось пережить. Но мы прошли через это вместе и были близки, как никогда раньше. Она так мужественно боролась, не сдавалась, но где-то пару месяцев назад сказала: “Я устала бороться. Дай мне умереть”.

Почти невозможно представить, как можно дать умереть любимому человеку. Как можно прекратить бороться и надеяться? И я не слушал ее, звал всех подряд: врачей, бабок, экстрасенсов, травников. Ведь часто так бывает: даже когда болезнь отказывает человеку в праве на жизнь — он выживает, несмотря

ни на какие прогнозы и пророчества. Я тоже хотел верить в чудо. Но вскоре она перестала со мной разговаривать и не общалась с теми, кого я правдами и неправдами притаскивал к ней. Мне казалось невозможным, что она отказывается от жизни, от меня, нашего будущего и нашей любви.

В какой-то момент она сказала то, что я смог наконец услышать: “Тебе не хочется верить в то, что я умираю. И ты бежишь от этой мысли, прячешь голову в песок, пытаешься изменить то, что уже невозможно изменить. Ты оставляешь меня совсем одну. Под конец нашей жизни с тобой, в самый трудный момент оставляешь меня одну. Вот это — самое страшное, страшнее, чем смерть. Если можешь, пожалуйста, не оставляй меня. Будь со мной, ведь так недолго осталось”. И я все понял. Я, такой тупой, наконец все понял! Как же я был благодарен ей за эти слова. Никогда бы не простил себе того, что оставил ее совсем одну только потому, что не готов был смириться с тем, что все так с нами... с ней...

После этого нам обоим стало почему-то легче. Мы много вспоминали нашу прошлую жизнь, вместе плакали, придумывая свою жизнь на десять, двадцать лет вперед, наших детей, дом, внуков... Так я прожил целую жизнь с женщиной, которую потом потерял. Да нет, неправильно пишу. Не ее потерял, а нашу непрожитую жизнь. Жена всегда со мной.

Вот уже месяц, как все закончилось. Ее больше нет, хотя еще иногда я ищу ее, вижу в толпе, оживляю в своих снах, каждый день, как молитву, слушаю ее голос на нашем автоответчике. Ее нет, осталась только моя любовь, которая не исчезает даже оттого, что моей любимой больше нет на этом свете.

Я пишу тебе всю правду, потому что нет смысла лгать. Я не люблю обманывать и обманываться, да и не умею.

Наконец, самое трудное и самое важное: я не хочу тебя потерять, Анна. Как интересного человека, как друга, как девушку, которая когда-то мне так нравилась. Мне бы не хотелось, чтобы ты думала обо мне как о негодяе, который неожиданно исчез из твоей жизни. Но мне так трудно сейчас предложить тебе хоть что-то. Я так пуст и не могу сейчас любить хоть кого-то. Не могу. Даже тебя.

Прошу прощения у тебя, Анна, за то, что обидел тебя и пропал. Но я не мог по-другому. Ты знаешь теперь, что я любил и люблю другую женщину — мою жену. Но я хочу, чтобы ты дала мне возможность видиться и общаться с тобой. Не знаю, видимо, глупо просить тебя о чем-то: прости, не оставляй, поверь. Все глупо.

Я все же рискну: прости, что когда-то вовлек тебя во все это. Поверь, ты — очень важный и особенный человек в моей жизни. Не оставляй меня, если это возможно. Сергей».

Они отплыли на рассвете. «Святая Агнесс» робко проверяла свои паруса. Рассветный ветер, не желая просыпаться, как будто предлагал кораблю сначала освоиться в новой для него стихии, а может, давал возможность их небольшой команде проститься с островом.

На медленно растворяющийся в тумане остров смотрели только Карл и Кристиан. О чем они думали, что переживали, Ганс не знал, а может, боялся задумываться. Он сам и старый Якоб смотрели только

вперед, туда, где вставало гигантское солнце и горизонт манил взлелеянной надеждой.

Смог бы он решиться на все это еще раз, если бы знал, что ждет их в этом путешествии? Три разрушительных для корабля и их маленькой команды шторма. В одном они потеряли Кристиана и несколько парусов. Ганс не сразу понял, что надо убирать все паруса при первых признаках надвигающегося шторма. Опыт давался ему нелегко и стоил дорого.

На пятый день плавания они простились с Якобом. Очередной ночной шторм, видимо, вконец истрепал его сердце так же, как те несколько парусов, которые они не успели убрать. Ганс никогда не мог себе представить, что будет плакать по человеку, которого намеревался всю жизнь ненавидеть.

— Не плачь, сынок. О чем еще можно мечтать? Я вижу солнце, вот уже пять дней подряд я вижу его, а ночью — звездное небо. Никаких дождей и тумана. Только шторма... шторма — это страшно, но честно: природа бунтует, проверяет нас — действительно ли мы способны одолеть море? Лучше шторма, чем туман. Нет ничего хуже этого туманного спокойствия и бесконечных дождей.

— Но я не знаю, доплывем ли мы хоть куда-то. Кругом только море, я стараюсь держать курс на восходящее солнце, но есть ли там земля, не помешалось ли мне тогда? Где она? Мне страшно. Продержитесь еще хоть пару дней, и мы увидим землю, обязательно увидим.

Он изо всех сил старался держаться уверенно и убедительно, но на самом деле ему так хотелось кричать в отчаянии: «Не оставляйте меня совсем одного!!!». Когда они вместе грезили новыми землями,

все это не казалось несбыточным и невозможным. Теперь же, когда Якоб покидал его, Гансу стало казаться, что одного его желания не хватит для того, чтобы помочь кораблю найти землю.

Еще через три дня ему уже хотелось завязать себе глаза, чтобы перестать мучительно всматриваться в горизонт и не смотреть в лицо Карлу, пока тот, видимо, почувствовав что-то, не подошел к нему и, положив руку на плечо, слегка приобняв его, сказал негромко:

— Ганс, ты не виноват, что земли по-прежнему нет. Я ничего не ждал и не жду, пусть будет так, как будет. Давай просто плыть вперед. Воды у нас еще хватит дня на три, еды, можно сказать, тоже. Давай эти три дня наслаждаться морем, оно ведь такое синее, и солнцем — оно такое яркое. И на облака будем смотреть не как на предвестников туч и штормов, а как на чудо небесное. Разве они не чудо?

Тот вечер они встречали, просто сидя на палубе, плечо к плечу, наблюдая, как небо в полной тишине гасит краски, милостиво разрешая появляться многочисленным звездам. Ощущение свободы от ожиданий, надежного плеча рядом и готовности ко всему, что пошлет им завтрашний день, наполняло этих совсем еще молодых людей покоем и силой.

Она читала письмо и плакала, с самых первых строк все поплыло перед глазами. Господи, какая же грустная и несправедливая эта штука — жизнь! Ну почему так много людей вокруг умирают? Как жалко их всех: его, его жену, себя. Ну и зачем жить, если все так?

Какой привычный вопрос, ты опять за свое... хотя уже прекрасно знаешь, зачем: ради всего этого. Ради всего того, о чем он пишет. Чтобы любить, дорожить, вместе проживать все, что ни пошлет жизнь, чтобы строить планы и приходить в отчаяние оттого, что они не могут сбыться, чтобы страдать, терять, оплакивать и пробовать жить снова. Этого мало?

Но это же так больно! Больно ждать, не зная, что будет; расставаться, не зная, встретишься ли вновь. Больно, когда бросают, не объясняя причин, когда не можешь удержать, спасти, вернуть. Ведь больно же!

Конечно, ты же живая, как иначе? Пока жива, будет больно, но и сладко тоже, и тепло, и уютно, и трепетно. Убегая от боли, можно так увлечься, что убежишь от жизни, далеко-далеко — от жизни и себя самой. Тебе ли не знать!

— Девочка, не знаю, что он там тебе написал, но, думаю, что-то правильное, раз ты так плачешь. А плачешь — значит, любишь. Ты такая молодая, умная и живая... Поверь мне, старику, все в твоей жизни еще будет, вот только по-настоящему близких людей немного в нашей жизни, они — то, что никак нельзя упустить. — Бровастый бухгалтер стоит возле ее стола и нежно гладит ее по голове, печально глядя в ее зареванное лицо.

Теперь ей пришла пора удивляться и неметь от того, что в их офисе начинают происходить невероятные события. Она поднимает затуманенные слезами глаза и замечает тоже слегка зареванную Динку, притащившую ей стакан воды, Анжелу, смотрящую на нее с состраданием и протягивающую свой идеально белый платок с розовой вы-

шивкой, Игорька, сидящего рядом и просто держащего ее за руку...

Проверяя дома вечернюю почту, она, как всегда, отвечает Вере, увлеченно описывающей такую теперь непростую жизнь ее маленького агентства, Михаилу, каждый день пишущему ей смешные и трогательные письма из любого города, в который заносит его журналистская жизнь. В конце каждого его письма, так же как и в этом, стоит приписка: «Я всегда с тобой. Если ты решишься, только позвони — я окажусь рядом быстрее, чем ты успеешь улыбнуться».

Потом среди кучи спама она замечает письмо от одного из рекрутинговых агентств, куда она так давно посылала свое резюме. Ее зовут на собеседование в компанию, в которую она даже и не мечтала попасть. Сердце начинает колотиться: она так долго этого ждала! «А как же свои? Как я без них?» — удивляясь сама себе, вдруг понимает Анна. Да не возьмут еще, чего зря волноваться. Таких, как она, не берут. Не обманывай себя, «таких» — это же про тебя из прошлого. Возьмут тебя или нет, действительно вопрос, но давай уж не прикидываться жертвенной овцой. Надоело. Ты тут ни при чем: ты просто подойдешь им или нет. Но теперь, как бы все ни сложилось, ты знаешь, кто ты такая: тебя зовут Анна!

Ночью ей снятся песчаный берег, красивая бухта, обломки какого-то старинного корабля, неподалеку от нее — юноша, лежащий на песке. С невероятным усилием она поднимает голову и ощущает, как же страшно она устала в конце трудного пути, невыносимо тяжелого пути, в котором могла не выжить. Но благодаря своему упорству и отваге выжила.

Теперь у нее нет сил ни на что, разве что перевернуться и увидеть невероятное, острое солнце, пронзительно-зеленым слепящее сквозь листву. Во сне, сквозь непомерную усталость, ее начинает наполнять необъяснимое счастье просто потому, что она видит солнце, и ощущение того, что она сделала в своей жизни что-то настоящее, невозможное, важное и великое.

Теперь она может немного отдохнуть... Еще немного отдохнуть для того, чтобы потом, чуть позже, подняться, осмотреться и начать осваивать тот новый мир, в который занесла ее судьба, и этот старый корабль...

Утром, умывшись и выпив кофе, собрав в кулак все свое мужество, она дрожащей рукой, но без колебаний берет телефон и набирает знакомый номер.

ОСВОБОЖДАЯСЬ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

(Взгляд психотерапевта)

Если болит душа...

У каждого человека хоть раз в жизни болят зубы, ну хотя бы раз. И тогда он знает, что надо делать, — идти к стоматологу. У него не возникает сомнений в том, что без помощи специально обученного человека ему не справиться. Он идет и получает помощь. Все просто.

Но что делать, если болят не зубы, а душа? Или даже душа не болит, а так — проблемы, бессонница, все не так, как хотелось бы. Живет себе человек, но счастья нет, сплошные неурядицы да тоска. Тогда куда идти? Часто обращаются к друзьям, батюшкам, к мудрым старшим взрослым. Книги читают, ходят к гадалкам — будущее узнать, к ясновидящим и экстрасенсам — снять порчу. И помогает! И хорошо.

Все вышеперечисленные выслушают, поделятся с вами своим опытом, дадут совет, снимут порчу. Вам полегчает... до момента возникновения ваших следующих проблем. А они непременно появятся, не потому что с вами что-то не так, а потому что на каждом этапе жизнь ставит перед нами новые задачи, которые всем нам предстоит решать. И тогда что делать? Неужели снова бежать к тем, кто дает советы относительно вашей уникальной ситуации и неповторимой жизни?

Очень часто к нам, психологам, приходят люди именно с этим: они хотят совета, у них есть проблема (или несколько), и они хотят решить ее или что-то понять. Этот процесс называется консультация. Подразумевается, что психолог является неким экспертом в области, в которой он понимает, и он может ответить на вопросы, поделиться видением, дать совет.

Консультация обычно занимает час, и то, с чем уходит обратившийся к ним клиент, — это некое новое видение своей проблемы, чуть более расширившиеся горизонты, не-

много другой, ранее невидимый фокус. Кому-то этого вполне достаточно. Теперь он сможет жить дальше и пробовать подходить к своей проблеме совсем с других сторон.

Иногда пришедший к нам клиент в процессе встречи понимает, что проблема не так проста, как ему казалось вначале, и без посторонней помощи, собственными силами решить он ее не в силах. Нужен сопровождающий. И тогда оба — психолог и его клиент — фокусируются на выявленной проблеме и начинают ее решать. Если проблема, симптом, запрос недавно возникли и не имеют корней в глубоком детстве, то, скорее всего, нескольких встреч будет вполне достаточно. Но если трудности клиента имеют давнюю историю и связаны со многими пластами его психики, то методики, направленные на краткосрочное лечение, могут принести только временное облегчение. В таком случае потребуется более долгосрочная и масштабная работа, которая может занять не один месяц и даже не один год.

Психотерапия — это...

Есть еще один вид психологической помощи, о котором я и написала эту книгу. В нашей стране его называют психотерапией, что, строго говоря, не совсем терминологически верно. Психотерапия на Западе подразумевает медикаментозное сопровождение и проводится врачами — психиатрами или психотерапевтами, то есть людьми с медицинским образованием. В нашей стране все не так. У нас психотерапевтом негласно называется любой психолог, который помогает человеку узнать себя и изменить свою жизнь.

Меня часто спрашивают люди, не имеющие отношения к психологии, что же это такое — психотерапия? Кому она нужна? Что собой представляет? Зачем тратить на это столько времени и денег? Я периодически испытываю неловкость и отчаяние от того, что не могу просто описать то, чем я так давно занимаюсь. Что такое психотерапия, в двух словах не расскажешь. Помощь человеку в трудной ситу-

ации? Нет, это, скорее, про те процессы, которые я описала выше. «Лечение души» — если перевести дословно? Ближе, но тоже не то. «Путь, странствие», — так говорят об этом многие психотерапевты. Еще теплее. Но все равно не точно. По-прежнему не нахожу одного слова, чтобы описать, что же это такое.

Психотерапия для меня — это прежде всего когда-то принятое решение. Нет, пожалуй, все начинается еще раньше: с честного взгляда на свою жизнь. В какой-то момент вы понимаете, что живете не совсем так, как хотите и могли бы. И во всем этом никто не виноват, кроме вас самих, вы так живете, потому что в своей жизни принимали много мелких и крупных решений для того, чтобы теперь жить именно так. Впрочем, понимание этого придет к вам не сразу, поначалу вам, как и всем, будет казаться, что мир к вам несправедлив, что у вас несчастливая судьба, испорченная карма, вы родились не под той звездой. И люди вокруг вас злы и глупы, раз не хотят признавать ваши очевидные таланты и достоинства или почему-то не желают относиться к вам по-человечески.

И если в какой-то весьма светлый, но трудный момент вам открывается очевидность того, что, оказывается, бесполезно ждать, пока мир решит восстановить справедливость и воздаст вам по заслугам, и вы понимаете, что, как ни крути, придется начинать с себя, — вот тогда вы и оказываетесь в моем кабинете. Так что на самом деле все начинается с невысказанных, но назревающих где-то глубоко вопросах: кто я? Почему так случается со мной? Что нужно сделать, чтобы не случилось? Что мне нужно поменять в своей жизни? И как это сделать? А иногда вам уже так больно и плохо, что у вас не остается никаких сомнений в том, что менять жизнь нужно непременно и как можно быстрее.

Итак, первый этап психотерапии все равно так или иначе связан с наличием какого-либо уровня дискомфорта в жизни человека. Ведь если вам хорошо, то нет никакой мотивации к изменению. Вот и получается, что на психотерапию нас приводят кризис, страдание, переживание, боль.

И в тот момент мы ненавидим это состояние, хотя на самом деле должны быть ему благодарны, потому что именно дискомфорт, который посещает каждого человека при переходе с одного жизненного этапа на другой, дает нам толчок к развитию, движению, трансформации.

Зачем нам наши проблемы?

Наша жизнь циклична. Так уж устроено все в природе: день сменяется ночью, лето осенью, молодость зрелостью. Так и в нашей психике заложена потребность в чередовании. Есть периоды спокойствия, радости, удовлетворенности. Но каждый из нас знает, что если задержаться в них надолго, то спокойствие превращается в скуку, радость сменяется пресыщением, а удовлетворенность переходит в тоску. И тогда нам хочется чего-то нового, чтобы хоть немного выйти из равновесия и начать снова бороться за то, чтобы спокойствие и безопасность были восстановлены.

Как это ни парадоксально звучит, мы должны быть благодарны своим проблемам и неприятностям. Ведь кризисы, неприятности, перемены в нашей жизни случаются для того, чтобы у нас была возможность научиться чему-то новому, стать немного другими. Беда в том, что некоторые люди не умеют использовать кризисы и проблемы для развития. Они боятся проблем и затрачивают массу сил и энергии на то, чтобы избежать их, а в итоге избежать изменений в самом себе. Но, как правило, совсем уклониться от проблем не удастся, и тогда на кризисные или трудные ситуации мы чаще всего реагируем набором своих прежних моделей поведения, комплектом своих сложившихся стереотипов. В результате либо кризис преодолевается с трудом, либо мы все-таки вынуждены принять какое-то новое для самих себя решение.

Итак, вам больно, плохо или просто неуютно жить. Это означает, что ваши прежние модели поведения, взгляды на жизнь, способы взаимодействия, наверное, вполне эффективные в детстве или юности, теперь не спасают вас, не по-

могут, попросту не работают на новом этапе вашей жизни. Скорее всего, не все, но некоторые, возможно, наиболее важные в этот момент. Очень часто вы даже не осознаете, что это за модели, как именно вы поступаете и как еще можно поступать в таких ситуациях. Причем чем более жестким было воспитание, тверже убеждения ваших родителей, тем более узким будет ваше представление о том, как устроен мир. В детстве ограничения и запреты были вам необходимы, чтобы обеспечить вашу безопасность. Но взрослому человеку важно научиться смотреть на мир шире. Сделать это без посторонней помощи очень непросто, отчасти потому, что вы уже совершенно убеждены — мир устроен именно так, как вы привыкли его воспринимать. Что если упорно трудиться или всем помогать, во всем себе отказывая, то будет счастье. Или если быть послушным, хорошим, приносить себя в жертву идее или человеку, то непременно настигнет воздаяние или награда.

Но со временем вы понимаете, что уже столько сил положено на то, чтобы всего этого достичь, а никак не получается: любимые бросают, родители все равно чем-то недовольны, начальство не признает, ни счастья, ни воздаяния, ни награды. Как же так? Вы же так старались! И чем еще это объяснить, как не мировой несправедливостью? Объяснить можно. Например, вашим нежеланием прощаться с детскими представлениями и иллюзиями. Более того, какое-то время вы будете не готовы даже к тому, чтобы согласиться, что это иллюзии. И правильно — для этого нужны время и чей-то взгляд, который поможет увидеть вам, к чему приводят в теперешней жизни ваши устоявшиеся представления.

Сначала, возможно, вы будете встречать подобные открытия с сопротивлением. И это понятно. Ваша психика с детства понастроила себе крепостных стен и бастионов на случай всяких неожиданностей и неприятностей и теперь не готова так просто отдать вам все это на растерзание. Кто же будет вас защищать, если вы все стены развалите? А вдруг кто-то или что-то причинит вам боль или ранит? А вы без стен? И что тогда вас защитит? Вот именно поэтому

перестройка ваших представлений и защит будет происходить очень постепенно. Ведь быстро развалить старые защиты, к счастью, психотерапевт не сможет: ваша психика будет упорно сражаться за поддержание своей внутренней экологии.

Пример. В детстве в вашей семье главной ценностью было быть умным, много и постоянно учиться, блистать эрудицией, все время повышать свой интеллектуальный уровень. Поэтому вам ничего не оставалось, как много учиться, все время демонстрировать свои знания, чтобы быть принятым и любимым в вашей семье, потому что ребенку-изгою почти невозможно выжить. В школе и институте у вас было все отлично — вы умели учиться и выдавать свои знания на радость вашим учителям и родителям. Но вот наступил новый этап вашей жизни: вы пришли на работу, а там уже не нужно ваше умение учиться или демонстрировать свой интеллект, там нужно уметь взаимодействовать с людьми или совершать ответственные выборы или выдавать нестандартные решения. А вы продолжаете блистать эрудицией, и вам непонятно, почему вас не уважают коллеги, а начальство считает, что вы плохо справляетесь. Вы же такой умный! Умнее их всех! Вы пытаетесь умничать еще больше, и это почему-то приводит к худшим результатам...

Потом наступает новый этап в вашей жизни. Уже все ваши сверстники повлюблялись не по разу, некоторые уже женились, особо одаренные уже даже развелись. А у вас так и не было нормальных долгих отношений. И понятно почему: ведь все девушки — ужасные дуры. С ними скучно. А если им начинаешь рассказывать о какой-либо новейшей теории, их взгляд стекленеет и дальнейшая беседа теряет всякий смысл. Они интересуются вами, но недолго, поскольку не могут долго удерживать в фокусе внимания смысл того, что вы им вещаете. Вам никак не уловить, что вместо ваших теорий они хотят слышать что-то другое. Но что?

И вот вы в кризисе. Недовольство начинает накапливаться по всем фронтам. При этом вам совершенно не понятно, за что. Ведь вы же все делали правильно: учились, много знаете — тогда почему все так?

Друзья, если они у вас, конечно, есть, скажут: «Будь проще и все. Не умничай. Расслабься. Будь своим парнем». И посягнут тем самым на ваши защиты. Мало того, что вы не знаете, как это — быть проще, так вы еще не понимаете, как это — отказаться от того, чтобы измерять мир своей интеллектуальной линейкой. А тогда чем? Почему успеха добиваются не самые умные? И почему они же не получают больше всего денег и вообще всех земных благ? Как жить тогда? От чего отталкиваться?

Поэтому вы не сможете быть проще, как бы ни старались. Да и хорошо. Потому что на самом деле вы уже не просты. Вам не проще надо стать, а шире, больше, глубже. Не ум убрать, а нарастить другие способности, навыки, модели. Научиться прислушиваться к себе, например, и доверять не только знаниям и логике, но и интуиции, освоить непростой для вас язык чувств, принять в себе свою возможную глупость и ограниченность, тогда будет проще принять чужую, узнать себя и начать ценить свою необычную личность не только за высокий интеллект.

Вы не изменитесь

Психотерапия не заберет у вас ваш прежний способ жить, вы всегда сможете использовать прежние модели, если вам захочется к ним вернуться или если они на каком-то этапе вашей жизни будут больше всего ей соответствовать. Но с ее помощью вы узнаете о многочисленных вариантах, среди которых будут те, которые значительно больше подходят к новой ситуации, чем прежние, устоявшиеся и проверенные. От некоторых начинающих клиентов я не раз слышала о такой популярной «страшилке»: психотерапия может тебя поменять, ты станешь совсем другим и перестанешь быть собой. Признаюсь, когда-то и я этого боялась. Но мой собственный клиентский и психотерапевтический опыт говорит об обратном: вы останетесь собой, даже если вы будете очень сильно желать стать кем-то другим. Есть что-то

очень глубокое и неизменное внутри, что не поменяется в вас до конца вашей жизни, сколько бы усилий вы к этому ни прилагали. Но что практически гарантированно произойдет с вами на встречах с психологом — это то, что вы станете собой еще больше, чем были ранее.

Пока вы росли и выросли, люди вокруг видели вас, как правило, с какой-то одной стороны, ну максимум с двух, и очень скоро вы сами стали считать себя таким. И если бы не кризис и не психотерапия, то вы могли бы так и не узнать, на что еще способны. Ведь на самом деле каждый человек — это огромный мир, целая вселенная, необъятная, непознаваемая. Но большинство людей привыкли воспринимать себя маленьким городом, крохотной деревней, небольшим туманным островом, не желая соприкоснуться с собственным величием и непостижимостью. Их нежелание объяснимо: если хоть немного соприкоснуться с собственной глубиной и мощностью, то уже невозможно будет делать вид, что вы не знаете, насколько вы талантливы и каким потенциалом обладаете. И тогда ваше знание будет спрашивать с вас, требовать реализации, развития, роста. «А оно нам надо?» — будет на это всегда вопрошать та ваша часть, которая хочет комфорта, покоя, стабильности.

Поэтому психотерапия — это, безусловно, риск. Риск невозвращения в прежние детские и иллюзорные представления о мире, риск потери представления о себе прежнем, риск большего знания о себе, с которым вам как-то придется обходиться. И человек, отправляющийся в это отнюдь не веселое, но чрезвычайно увлекательное путешествие по собственной вселенной, — настоящий герой. Герой во всех смыслах этого слова, теперь регулярно и запланированно (как у знаменитого барона) свершающий свой подвиг.

Не раз за время этого путешествия вам захочется все прекратить или остановиться. Это тоже объяснимо и даже нормально: затратно, да и неправильно все время открывать свои внутренние территории. Открыв, их еще нужно исследовать, освоить, обжить. Без этого трудно, а иногда и невозможно двигаться дальше. Поэтому, если вам кажет-

ся, что ваша психотерапия «буксует», или вам очень хочется сделать перерыв, то этому, как правило, есть причины. И одной из таких причин будет желание пожить с тем, что вы узнали, освоить то, что открылось, принять это, сделать своим. Здоровый организм требует чередования периодов спокойствия и удовлетворения и периодов перемен, развития и роста. Психотерапевт поможет вам заметить, на каком периоде ваша психика по каким-либо причинам застревает. Поскольку потребность в безопасности является базовой, а потребность в росте и развитии — более высокого уровня, то чаще всего мы выбираем именно безопасность в ущерб всему остальному. Это объяснимо, если человек не ощущает себя сильным, глубоким, уверенным в себе.

Одна из задач психотерапии — возвращение вам вашей целостности, а потому чем больше о себе вы узнаете, чем активнее себе это присваиваете, тем больше у вас появляется сил, интереса, уверенности и желания развиваться. Психотерапия — процесс самоиндуцирующийся. Чем больше вы занимаетесь собой, тем больше у вас рождается желания и возможности открывать в себе все больше. Есть ли конечность в этом процессе? Все будет зависеть от ваших жизненных целей, потребностей и намерений. Сколько можно узнавать вселенную? Сколько пожелаете.

Психотерапия не делает людей счастливее

Это правда. Она делает их взрослее. Если наши клиенты приходят к нам за счастьем, то их ждет большое разочарование. Когда-то в детстве мир щедро дарил нам счастье большими ложками, по крайней мере, некоторым из нас. Нас так просто было изумить, порадовать, впечатлить, но чем старше мы становились, тем меньше у мира оставалось возможностей сделать это, да и у нас год от года терялась детская острота впечатлений. В какой-то момент мы начинали ощущать, как утекает то, что раньше принадлежало

нам по праву, и у нас непременно возникало подсознательное желание вернуть все то позитивное и волшебное, что мы переживали в то время, когда деревья были большими. Как трудно смириться с тем, что это тоже иллюзия. Потому что вернуть это невозможно. Психотерапия поможет вам понять эту простую истину. И вам будет печально от этого осознания, уверяю вас. Но в то же время вы перестанете тратить много времени, сил и энергии на то, чтобы вернуть то, что невозможно вернуть.

Как ни парадоксально, несмотря на то что мы развиваемся и растем, что-то в нас все время хочет вернуться назад — к тому хорошему, что было. Мы — не всегда осознанно — хотим вернуть себе детское ощущение защищенности, радости, включенности в жизнь, возможно, поэтому так крепко держимся за свои детские иллюзии и защиты. Но мы становимся старше, и жизнь на каждом следующем этапе бросает нам все новые и новые вызовы, на которые часто невозможно ответить, используя прежние модели, средства и способы жить.

Возможно, поэтому одна из задач психотерапии — помощь во взрослении, то есть приведение в соответствие вашего реального возраста и возраста психологического. Не так много людей в нашей стране соответствуют датам рождения, обозначенным в паспорте. Считается даже модным казаться моложе. Но вы всегда почувствуете разницу между «быть молодым», «молодо выглядеть» и «молодиться», то есть по каким-то причинам убегать от своего реального возраста, делать вид, что вас он не очень касается. Выглядит это, согласитесь, как минимум печально.

Некоторые люди, получив в определенный момент своей жизни психологическую травму, остаются в том психологическом возрасте, в котором эта травма была получена, либо возвращаются в этот возраст в те моменты, когда происходит нечто похожее на ту детскую психологическую травму. Я видела немало уже совсем немолодых людей, которые ведут себя как пятилетние дети, много таких, чье поведение «тянет» только на начальную школу, и бесчис-

ленное множество тех, кто так и не «перевалил» за пик подросткового кризиса. «Чем плохо?» — спросите вы. Как минимум тем, что вы теряете возможность прожить все остальные возраста.

Бабушка, ведущая себя как напуганная, закомплексованная маленькая девочка, навсегда теряет возможность прожить жизнь как юная девушка, взрослая женщина, зрелая и мудрая представительница рода человеческого, если отказывается даже начать это увлекательное путешествие под названием «психотерапия». А ведь этой бабушке, какой бы маленькой она ни была внутри, все равно предстояло решать взрослые задачи: рожать и растить детей, держать дом, делать карьеру. И совершенно очевидно, что делать все это страшно тяжело с незрелой, неразвившейся психикой. Маленьким девочкам совсем непросто справляться со взрослыми делами. Поэтому такая бабушка, как правило, к своим шестидесяти годам будет иметь уже букет болезней, не только потому, что он ей положен по возрасту, но в большей степени потому, что перенапряжение, которое она испытывала всю жизнь, организм уже устал выдерживать.

Плохо ли, хорошо ли, но вы и без всякой психотерапии сможете решать большинство задач, поставленных перед вами жизнью, весь вопрос только в том, какую цену вам предстоит заплатить за это. Сколько вы потратите сил, как это отразится на вашем здоровье... Важно понимать еще и то, что те, кому все-таки удалось повзрослеть, и те, у кого паспортный и психологический возрасты приведены в соответствие, будут всегда успешнее, богаче, плодотворнее чем те, с кем этого не случилось. Просто потому, что у них не будет уходить столько жизненной энергии на поддержание детских иллюзий.

Так что с помощью психотерапии ваша жизнь не станет счастливее. Я, во всяком случае, не выписала бы вам гарантийный талон на счастье. Но она точно будет становиться все более качественной, интересной, наполненной. Это не значит, что в ней больше не будет проблем или трудностей. Они будут, если вы живете не в сказке, которую сами себе

придумали. Но вы будете значительно легче с ними справляться, каждый раз узнавая при этом что-то новое о себе и мире, осваивая очередные способности и возможности.

Те, кто всеми силами старался избежать какой-то своей внутренней катастрофы, научились только тому, как избегать. Тот, кто ее пережил и осмыслил, тот понял, насколько он силен, мудр и стоек. Ему такие катастрофы становятся уже не страшны. У него появляется возможность встречаться со всем тем новым, что преподносит ему жизнь. И все потому, что у него появляется все больше и больше опыта справляться с самыми разными проблемами и ситуациями, становясь при этом все объемнее и многограннее.

Те, кто живет в детском страхе перед катастрофами, тратят свою жизнь на тревожное ожидание, на выстраивание своей жизни под паранойяльным девизом «как бы чего не случилось». И в этом смысле они уже живут в своей внутренней катастрофе, от которой так мучительно бегают, затрачивая на это дни своей драгоценной жизни. Страшно поменять квартиру, сменить место работы, поехать в другую страну, познакомиться с новыми людьми, расстаться со старыми привычками. Пусть плохо, не нравится, даже мучает, приносит страдание, но зато — знакомо, известно, предсказуемо. Парадоксально, что надгробная надпись «С ним так ничего и не случилось» была бы худшим из вариантов того, как можно было бы прожить свою жизнь.

Зачем все же взрослеть?

Это и правда невыгодно, особенно тем, кто вами управляет. Когда вы были ребенком, за вас отвечали ваши родители, они всем своим поведением показывали: жизнь такова, мы живем по таким законам, и ты будешь жить так же. И вы соглашались, потому что ребенку надо на кого-то ориентироваться. Возможно, вы протестовали в подростковом возрасте, то есть делали наперекор, независимо от того, чего вам хотелось на самом деле. Но как бы вы ни по-

ступали в детстве, когда вам за тридцать, вы с удивлением замечаете, что отчасти чем-то повторяете жизнь ваших родителей, даже если твердо поклялись никогда этого не делать.

Мы же должны из чего-то состоять. Вот мы и состоим из плоти и крови родительской, которая несет их же генотип, и наша психика состоит из их установок, моделей, принципов, взглядов на жизнь. И нравится вам это или нет, но стоит признать: мы опосредованы и обусловлены фактом того, что мы чье-то продолжение. И пока мы были детьми, у нас было не так много возможностей для того, чтобы противостоять установкам взрослого мира, оспаривать их, подвергать сомнению, делать по-своему. В чем-то мы должны были подчиниться просто потому, что власть находилась в руках взрослых.

По мере взросления у нас появлялось все больше и больше возможностей решать что-то самим, выбирать, как поступать, что делать. Мы становились свободнее, не замечая, как, перепробовав все то, что нам запрещали, возвращались к тому, с чем росли, не отдавая себе отчета в том, что окружаем себя тем, что неявно напоминает о наших детских временах. Вы хоть раз задавались вопросом, почему некоторые мужчины живут с женщинами, которые их подавляют или без конца закатывают скандалы, критикуют, обесценивают. А почему женщины не уходят от мужчин, которые их унижают, оскорбляют, бьют? Что заставляет их оставаться в очевидном страдании? Не только страх перемен и боязнь начать все с начала, но и скрытое желание организовать себе ситуацию детства, воспроизводя то, что уже происходило с вами раньше. И самое печальное, что большинство людей даже не готовы признаться сами себе в том, что все повторяется: они ходят по кругу, по которому густо разбросаны невидимые грабли.

Если родители были «плохие», а детство травматичное и неважноецкое, тогда полечиться, наверное, стоит, скажете вы. Но если родители были чудесные, детство счастливым, то ведь вполне можно стать такими же, как они, — богаты-

ми, здоровыми, успешными. Можно, но не получится. Потому что такими, как они, вы все равно не станете. Они в свое время прошли свой путь, а вам предстоит пройти свой, и вы не сможете сделать это, ступая след в след. Да и вы — не их клон, а отдельная и уникальная личность, которую вам неплохо бы узнать, потому что в любом случае вы живете в немного другое время, как минимум с двадцатилетним разрывом. Конечно, взрослые, гармонично развитые родители могут помочь своему ребенку найти себя и свой путь. Но помочь — а не сделать это за него.

Вы трепещете, когда вас ругает начальство, боитесь свекрови, напрягаетесь, когда к вам обращается кто-то, кто старше вас? Вы, конечно, не верите в Деда Мороза, но почему-то вам очень хочется верить в доброго «батюшку-царя», хорошего президента или хотя бы в существование мировой справедливости. Это означает, что вы по-прежнему там, на детской земле. Слышу ваше возмущение. Я же принимаю ответственные решения! Я совершаю трудные выборы, зарабатываю деньги! У меня у самого дети есть! Верю. «Дети» тоже могут быть ответственными, принимать решения и даже зарабатывать деньги.

Взрослый — это тот, кто сам творит свою жизнь, тот, кто живет аутентично, то есть соответственно себе самому. Так, как ему нравится, так, как ему подходит, в соответствии с теми ценностями, которые выбирает. Взрослый — сам себе законодатель и судья. Даже если он совершает что-то, что противоречит законам государства, он отдает себе отчет в том, что последствия непременно наступят. Поэтому любые выборы и решения совершает он сам и готов платить за них определенную цену. Взрослый не испытывает стыда, потому что нет того пальца сверху, который может показать на него и сказать: «Какой плохой мальчик! Ты все делаешь неправильно! Как тебе не стыдно!», — поскольку, прав он или нет, хорош или плох, решает теперь только он сам.

И прежде чем понять, как все-таки следует строить свою жизнь, стоит определиться с тем, кто вы такой. Что в вас неизменно, с чем вам предстоит смириться, а что очень

хочется, а главное — возможно поменять. Какие родительские представления и установки лично вам вполне подходят, а какие только мешают жить. Осознать, за что вам стоит поблагодарить своих родителей, а что трудно забыть и простить. Отзлиться за то, что они сделали с вами не так, «предъявив счета» и поняв, что вам их уже никто не оплатит. А после всего этого простить их, осознав, что они были не идеальными богами, пришедшими на землю, чтобы сделать вашу жизнь счастливой, а просто людьми, живущими своей жизнью и совершающими ошибки, как все смертные. Как вы сами, воспитывая теперь ваших собственных детей. И познакомившись со своими детскими ожиданиями, иллюзиями, представлениями о мире, пересмотрев их и выбрав себе те, которые на данный период жизни вас устраивают, вы двигаетесь дальше, по возрастной шкале, доделывая в каждом возрасте то, что в свое время по каким-то причинам не удалось доделать, завершая то, что почему-то не удалось завершить.

Вы обращали внимание на то, что старики бывают разными? Можно грубо разделить их на два подвида. Бывают те, кто источает мудрость и покой, — с ними приятно находиться, к ним тянется молодежь, потому что рядом с ними ощущаешь себя принятым, понятым, хорошим. Они принимают свою старость, многое знают о жизни, но никогда не полезут с советами и наставлениями, если вы не попросите. Они знают и принимают самих себя, поэтому им легко принять окружающих их людей, жизнь, которой они живут, и даже смерть, которая с каждым прожитым днем становится все ближе.

И есть те, кто не позволил себе в жизни многого из того, что хотелось, и поэтому завидуют молодым, у которых еще все впереди. Их представления о жизни жестки, и потому они впадают в панику или злобу, когда наступают перемены или происходят события, плохо укладывающиеся в их привычные взгляды. Они желчны, требовательны, критичны, недовольны всеми вокруг, во многом потому, что недовольны собой и тем, как сложилась их жизнь. Они боятся смерти,

потому что она — конец всему, а «пожить для себя так и не успели». Вот этот второй подвид и есть те самые, по каким-то причинам так и не повзрослевшие старики.

Так что взрослеть, по-моему, все-таки стоит. Хотя бы для того, чтобы прожить свою жизнь, а не чужую. И еще, быть может, для того, чтобы жить с ощущением, что ты открываешь неизведанную землю, творишь собственную судьбу, плетешь свой уникальный ковер поступков и событий, а не просто каждый день своей ценнейшей и единственной жизни стараешься все делать так, чтобы избежать неприятностей, осуждения и наказания от кого-то, кто решит, что он вправе знать, как тебе жить, управлять тобой и судить тебя.

Трата времени и денег?

Психотерапия — это дорого. Даже в нашей стране. И неудивительно, что это так. Не только потому, что сами психотерапевты тоже проходят свою психотерапию, берут супервизию у более опытных коллег, постоянно обучаются, затрачивая на это много времени, денег и сил. Но еще и потому, что это непростая профессия, требующая не только хорошего образования, высокой квалификации, но и способности выдерживать эмоции клиентов, их переносы, чувства, направленные к нему, но непосредственно к нему не относящиеся. Это профессия, требующая большой психологической устойчивости в сочетании с высокой восприимчивостью, ответственности и духовной силы в сочетании с тонкой душевной организацией, отличных аналитических способностей и умения ощущать малейшие оттенки чувств. Психотерапевт должен уметь помогать и сочувствовать другим людям, но не давать им нарушать свои личностные границы, не переносить на клиентов собственные проблемы и сложности, уметь выносить чужую агрессию, самому быть на страже своих интересов, при этом оставаться гуманистичными, принимающими, эффективными.

Человек по натуре своей добр, и когда его близкий или даже не очень близкий человек попадает в неприятности, желание помочь и спасти сколь очевидно, столь и естественно. Не прольется и трех слез несчастной жертвы, как почти каждый вот такой добрый человек начинает увлеченно играть в спасателя.

Что делают настоящие подруги, если одну из них только что бросил муж? Они тут же собирают совет. И предлагают: быстро перестать реветь, немедленно забыть этого подонка, надеть свое самое лучшее платье, пойти развеяться и прямо сегодня вечером найти себе другого. Все эти советы и предложения будут ровно противоположны тому, что стоит делать женщине, переживающей стресс и потерю, с профессиональной точки зрения. А уж если несчастная женщина начнет сопротивляться и не захочет всего этого делать, то подруги будут точно разочарованы, и их спасательный пыл очень быстро поутихнет. При этом бедная женщина останется не только «брошенной» мужем, но и не понятой собственными подругами.

Возвратимся к метафоре с зубным врачом: у вас болит зуб, а вы вместо врача с его лекарствами, бормашинами и пломбами идете к другу и говорите ему:

— Зуб болит, представляешь, уже второй день!

А он вам на это:

— Да забей, подумаешь — зуб! Вот у меня тут вчера голова знаешь как кружилась! А ты — зуб!

Или:

— Зуб болит? Да ты пойди сладкого поешь, отвлечешься...

Жаль, что редко кто может человека с душевными проблемами послать именно туда, куда нужно: к психологу или психотерапевту. И дело, конечно, не только в том, что наша профессия незнающими людьми воспринимается эмоционально нагруженно, небезопасно, с опаской испортить репутацию, но и в том, что люди плохо представляют себе, что это за процесс. Психотерапия — это не спасательство, как может показаться на первый взгляд, это метод профессиональной помощи и сопровождения.

— Вот за что я плачу, если мой психотерапевт только сидит и меня слушает? — часто слышу я от людей, не очень с психологией связанных. Но, во-первых, вы, наверное, даже не замечаете того, как редко вас внимательно слушают. Ведь в обычной жизни, не в кабинете психотерапевта, многие любят больше рассказывать о себе, чем слушать. Любят давать советы, даже когда вы о них совсем не просите. Они предлагают вам легкие, со своих точек зрения, решения, к которым вы совсем не готовы, впихивают в вас свои опыт и ум, вместо того чтобы помочь вам приобрести собственный. Они будут останавливать ваши чувства: не плачь, не бойся, наплюй, забей, забудь, брось, начни все с начала. Вместо того чтобы помочь вам обнаружить и прожить то, что было не прожито и мешает вам жить дальше. Помочь разобраться в себе и принять единственно верное именно с вашей точки зрения решение. Помогая вам, они неосознанно будут думать все равно о себе, а не о вас, о том, как они великодушны и добры, спасая того, кто попал в беду. Если вы в ближайшее время из беды не выберетесь, то они могут вас начать активно подталкивать. Если вы все равно плохо справляетесь, то они могут потерять интерес к вам, потому что им хочется быть впрямую сопричастными к чьему-то спасению.

Спасательство делает из человека зависимую жертву, психотерапия — помогает стать лично богаче от пережитого, умнее от открывшегося, яснее от честного взгляда на себя самого и увереннее от осознания способности пережить трудности, став еще более мудрым и целостным.

Поэтому на предложение: «Зачем мне идти к психотерапевту, я и с друзьями могу водки выпить?» — я отвечаю: «Можете. Вам решать, как поступить и на что потратить свое время и деньги». Своим клиентам я говорю: «Психотерапия — это не трата денег, это инвестиции, вложения в самый важный и ответственный проект: в собственную жизнь, в себя самого». Я и про свою личную психотерапию так думаю и точно знаю, что мои вложения по-прежнему окупаются с лихвой.

Знаем мы их, этих психотерапевтов!

Я неоднократно сталкивалась **со страхами** и **заблуждениями** потенциальных и реальных клиентов относительно того, как все происходит. Перечислю самые распространенные из них.

Психотерапевт обладает сверхспособностью видеть вас насквозь. Он каким-то образом узнает о вас даже то, чего вы совсем не хотите знать и тем более обнаруживать перед кем-то другим. Вы боитесь, что кто-то «раскусит» вас и воспользуется этим.

Под этим страхом есть некоторое основание. Когда вы были маленькими, ваши родители, имея определенные намерения, могли видеть вас как на ладони, легко считывали ваши чувства, в том числе и те, которые вы хотели бы скрыть. Возможно, что кто-то из них пользовался этим в своих целях. И теперь вам трудно поверить, что человек, способный вас «раскусить», не воспользуется своим знанием.

В действительности даже опытный психотерапевт, обладающий эмпатией и умением считывать сигналы вашего тела, может только предположить то, что с вами происходит. Хороший психолог именно так и будет делать — спрашивать вас, что же на самом деле с вами происходит, в крайнем случае, выдвигать свои версии. Профессионалу важно не оказаться правым или великим, «раскусив» вашу подноготную, а подвести вас к честному взгляду на самого себя и на то, как вы живете. А дальше уже вам решать, что делать с тем, что вам открылось. Вы вполне можете сказать: «Все не так. Я не согласен!».

Психотерапевт сделает из вас совсем другого человека по своему усмотрению. Может, если сильно захочет и будет нарушать все возможные этические нормы. Вообще, вас от вмешательства другого человека надежно оберегают ваши психологические защиты. Вы будете испытывать сопротивление, когда столкнетесь с тем, что вам трудно, или с тем, к чему вы еще не готовы. Хороший психотерапевт корректно

работает с вашим сопротивлением до тех пор, пока вы не осознаете его и не решите, что с ним делать: сопротивляться дальше или попробовать что-то трудное, непривычное, но новое для вас, расширить свои горизонты. К счастью, человеческая психика в достаточной мере защищена даже от самого «дружелюбного» вторжения. Никому не подвластно полностью вас изменить и даже просто хоть немного поменять против вашей воли, конечно, если не начать делать это злонамеренно. И при этом в вашей психике должны существовать сильная брешь, травма, чтобы позволить сделать это с собой.

Большинство психотерапевтов все-таки не обладают этой злонамеренностью, хотя в нашей стране, да и в любой другой вы всегда можете попасть на не очень сильного специалиста. Если вам один раз плохо полечили зуб, вы же не поселяете в своей голове мысль: больше никогда не ходить к зубным врачам. Вы просто ищете другого.

Психотерапевт делает вас зависимым от себя, желая вытянуть из вас побольше денег. Некоторая эмоциональная связь у вас с вашим психотерапевтом непременно возникнет, а возможно, даже зависимость. Определенный этап психотерапии может сопровождаться появлением у вас самых разных чувств к вашему психологу: от лютой ненависти до большой любви. Лютая ненависть будет сильно провоцировать вас на то, чтобы немедленно все бросить (хотя это чаще всего неэффективно, ведь с большой степенью вероятности это означает, что вы подошли к важной части работы — негативному переносу!), и тогда психотерапевт будет предлагать вам все же оставаться в отношениях, чтобы разобраться в этом сложном, но совершенно необходимом для вас процессе. Его настойчивость вы можете принять за манипулятивное желание преследовать только свои интересы, но это далеко не всегда так. Скорее наоборот — чем меньше опыта у психотерапевта, тем радостнее он вас отпустит, не желая или не умея выдерживать ваши сильные негативные чувства, а чем у него больше опыта, тем больше будет готовности пройти с вами

через все это ради того, чтобы вы обрели себя, психологически отделившись от родительских фигур.

«Большая любовь» чаще всего тоже объясняется переносом, то есть вы любите не совсем реального человека — вашего психолога. Его лично вы как раз не так хорошо знаете, вы любите некий образ: родительский, спасательский или какой-то еще. Вам эта любовь совершенно необходима — вы же доверяете другому что-то очень личное, трепетное, важное. И вам нужно верить в вашего психотерапевта, как дети верят в то, что их мама — самая лучшая. Без этого очень трудно расти и развиваться. Хороший специалист всегда это понимает и не пользуется вашей любовью в своих целях, зная, что, становясь взрослее, вы постепенно перестанете так сильно зависеть от него и начнете видеть его реальным.

Психотерапия нужна только душевнобольным людям. Это, безусловно, не так. Душевнобольные люди тоже получают психотерапевтическую помощь, поскольку и у них есть проблемы, с которыми им трудно справиться. Но душевно здоровому человеку этот процесс тоже будет очень полезен. Жизнь любого человека — это череда самых разнообразных кризисов, от естественных возрастных до незапланированных событийных, и уметь проходить через них максимально эффективно и адекватно не каждому удастся. Ни один человек не проживал свою жизнь два раза подряд, и потому никто не может быть заранее готов к тому, что принесет ему новый возраст или новая ситуация. Чужой опыт к вашей жизни, как правило, малоприменим. И почти невозможно прожить свое детство и юность, не получив ни единой травмы. Достаточно сложно иметь в своем окружении исключительно здоровых людей, не нанесших вам никакого вреда.

Безусловно, есть люди, достигающие взросления и просветления другими способами. И прекрасно, что эти способы существуют! Вам же лучше — вы можете выбрать тот, который вам больше всего подходит.

Кому это надо?

Любому, у кого есть проблемы и сложности, кто живет не так, как хотелось бы. Любому, кому интересны люди и он сам, кто хочет понять себя и своих близких: детей, супругов, родителей. Тому, кто хочет жить качественно и, не побоюсь этого слова, эффективно. Кто не хочет болеть, а хочет прислушиваться к своему организму и не гнобить его, помещая в такие напряженные психологические условия, от которых любой организм начнет корежиться и чахнуть. Тем, кто готов задаваться вопросами, а не глотать чужие ответы. Кто хоть сколько-то верит в то, что он уникален, сложен, неповторим. А значит — достоин изучения, хотя бы самим собой.

Детям это нужно для того, чтобы вовремя исправить те нечаянные оплошности или неосознанные вредительства, которые нанесли им взрослые люди. Иногда им нужно просто помочь приспособиться к той среде и жизни, в которой они вынуждены жить. Кого-то из них нужно поддержать, распознать талант, помочь ему раскрыться. Некоторым просто не хватает участливого и неэксплуатирующего внимания, интереса к их жизни за рамками привычных ролей «ученик», «сын», «воспитанный мальчик».

Мужчинам — для того, чтобы научиться признавать свои страхи и становиться только спокойнее и увереннее от этого, понять свои чувства, чтобы лучше понимать чувства окружающих людей: женщин, детей, сослуживцев, начальников. Для того чтобы понять, что та женщина, с которой он делит дни своей жизни, — не спасительница, не мать и не обслуга, а любимый человек, очень отличающийся от него самого, готовый любить и заботиться, но живущий еще и своими целями и задачами. Для того чтобы начать уважать себя и свое дело и самым естественным образом получать за это соответствующие деньги. Настоящая, а не компенсаторная уверенность в себе поможет ему уважать любого человека, даже очень непохожего на него самого.

Женщинам — чтобы признать свою красоту и силу. Обнаружить в себе способность не только всех понимать,

входить в положение, сглаживать углы и обходить конфликты, но и необходимость и возможность защищать свои личные границы, ощущать свои перспективы и таланты. Чтобы считать материнство счастьем, а не отбыванием наказания вследствие постоянно индуцируемых чувств вины и тревоги, а свой брак — союзом, в котором каждый может воплотиться в лучшего себя. Чтобы верить в свое очарование и способность покорять сердца вне зависимости от количества морщин или седых волос. Чтобы мудрость помогла ей справиться со всем, что преподносит жизнь.

Парам — ей и ему, когда им вдвоем никак не удастся договориться. Когда им кажется, что каждый по-своему прав, но вместе жить радостно все равно почему-то не получается. Для того чтобы была возможность все же услышать друг друга, увидеть реальность за пеленой навешанных друг на друга ожиданий и фантазий. Для того чтобы взрастить и сохранить любовь, которая с ними однажды случилась. Или расстаться, осознав причины и вклад каждого, чтобы в новых отношениях не повторять старых ошибок.

Семьям — особенной сложной системе, в которой люди живут каждый день. И каждый день в ней происходит что-то по устоявшимся законам и правилам, от которых они, быть может, страдают, но осознать и изменить это не в силах. Потому что если они начинают в ней что-то менять, вся система приходит в движение, но возвращает все в прежнее, давно устоявшееся равновесие. И тогда им остается только смириться — или прийти на психотерапию всей семьей, для того чтобы каждый из этих близких людей, объединенных родством и общими традициями, смог жить так хорошо, как только захочет, не утратив при этом священных связей и суперважного союза под названием «семья».

Молодым — для того чтобы с юности разобраться в себе и уже не тратить свою драгоценную молодость на тревоги, страхи, неуверенность и беспокойства, а просто жить — увлекаться, рисковать, пробовать, узнавать мир во всех его проявлениях. Для того чтобы, влюбившись, удержать любовь, превращая ее год за годом в крепкие,

взаимопитающие отношения. Для того чтобы дети, которые появятся, не несли на своих некрепких плечах груз родительских проблем, нерешенных психологических задач, эмоциональных трудностей, «заморочек», а могли гордиться своими молодыми родителями: самым смелым и справедливым папой и самой любящей и внимательной мамой.

Пожилым — чтобы разобраться со своей жизненной историей, признать то, что не признавалось, подумать над тем, до чего не доходили руки, простить того, кого много лет трудно было простить. Войти в партнерские отношения с совестью и освободиться от груза вины, накопленного за годы. Научившись доверять молодым, избавиться от беспокойства за детей и внуков. Найти новый смысл в этом «осеннем сезоне» своей неповторимой жизни, превращая накопленный опыт в мудрость, которая всегда будет востребована.

Бедным — для того чтобы понять, что бедность — не порок, а неправильное функционирование жизненной энергии, непроработанность темы денег, родовые послания, социалистическое наследие или прежний травматический опыт. И наладить свою жизнь так, чтобы финансовая состоятельность стала закономерным итогом профессиональной реализации, в которой деньги явятся естественным итогом личного успеха.

Богатым — для того чтобы понять, что из жизненно важного они могли упустить, пока зарабатывали свои капиталы. Для того чтобы пережить кризис неудовлетворенности и пустоты, который легко себе заработать, относясь к самому себе и к окружающим функционально и однобоко. Для того чтобы не наполнять свою жизнь тем, что уже давно по-настоящему не приносит удовлетворения — счетами, домами, машинами, яхтами, путешествиями — а осознать и устроить свою жизнь так, чтобы зарабатывание денег не превращалось в бегство от родительского недовольства или травматично-бедного детства, чтобы счета в банках не были компенсацией неуверенности и тревоги, желани-

ем взять все под свой контроль во избежание повторения какой-нибудь своей детской истории. Чтобы сделать свою жизнь не гонкой за властью и достижениями, а интересным путешествием, в котором можно быть по-настоящему счастливым, увлеченным и плодотворным.

Что вы получите?

У очень многих людей в процессе воспитания сформировались определенные представления о себе и мире. В большинстве случаев представления были жестки и однозначны, с понятным набором поступков и суждений, с логичным воздаянием либо наказанием в конце. Если вы будете хорошим мальчиком, что значит — отлично учиться, выполнять домашние задания, быть вежливым со старшими, помогать маме по дому, дружить со своим классом, быть добрым и аккуратным, то когда вы вырастаете — станете хорошим инженером и семьянином. А если вы в детстве — нехороший мальчик, то вырастаете бандитом, вас посадят в тюрьму, ну или вы умрете под забором; здесь в принципе есть некоторые варианты.

Нам дали в детстве набор стереотипов и правил для того, чтобы нам легче жилось. Ведь детскому сознанию, как казалось взрослым, непросто вместить в себя все многообразие мира, его многозначность. Поэтому нам и объясняли, «что такое хорошо и что такое плохо», разделяя мир на черное и белое, простую полярность, чтобы было проще. Разделив мир в нашем сознании на два туннеля — «хорошо» и «плохо», — нас призывали выбрать тот, по которому нам следует идти и, вне всяких сомнений, склоняли нас к тому самому «белому» туннелю, к хорошей жизни хорошего мальчика. «И что плохого?» — спросите вы. Ведь каждый родитель хочет, чтобы у его ребенка благополучно сложилась жизнь, чтобы он был счастлив. Так естественно нам, пожившим, устроить для него безопасную и понятную жизнь. Мы же хотим для него всего самого лучшего!

Безусловно, родителей можно понять. Жизнь в туннеле значительно безопаснее — тебя защищают стены, и не надо думать и выбирать, куда идти, потому что направления только два: вперед и назад. А при полученном указании «только вперед!» — всего одно. Жить в черно-белом мире тоже значительно проще: ведь сразу видно — черное это или белое. Правда, иногда еще появляется серый цвет, и тогда трудно решить, к какому из предыдущих двух его отнести... Но это ж можно определить на глаз.

Решая задачи нашего детства, можно было справляться, имея черно-белый мир и туннель в наше счастливое будущее, но когда мы начинаем взрослеть и жизнь ставит перед нами задачи посложнее, чем «дважды два», детское представление о «плохом и хорошем» перестает нам помогать эффективно.

В процессе психотерапии вы можете осознать, что быть добрым и откликаться на чужие просьбы, конечно, хорошо, но только постепенно вы начнете замечать, что часть людей просто пользуются вашей добротой, кто-то манипулирует вами намеренно, стремясь добиться своего, что иногда вас просто не уважают за то, что вы не можете отказать, что вы все время заняты решением чужих проблем, — а кто будет решать ваши? К тому же у вас будет шанс заметить, что ваши добрые дела часто не являются на самом деле добрыми, потому что укрепляют в других, например, инфантилизм, развивают в них психологическое иждивенчество, жертвенную позицию, манипулятивные модели поведения. И тогда вам придется пересмотреть привычную схему «быть добрым — хорошо» или хотя бы отказаться от ее однозначности и простоты.

Раньше, когда вас ругал начальник, в первый момент вы чувствовали испуг, а потом вам было обидно, ведь начальники всегда ругают очень несправедливо. Вы дулись и обсуждали противного начальника с сослуживцами. Начальника все это как минимум раздражало, как максимум — провоцировало на то, чтобы быть недовольным вами снова. Если вы будете разбираться со своими привычными детски-

ми реакциями, постепенно у вас появится более широкий спектр чувств, и, соответственно, действий в качестве реакции на то же самое событие. Вас ругает начальник, и вы можете:

- расстроиться, ведь всегда неприятно, когда тебя ругают, проанализировать и попытаться взять в расчет то, что с вами случилось;
- попросить начальника объяснить, в чем именно он видит вашу ошибку или неправоту;
- признать свою ошибку, извиниться и исправить ее;
- взять себе время, разобраться в ситуации и понять, что правы были вы, а не он, и попытаться уважительно донести до него свою позицию;
- если вопрос важный, а начальник вас по-прежнему не слышит, то можно вступить в конструктивную конфронтацию с ним по этому поводу.

В любом случае все эти ваши поступки вызовут у окружающих и самого начальника лишь уважение. И вы ощутите себя не жертвой, а человеком с определенными правами, позицией и личностными границами.

Психотерапия так и работает: вместо одного привычного способа реагировать на ситуацию (который всегда останется у вас) могут появиться еще несколько, часто подходящих значительно лучше.

Вместо черно-белого мира появятся не только краски, но и оттенки. Да, жить будет сложнее, потому что вы уже не сможете сказать: «зеленый» — это хорошо или плохо? Вы скажете: смотря в каком сочетании, в каком месте, и вообще — это не хорошо и не плохо, это просто — «зеленый», причем скорее «изумрудный», или «травяной», или «фисташковый».

Вместо одного направления в туннеле «только вперед» вы получите возможность идти, плыть, лететь куда захотите. Туда, куда понесут вас ноги, куда позовут судьба или ваше предназначение.

И еще: если у вас были психологические травмы и вам по каким-то причинам не удалось с ними справиться, то травма

в вашей жизни будет воспроизводиться вновь и вновь, потому что в психике существует намерение завершить то, что не было завершено. И если ваша травма не была отработана и закрыта, то вы, совершенно не желая того, будете притягивать людей и события, которые будут «помогать» вам попадать в эту травму снова и снова. И без посторонней помощи вам будет даже трудно понять, что именно с вами случается и почему это происходит снова и снова, и уж тем более будет трудно это преодолеть.

Есть такая фраза — «бороться с самим собой». Считается, что это хорошо. При этом подразумевается, что в нас есть что-то плохое и неправильное, с чем стоит бороться. Борьба подразумевает чью-то победу или поражение. В данном случае вы — «правильный» — победите себя — «неправильного». Что вы сделаете с «неправильным»? Истребите? Посадите в тюрьму? Такая борьба приводит к тому, что вы не становитесь лучше, вы делаетесь меньше, слабее, уже. Человек лишь подобен Богу, но он не Бог, а значит, несовершенен по природе своей. В нем есть все — и задача человека состоит не в том, чтобы истреблять в себе что-то одно ради чего-то другого, а в том, чтобы знать о себе как можно больше, открыть и присвоить самые разные свои способности и качества, как те, которые в быту считаются «хорошими», так и те, которые кто-то может назвать «плохими». Ведь счастлив и гармоничен не «хороший» человек, а целостный. Тот, кто знает свои «недостатки», принимает их и считает своими особенностями, кто осознает свои достоинства и умеет ими пользоваться, кто не оценивает и не осуждает ни то и ни другое ни в себе, ни в других людях.

Если вы знаете и принимаете свои «недостатки», вас невозможно уязвить. Вам скажут: «Ты — толстый», — а вы в ответ с улыбкой и легким удивлением: «Ну да, я в курсе». Если вы присваиваете свои достоинства, вас не сбить с ног: что бы ни случилось, вы знаете, на что внутри себя вы можете опереться.

Ваши отношения с другими людьми будут опосредованы вашими отношениями с самим собой, говорят психоло-

ги. Это правда. Если вы знаете и принимаете себя, то и другие люди будут вам интересны, если вы жестко оцениваете и критикуете, борясь с чем-то в себе, то и другие люди будут у вас вызывать раздражение, желание покритиковать и переделать. И вы будете делать это с ними, а они в ответ будут так же поступать с теми, кто вокруг, включая и вас, конечно.

Слова, слова, слова... Как ни печально, но ничего из того, что вы прочитали сейчас, на самом деле вам не поможет. Потому что то, о чем я говорю в этой главе, недостаточно просто прочитать и понять головой, это надо прожить, потому что разговор о психотерапии от самого процесса психотерапии отличается так же, как чей-то рассказ о путешествии от пути, который вы прошли сами шаг за шагом, километр за километром.

В чем все же отличие профессиональной психотерапии от «бытовой»?

В образовании. В нашей стране все любят заниматься самообразованием, самообразованием, самоутешением. Все, как им кажется, знают, как лечиться, если заболел, как воспитывать и учить детей, как помогать в случае душевных проблем. Понятно, что такое заблуждение у нас выработалось не от хорошей жизни, а потому, что с профессионализмом в стране было неважно, да и с деньгами тоже. Но все же профессионал от любителя отличается в первую очередь наличием специального образования, которое в случае медицины, психологии, педагогики (да и в других случаях тоже) будет системным, то есть будет рассматривать человека и процесс, в котором он находится, в некоей системной целостности. Это немаловажно. Если вы поранили руку, вы можете помазать рану зеленкой, заклеить пластырем, и все будет в порядке. Но если вдруг ваша рука стала опухать или краснеть, начался озноб, поднялась температура, то совершенно очевидно, что ваша незначительная проблема стала системной. Ваш организм надо спасать в целом, чем и пред-

стоит заняться врачу. Если же вы продолжите самолечение, то рискуете получить еще большие проблемы, возможно, даже потерять жизнь.

В психотерапии точно так же. На ваш непрофессиональный взгляд, проблема может показаться незначительной, и вы можете дать совет, не согласующийся с ситуацией и личностными особенностями того человека, которому вы хотите помочь. И тогда в лучшем случае вы не нанесете вреда. А если дело касается детей или людей, от вас зависящих, то ваши непрофессиональные действия могут быть причиной усугубления психологической травмы.

В особой позиции психотерапевта. Я уже писала о том, чем спасательство отличается от профессиональной психологической помощи. Хочу сказать об этом еще раз. Спасательство — это, как правило, малоосознанное стремление решить свои собственные проблемы и задачи за счет другого человека. Спасатель всегда имеет некие бонусы за то, что спасает других людей. Например, он чувствует себя добрым, щедрым, сильным (в то время как спасаемый — слабым, зависимым, подчиненным, обязанным). Или он наполняет свою жизнь смыслом, и тогда спасаемый часто становится заложником смысла жизни своего спасателя, и потому ему бывает так непросто спастись. Либо спасатель начинает увлеченно заниматься чужой жизнью и чужими проблемами, чтобы не решать свои. Неосознанность намерений делает это мероприятие очень неясным и размытым. Неблагодарность, зависимость, разочарование, виноватость, долженствование — не только эти трудноперевариваемые эмоции начинают «гулять» в пространстве между этими двумя людьми. Еще, согласно теории, есть третий — «преследователь» или «тиран», без наличия которого эта пара быстро теряет энергию. И вот тогда все усложняется настолько, что вскоре уже трудно разобрать, кто кого тиранит, спасает или рассчитывает на спасение.

Спасатель позиционно поначалу всегда немного сверху, «жертва» — снизу, это позволяет одному ощущать себя сильным и ресурсным, а другому использовать свой тради-

ционный детский манифест. При этом никто не оказывается по-настоящему спасенным. Потому что «жертва» только оттачивает свои инфантильные способы поведения, а «спасатель» — подпитывает собственную грандиозность, по сути, возвышаясь за счет неявного принижения другого.

Позиция психотерапевта не подразумевает спасательство. Психотерапевт учит своего клиента ощущать собственные ресурсы и, опираясь на них, решать свои проблемы. Он расширяет взгляд клиента на мир и на самого себя, и это дает ему возможности других выборов. Позиция психолога — обращение равного к равному. Психолог знает о людях вообще, знает законы развития психики, особенности протекания тех или иных психических процессов, но он не знает об особенностях жизни клиента, о его персональной истории, об уникальности его контакта со своими глубинными эмоциональными переживаниями. Этим знанием владеет только пришедший к нам клиент. И вот тогда эти два человека создают поле, сотканное из этих знаний, возникающих друг к другу чувств и эмоций, и это поле позволяет обнаружить закономерности, увидеть ранее невидимое, скрытое в глубинных слоях психики, найти первопричины, устранить препятствия, раскрыть нераскрытое.

В наличии четких границ. Нередко спасатели ощущают себя «съеденными», если их подопечные так и не начинают справляться со своими проблемами сами, если они без конца висят на телефоне, требуют внимания, участия, поддержки. Сколько бы времени уже спасатель ни потратил на спасение, стоит ему начать раздражаться или намекать на усталость, отказывать в помощи, уходить в собственные дела и проблемы, как его несчастные подопечные начнут чувствовать себя брошенными, обманутыми, незаслуженно обиженными. И вместо благодарности, которая должна была бы питать угасающие силы спасателя, он получит обиду, злость, разочарование. А это совсем не то, на что спасатель подсознательно рассчитывал!

Поэтому психотерапия задает определенные границы. Есть определенное время — час, два часа, пятьдесят минут,

сорок. Каждый терапевт сам определяет сколько времени будет длиться психотерапевтическая встреча. Это время отдано клиенту, его жизни, его проявлению, истории, слезам. Время, которым клиент может распоряжаться. Но оно определено, а не безгранично. И наличие скорой окончательности встречи подталкивает клиента к тому, чтобы использовать это время максимально эффективно.

Другая граница — это деньги, которые клиент платит психологу. Деньги актуализируют ответственность и того и другого. Деньги являются простым способом измерить и возместить затраты психотерапевта на этот процесс. Это освобождает клиента от долженствования, он не чувствует себя обязанным как-то еще возмещать психологу его время и хлопоты. «Жертва» же классического спасателя вечно ему обязана и должна, но ни она сама, ни ее покровитель не могут измерить и не знают, как возместить время и участие, направленное на решение ее проблем.

В особенностях происходящих процессов. Между клиентом и психотерапевтом заключается устный или письменный контракт, который подразумевает и описывает меру ответственности каждого, оговариваются правила и условия. В соответствии с этим психотерапевт не может сказать клиенту: «Слушай, мне надоело разгребать все твои проблемы», или: «Мне сейчас не до тебя, у самой забот полон рот». Клиент вправе рассчитывать на то, что с ним будут столько, сколько потребуется. В крайнем случае, психотерапевт может передать своего клиента коллеге, если по каким-то причинам он не сможет продолжить работу.

Само поле в случае возникновения хорошего рабочего альянса между этими двумя людьми создает ситуацию погружения, переноса, правильное обращение с которыми приводит к тому, что клиент обнаруживает и прорабатывает свои прежние, переставшие быть эффективными модели.

Клиент в процессе психотерапии делает именно то, что он делает в обычной жизни, проявляя себя точно так же, как он проявляет себя с другими важными для него фигурами: родителями, мужьями, женами, детьми. И если «спа-

сатель» на проявленную клиентом злость, обиду, критику, обесценивание может прореагировать ответной критикой, злостью или саморазрушением, то задачами терапевта будут выстаивание в любой клиентской буре, уважительная демонстрация клиенту его особенностей и происходящих процессов, поиск истоков такого поведения, залечивание «старых ран», приведших к тому, что теперь он по каким-то причинам реагирует именно так. Постепенно, когда раны залечатся, а внутренне клиент станет более гибок, многогранен и степень его самопринятия возрастет, он перестанет реагировать разрушительно. Но для этого нужны знания, время и усилия.

Для чего?

И действительно, зачем я про это пишу? Когда людьми владеет убежденность, они проповедают свою правду, свой способ жить. Мануальщик вас будет убеждать, что все проблемы — от ваших трудностей со спиной, иммунолог — от вашего слабого иммунитета, диетолог — от неправильного питания. Я тоже могу сказать, что все ваши болезни и сложности, как в народе говорят, «от нервов». Однако не скажу. Потому что человек слишком сложно устроен, поэтому нельзя давать простые и однозначные ответы. Но психотерапия — это способ. Во всяком случае, один из многочисленных способов познать себя и тех, кто вокруг. И мне кажется очень важным, чтобы такой возможностью люди пользовались. В этом есть мой совершенно определенный «шкурный» интерес.

И он состоит совсем не в том, чтобы вы, прочитав мою книгу, пришли именно ко мне. Этот мотив, пожалуй, наименее важен, поскольку у меня нет возможности принять всех, кто уже готов это сделать, и я с тревогой и мукой смотрю на список записавшихся в очередь. Мне важно, чтобы вы просто пришли. Психотерапия в Москве и ведущих городах России сейчас бурно развивается и пополняется кадрами,

которые год от года становятся все более квалифицированными. Уже есть много талантливых и опытных психотерапевтов, способных вам помочь.

Так для чего мне нужно с такой убежденностью пропагандировать психотерапию? Я знаю, что осознающий себя, по-настоящему взрослый человек не будет так слепо управляем разными структурами и силами, начиная от политических и заканчивая духовными. Я хочу жить в этой стране, но не хочу жить при тоталитарном или авторитарном режиме. И в этом смысле я заинтересована в том, чтобы общество, в котором я живу, было по возможности здоровым. Не питаю иллюзий на этот счет, но вижу, как со сменой политического режима, уходя от детского коммунистическо-социалистического рая, люди в общей массе становятся взрослее, понимая, что просто быть убежденным ленинцем недостаточно для успешной жизни в этом новом мире. Современный мир бросает новый вызов, и на него положительно отвечает только тот, кто к этому хоть как-то готов.

Еще я знаю, что прошедший психотерапию врач, учитель, воспитатель нанесет меньше травм детям, в том числе и моему ребенку и внукам, когда они появятся. Я точно знаю, что если люди начнут ходить на психотерапию, то вокруг меня будет больше интересных и увлеченных людей и меньше манипуляций и саморазрушительных тенденций: алкоголизма, наркомании, несущихся на бешеной скорости машин во дворах, где играют дети. Мужья будут меньше бить своих жен, а те будут меньше их доводить. Родители будут довольны своими детьми, а дети счастливы от того, что живут. Идеализм? Детские мечты о рае? Допустим. Могу же я позволить себе оставить хоть какую-то иллюзию? Пусть она будет называться «Психотерапия, которая может помочь всем, кто этого захочет». Мне она уже помогла.

ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛА ЭТУ ИСТОРИЮ

(для тех, кому важно понять, как связано
одно с другим)

Объяснить, что такое психотерапия, в одной статье невозможно, даже описав подробно стадии, явления, процессы. Душа обладает своим языком, и в разных направлениях психотерапии язык души будет прослеживаться через разные проявления человека. В телесно-ориентированной терапии языком будут симптомы и сигналы вашего тела, в когнитивном направлении — ваши мыслительные конструкции, в юнгианском психоанализе — ваши сны, символы, ваша жизнь, отраженная в мифах. Язык души многообразен. И нет единственно верного. Любое ваше проявление есть вы, и нет ничего второстепенного и неважного.

Выслушав за годы работы множество самых разных историй (история Анны — в чем-то традиционна, а в чем-то не похожа на все остальные), я поняла, что многое из того, что происходит в моем кабинете и в жизни моих клиентов, на самом деле происходит где-то еще, на каком-то другом, символическом уровне бытия. Возможно, на далеком острове, плотно укрытом от остального мира туманом.

Наша жизнь в детстве чем-то похожа на жизнь Ганса из моей символической истории. Будучи хорошими детьми, мы делали свою нехитрую, но полезную работу на острове с понятными правилами под названием «детство». От реальной взрослой жизни нас спасали сказки об «опасном мире за пределами острова», при встрече с которым может случиться все что угодно.

В детстве нам так необходимы были родители, их забота и защита помогали нам вырасти. Но, взрослея, мы постепенно выбирались из-под контролирующей опеки материнских глаз. Далеко не каждому в нашем символическом туманном Городе очевидно, что Правление — в чем-то прообраз родительских фигур — может скрывать за заботой о своем народе лишь необходимость сохранять контроль и власть.

И не все осознают, что цена, которую они платят за мнимую безопасность, — свобода.

«Кто я?» — этим вопросом периодически задается каждый. Как и моего героя, любого человека мнимая простота вопроса способна погрести под собой, поскольку ответ совсем не очевиден. Более того, с поиска этого ответа и начинается путь Ганса к другим берегам и к другой жизни. Путь моих клиентов в психотерапии, конечно, не всегда начинался именно с этого вопроса, но символически он звучит в наших встречах постоянно, поскольку знания наши о себе и других на самом деле столь же отрывочны и неполны, как знания жителей Города о самих себе и мире за пределами острова.

Подобно тому как Ганс грезит о солнце, желая увидеть еще раз этот особый свет, так многие мои клиенты грезят о жизни, наполненной совсем другими красками и чувствами. Они плохо помнят ее. Быть может, такое бывало с ними лишь в очень раннем детстве... Они грезят о тех временах, мечтая вновь испытать ту остроту чувств, яркость желаний и полноту бытия. Но вместо этого — лишь туман. Безопасный, но размывающий границы, съедающий перспективу, возможность видеть больше, чем на три шага вперед. Неосознанность моих клиентов, только пришедших на терапию, весьма похожа на жизнь в тумане: их посещают мысли, чувства, ощущения, которые они часто не могут связать в цельную картину своего бытия. Так же невозможно увидеть в тумане целый пейзаж, он будет являться частями, лишая полноты восприятия.

Захотеть покинуть остров в моей истории может только настоящий герой, тем более рисковать жизнью ради призрачной возможности свободы и новых открытий. Именно архетип героя в юнгианской психологии, существующий внутри каждого из нас, позволяет всем нам в какие-то моменты пренебрегать безопасностью ради развития. Именно герой идет на риск, оставляя изведанную и хорошо налаженную жизнь ради того, чтобы выйти за границы познанного. Именно он оставляет все, что имел, ради того, чтобы

приобрести неизмеримо больше — свое предназначение и свою собственную жизнь.

Чтобы оставить надежное и вполне признанное ремесло, нужны мужество и решительность и осознание, что вы можете что-то большее, — например, как Ганс, строить корабли. К тому же нужна внутренняя уверенность, граничащая с непоколебимой убежденностью в необходимости сделать это — начать поиск. Как и Ганс, мои клиенты обычно проходят через множество сомнений, поскольку их внутренний герой начинает спорить с другими субличными, привыкшими к пусть туманному, но простому бытию. Сомнения уходят лишь с осознанием скудности и духоты прежнего существования, ограниченности и тотальной зависимости от внутренних родительских фигур. И лишь опора на своего внутреннего героя, всегда готового ответить на жизненный вызов, какой бы несбыточной ни казалась мечта, каким бы сложным ни оказывался путь, позволяет преодолеть все сомнения.

Но как нашему Гансу приходится отстаивать право искать свое предназначение и преодолевать множество препятствий, прежде чем отправиться в путь, так и моим клиентам часто приходится вступать в конфронтацию со своими близкими. Ведь большинство из них воспринимают психотерапию как угрозу собственному бытию, поскольку изменения в клиентах выводят из равновесия всю систему прежних отношений. И к несчастью для близких (временному!), у многих клиентов, как и у Ганса, нет пути назад. Осознав, что они всю жизнь живут на туманном острове, большинство из моих клиентов не желают на нем оставаться и готовы пройти через многое, чтобы увидеть солнце и другие земли. Близкие же со временем смиряются с жизнью в таких непредсказуемых для них отношениях, а потом начинают гордиться, восхищаться, признавать. Некоторые в результате тоже приходят к желанию начать собственную психотерапию, начать свои поиски, продвигаясь к своим берегам.

Но у Ганса все еще впереди: и радость открытий, и горечь потерь. И когда наконец удастся вырваться из плена

надоевших симптомов, многие клиенты чувствуют облегчение, и искушение бросить психотерапию посещает их, так же как Ганса — искушение остаться в сосновом лесу, вырвавшись из плена Города. И только талисман, подаренный маленькой девочкой, и протесты друга возвращают его к прежним намерениям. Так и разные стороны наших клиентов, помогающие в поиске и развитии, не дают им свернуть со сложного пути. Ведь предстоит не только осознать систему родительских правил, травм и запретов, вырваться из них, пройдя через свою страшную топь (Дж. Холлис, известный юнгианский психоаналитик, именно так называет наши «душевные омуты», миновать которые невозможно, — можно только пройти), но и узнать, кто ты есть, построив свой особенный корабль.

Насколько труден и опасен бывает путь, без преувеличений описано в первом плавании Ганса. Ощущение свободы и встреча с внутренним солнцем чередуются с тяжелыми штормами и гибелью чего-то очень дорогого, близкого, но прошлого. Для многих клиентов это весьма тяжелые субъективные переживания. Многие так и говорят: «Я этого не переживу. Это слишком тяжело. Старого уже нет, нового еще нет. Как жить? На что опираться?». Но отрыв от своей детской земли и плавание к новым мирам не могут происходить иначе: вцепившись в старые опоры, трудно было бы двигаться вперед.

Прощение и сотрудничество с Якобом, бывшими внутренними родительскими фигурами позволяют заручиться поддержкой из прошлого, воспользоваться родовым ресурсом и продолжать «строить корабль». Необходимость в старом рыбаке — проводнике Ганса в его исканиях — к этому времени постепенно отпадает. Опора на внешнее знание должна смениться собственной креативностью и созиданием.

Но когда корабль построен, это еще не конец путешествия и не конец истории. Еще предстоит само плавание, опасное штормами и потерями. Так в процессе психотерапии моих клиентов захлестывают сильнейшие чувства, ко-

торые, по их субъективному восприятию, грозят их «потопить». Так в процессе терапии и плавания они теряют свои прежние, детские иллюзии, все больше встречаясь со взрослым экзистенциальным одиночеством, с тревогой и страхом никогда не увидеть новую землю, не справиться с этой новой взрослой жизнью. Так они иногда перестают ощущать красоту и величие моря и собственной жизни, потому что начинают думать о результате или погружаться в тревожное ожидание катастрофы.

Однако новая земля уже на горизонте, и ее не миновать, а ее обретение — лишь дело времени, особенного для каждого клиента и каждого путешествия. Сколько его потребуется? Месяцы? Не меньше. Годы? Возможно. Вся жизнь? Не исключено. Ведь после того, как ваш корабль причалил к новым другим берегам, вам предстоит еще освоение новых земель, постройка вашего нового дома, поиск нового предназначения, а быть может, новое, да еще и не одно путешествие. Только все это со временем вы научитесь делать уже без помощи психотерапевта. Потому что вам будет известен этот сложный ответ на простой вопрос: «Кто я?». И поверьте, что ради этого ответа стоит совершить героическое странствие и увидеть солнце.

Содержание

От автора.....	3
Там, где тебя еще нет... (<i>Роман</i>)	4
Освобождаясь от иллюзий. (<i>Взгляд психотерапевта</i>)	212
Почему я написала эту историю	246

Млодик Ирина Юрьевна

ПСИХОТЕРАПИЯ КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ
ИЛЛЮЗИЙ

Редакторы *Е. А. Пронина, К. В. Федорченко*
Корректоры *Т. Ю. Барышникова, Н. И. Кузьменко*
Оригинал-макет *В. Н. Кокорев, С. В. Иванова*
Дизайн обложки *А. В. Гуцина*